МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Том 13, № 1

Январь – Март 2020

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА

Издается Тюменским индустриальным университетом с 2002 г. Журнал "Региональные социальные процессы" сменил название на "Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика" в 2008 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77–39119 выдано 11 марта 2010 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель журнала **Тюменский индустриальный университет**

Соучредители журнала Институт социально-политических исследований РАН Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН Российский университет дружбы народов

Аккредитован международным агентством научных журналов «Cabell» (США)

Главный редактор М. Л. Белоножко

Редакционная коллегия

Алексеенко А. Н., Барбаков О. М., Батырова Н. Т., Гаврилюк В. В., Гасанов Э. Л., Генин В., Голенкова З. Т., Данилов А. Н., Докторов Б. З., Енгоян А. П., Енсенов К. А., Зборовский Г. Е., Ильиных С. А., Левашов В. К., Максимова С. Г., Мартынов М. Ю., Нагымжанова К. М., Нарбут Н. П., Пленкина В. В., Рой О. М., Сартбекова Н. К., Силин А. Н., Тараданов А. А., Укубасова Г. С., Хайруллина Н. Г. (зам. гл. редактора), Янчаркова Ю.

Адрес редакции: 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Киевская, 52, офис 314 Тел./факс: 8 (3452) 28–30–76, http://www.sep-tyuiu.ru E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

Включен в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ ведущих рецензируемых научных журналов и изданий

ISSN 1993-1824

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский индустриальный университет», 2020

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vol. 13, No. 1

January – March 2020

PROCEEDINGS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

SOCIOLOGY. ECONOMICS. POLITICS

Published by Industrial University of Tyumen, Since 2002 In 2008 the Journal "Regional Social Processes" changed the title to "Proceedings of higher educational institutions. Sociology. Economics. Politics"

> Registration Certificate of Mass Communication Media PI № FS 77–39119 Issued in March 11, 2010 the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Communications

Founder Industrial University of Tyumen

Co-Founders

Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences Peoples' Friendship University of Russia

Accredited by "Cabell", the international publishing directory of journals for professors and researchers (U.S.A.)

Editor-in-Chief M. L. Belonozhko

Editorial Board

Alekseyenko A. N., Barbakov O. M., Batyrova N. T., Gavriliuk V. V., Hasanov E. L., Genin V., Golenkova Z. T., Danilov A. N., Doctorov B. Z., Engoyan A. P., Yensenov K. A., Zborovsky G. E., Zvonnikov V. I., Iljinyh S. A., Levashov V. K., Maximova S. G., Martynov M. U., Nagymzhanova K. M. Narbut N. P., Plenkina V. V., Roy O. M., Sartbekova N. K., Silin A. N., Taradanov A. A., Ukubasova G. S. Khairullina N. G. (Deputy Editor-in-Chief), Jančárková Ju.

Address: 625000, Russia, Tyumen, Kievskaya St., 52, office 314 Telephone/Fax: 8 (3452) 28–30–76, http://www.sep-tyuiu.ru/ E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

Included in the RF Ministry of Science and Higher Education SAC List of leading reviewed scientific journals and publications

ISSN 1993-1824

© Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Industrial University of Tyumen», 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Белоножко Марина Львовна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Зам. гл. редактора Хайруллина Нурсафа Гафуровна

д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Алексеенко Александр Николаевич

д. ист. н., профессор, директор НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского государственного университета им. Сарсена Аманжалова (Казахстан)

Барбаков Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой бизнес-информатики и математики Тюменского индустриального университета

Батырова Назыгуль Турсынхановна

к. э. н., доцент программы «Государственное управление и региональное развитие» в Высшей школе «Государственного управления и экономики», Международном казахскотурецком университете имени Ходжа Ахмеда Ясави

Гаврилюк Вера Владимировна

д. с. н., профессор, консультант кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Гасанов Эльнур Лятиф оглу

PhD (доктор философии по истории), главный специалист Гянджинского отделения НАН Азербайджана

Генин Влал

PhD, глава факультета бизнеса и информационных технологий университета Феникса, Кампус в мегаполисе Сан-Франциско, Силиконовая долина (США)

Голенкова Зинаида Тихоновна

д. ф. н., профессор, руководитель Научно-образовательного центра, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Данилов Александр Николаевич

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Докторов Борис Зусманович

д. ф. н., профессор, независимый аналитик и консультант, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге

Енгоян Ашот Пайлакович

д. полит. н., зав. кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета (Армения)

Енсенов Канат Алексеевич

к. ист. н., ведущий научный сотрудник Института истории Государственного комитета по науке Министерства образования и науки Республики Казахстан, кандидат исторических наук

Зборовский Гарольд Ефимович

д. ф. н., профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Ильиных Светлана Анатольевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Левашов Виктор Константинович

д. с. н., профессор, руководитель отдела стратегических социальных и социально-политических исследований РАН

Максимова Светлана Геннадьевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета

Мартынов Михаил Юрьевич

д. полит. н., профессор, зав. лабораторией социологических и правовых исследований Сургутского государственного университета

Нагымжанова Каракат Мукашовна

д. пед. н., доцент, заведующая кафедрой педагогики и психологии университета Туран

Нарбут Николай Петрович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов

Пленкина Вера Владимировна

д. э. н., профессор, зав. кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского индустриального университета

Рой Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Сартбекова Нуржан Коодоевна

д. пед. н., доцент, заведующая кафедрой философии, межкультурной коммуникации и психологии Международного университета инновационных технологий

Силин Анатолий Николаевич

д. с. н., профессор, главный научный сотрудник кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Тараданов Александр Ардалионович

д. с. н., профессор кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета

Укубасова Галия Сагандыковна

Доктор (PhD) экономики и бизнеса, к. э. н., Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, ученый секретарь

Янчаркова Юлие

PhD, научный сотрудник Славянского института Академии наук Чехии (Чехия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief Belonozhko Marina Lvovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Deputy Editor-in-Chief Khairullina Nursafa Gafurovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Alekseyenko Aleksander Nikolayevich

Doctor of History, Professor, Director of NITS(SIC) "Altaytanu", East Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov

Barbakov Oleg Mikhavlovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen

Batyrova Nazygul Tursynkhanovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the program "Public Administration and Regional Development" at the Higher School of Public Administration and Economics, the International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi

Gavriliuk Vera Vladimirovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Scientific Consultant of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Hasanov Elnur Latif oglu

PhD (Doctor of Philosophy in History), Senior specialist of Ganja branch of Azerbaijan National Academy of Sciences

Genin Vlad

PhD, Chair, School of Business and IT University of Phoenix, Bay Area Campus (San Francisco - Silicon Valley Metropolitan Area) (USA)

Golenkova Zinavida Tikhonovna

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Scientific and educational Center, Head of the Center for Researches of Social Structure and Social stratification, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Danilov Alexander Nikolayevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department, the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarus State University (Belarus)

Doctorov Boris Zusmanovich

PhD (in Philosophy), Professor, Independent analyst and consultant, associate researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg

Engoyan Ashot Paylakovich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of Political Science, Yerevan State University

Yensenov Kanat Alekseevich

Candidate of historical sciences, leading researcher at the Institute of History of the State Committee for Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, candidate of historical sciences.

Zborovsky Garold Efimovich

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Iljinyh Svetlana Anatolyevna

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management

Levashov Viktor Konstantinovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, of the Institute of Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences

Maximova Svetlana Gennadjevna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Altai State University

Martynov Michail Urievich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Sociological and Legal Researches, Surgut State University

Nagymzhanova Karakat Mukashovna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, "Turan-Astana" University

Narbut Nikolai Petrovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Plenkina Vera Vladimirovna

Doctor of Economic Sciences, Head of Department of Management in Branches of Fuel and Energy Complex, Industrial University of Tyumen

Roy Oleg Mikhailovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Sartbekova Nurzhan Koodoevna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Intercultural Communication and Psychology, International University of Innovative Technologies

Silin Anatoliy Nikolaevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Taradanov Aleksandr Ardalionovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Chair of Social Work and Sociology, Chelyabinsk State University

Ukubasova Galia Sagandykovna

Doctor (PhD) of Economics and Business, PhD in Economics, Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Scientific Secretary

Jančárková Julie

PhD, Researcher of the Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (The Czech Republic)

СОДЕРЖАНИЕ

Половинко В.С., Арбуз А.В., Диннер И.В. Интересы субъектов профессионального самоопределения	9
Попова И.В., Гаджигасанова Н.С., Дудина И.М. Влияние уровня неопределенности и трансформации социальной среды на формирование кредитного поведения населения	24
Киселева А.М. Оценка потенциала внедрения государственно-частного партнерства в практику кластерной политики региона	32
Лобова С.В., Долженко Р.А., Илюшников К.К. Модели и детерминанты миграционного поведения молодежи г. Барнаула	46
Кибенко В.А., Сухова Е.А. Жизнедеятельность оленеводов: проблема баланса природных и социально-экономических факторов	59
Васина О.В. Этническая самоидентификация и политическая культура российского общества	69
Попкова А.А. Социокультурное развитие территорий: опыт институализации активности населения	81
Гаврилюк В.В., Сотков О.Л., Кондратьева А.Д. Профессиональное образование и образовательные намерения молодежи нового рабочего класса	90
Сорокин Г.Г. Перспективы государственного участия в управлении развитием национальной системы геронтообразования в РФ	101
Лукашевская Д.А. Мотивационные компоненты стратегического обеспечения работы компании на международном рынке: социологический аспект	109

CONTENTS

Polovinko, V.S., Arbuz, A.V., Dinner, I.V.	
Interests of subjects of professional self-determination	9
Popova, I.V., Gadzhigasanova, N.S., Dudina, I.M.	
Influence of level of uncertainty and transformation of social	
environment on formation of credit behavior of population	24
Kiseleva, A.M.	
The assessment of the potential of public-private partnership in the	
practice of cluster policy of region	32
Lobova, S.V., Dolzhenko, R.A., Ilyushnikov, K.K.	
Models and determinants of migration behavior of youth in Barnaul	46
Kibenko, V.A., Sukhova, E.A.	
Vital activity of reindeer herders: the problem of the balance of	
natural and socio-economic factors	59
Vasina, O.V.	
Ethnic identity and political culture of Russian society	69
Popkova, A.A.	
Socio-cultural development of territories: experience of	
institutionalization of population activity	81
Gavriliuk, V.V., Sotkov, O.L., Kondratieva, A.D.	
Vocational education and educational intentions of new working-class youth	90
Sorokin, G.G.	
Prospects for the state participation in managing the development of	
the national elderly citizens education system in the Russian Federation	101
Lukashevskaia, D.A.	
Motivational components of strategic security of company work in the	
international market: sociological aspect	109

ИНТЕРЕСЫ СУБЪЕКТОВ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО

Владимир Семенович Половинко¹, Анна Владимировна Арбуз¹, Игорь Владимирович Диннер¹

¹Кафедра экономики и управления человеческими ресурсами, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность современной профориентации и профессионального самоопределения стремительно возрастает по ряду объективных причин: трансформации в содержании профессий, изменения в формах занятости, регулирования миграционных процессов; профориентация становится механизмом карьерного развития и занятости в соответствии с изменяющимися в течение трудовой жизни компетенциями. Таким образом, процесс профессионального самоопределения претерпевает изменения и приобретает новые смыслы. Целью данной работы является разработка классификации субъектов профориентации в современных условиях. Научной новизной является определение системы субъектов системы профориентации и профессионального самоопределения, уточнение их функций и интересов. В качестве основных методов выступили анализ литературы и экспертный опрос с представителями стейкхолдеров (субъектов и объектов профориентации) в рамках проведенного круглого стола. Выделены три укрупненные субъекта профессионального самоопределения. Приведена характеристика и раскрыты особенности каждого из выделенных субъектов. Разработана и приведена классификация субъектов профессионального самоопределения, которая расшифровывает приведенные укрупненные субъекты. Также рассмотрены действующие субъекты профессионального самоопределения в контексте представленной классификации через призму их интересов с обозначением возможностей межсубъектных взаимодействий. Практическая значимость исследования заключается в актуализации проблемы комплексного проведения профориентационных мероприятий, а также в том, что субъекты и система профориентации все больше функционируют в рыночных отношениях. В ответ на этот вызов возникают профориентационно-образовательные центры, которые в своей деятельности сочетают необходимые аспекты.

Ключевые слова: профориентация, система управления персоналом, субъекты профессионального самоопределения, противоречия интересов.

Interests of Subjects of Professional Self-Determination

Vladimir S. Polovinko¹, Anna V. Arbuz¹, Igor V. Dinner¹

¹Department of Economics and human resources management, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russian Federation

Abstract. The relevance of modern career guidance and professional self-determination is rapidly increasing for a number of objective reasons: transformations in the content of professions, changes in forms of employment, regulation of migration processes; career guidance becomes a mechanism for career development and employment in accordance with changing competencies during working life. Thus, the process of professional self-determination undergoes changes and acquires new meanings. The purpose of this work was to develop a classification of career guidance subjects in modern conditions. The scientific novelty is the definition of the system of subjects of the system of vocational guidance and professional self-determination, clarification of their functions and interests. The main methods were literature analysis and expert survey with representatives of stakeholders (subjects and objects of professional orientation) in the framework of the round table. Three enlarged subjects of professional self-determination are identified. The characteristics and features of each of the selected subjects are described. A classification of subjects of professional self-determination has been developed and presented, which deciphers these enlarged subjects. We also consider the current subjects of professional self-determination in the context of the presented classification through the prism of their interests with the designation of opportunities for intersubject interactions. The practical significance of the study lies in the actualization of the problem of integrated career guidance activities, as well as the fact that the subjects and the system of career guidance are increasingly functioning in market relations. In response to this challenge, vocational guidance and education centers are emerging that combine the necessary aspects in their activities.

Keywords: career guidance, personnel management system, subjects of professional self-determination, conflicts of interest.

Ввеление

Понятие «профориентация» демонстрирует активность субъекта в процессе выбора профессии и формы занятости, а «профессиональное самоопределение» акцентирует внимание на активности объекта — осознание своих сильных и слабых сторон и процесс принятия им решения о выборе формы и содержания трудовой деятельности. Использование лишь одного понятия «профориентация» или «профессиональное самоопределение» не позволяет включить весь спектр вопросов рассматриваемой проблемы. Единство и неразрывность связей субъекта и объекта в этом контексте диктует необходимость использования обоих понятий. Профессиональная ориентация и профессиональное самоопределение представляет собой непрерывный процесс, охватывающий разные стадии воспроизводства рабочей силы [1]. Вопросы методического обоснования исследования профессионального самоопределения, включающие соответствующих эмпирических индикаторов, представлены в статье авторов «Обоснование комплексной метолики исследования профориентации И профессионального самоопределения» [2]. Даже поверхностный анализ дает понять, что сложившиеся представления о профориентации и профессиональном самоопределении не соответствуют современным задачам, которые описаны выше.

Как компенсация слабой теории на вызовы практики в последние десятилетия в России формируются новые профориентационные активности и новая современная конфигурация субъектов профессионального самоопределения. Методологическое значение исследования структуры субъекта заключается в том, что решение этой задачи позволит определить круг активных участников профориентационной деятельности, определить их интересы и формы взаимодействия, разработать механизмы и инструменты согласования их интересов, объединить их усилия для достижения целей и развития объекта профориентации. В современных условиях актуализируются вопросы профессионального самоопределения, при этом интерес к этим проблемам, на наш взгляд, вызван последующими причинами:

- актуализируются вопросы профессионального самоопределения в контексте выбора профессии. Это связано с тем, что в условиях рыночных отношений происходит трансформация содержания труда и циклически изменяется представление о перспективности, престижности профессии и ее востребованности на рынке труда в течение длительного времени. Проблема профессионального самоопределения особенно актуальна в контексте образовательных систем: выбор индивидом учебного заведения, выбор специальности и другие [3–5];
- в связи с научно-техническим прогрессом изменяются содержание и характер труда, ускоряются процессы устаревания профессий, возникают новые ранее неизвестные должности, рабочие места и специальности, изменяются формы занятости [6]. Новые подходы к формированию систем профориентации и самоопределения представлены в зарубежных публикациях [7; 8] и другие;
- профессиональное самоопределение становится важным фактором регулирования миграционных процессов, поскольку оно влияет на выбор профессии, предприятия и образовательных учреждений региона;
- гуманизация как принцип жизнедеятельности и занятости является важным фактором возрастания самостоятельности личности и личностного развития. В связи с этим люди в процессе профессионального самоопределения нуждаются в личностной и профессиональной диагностике, в осознании своих сильных сторон и зон развития;
- в контексте концепции непрерывного профессионального развития (lifelong learning = LLL) профориентация преодолевает границы профессии, становится механизмом

(философией, инструментами) профессионального самоопределения, карьерного развития, занятости в соответствии с изменяющимися в течение трудовой жизни компетенциями [9; 10];

• непрерывность самоопределения и изменение в функциональном разделении труда предопределяет необходимость заниматься профориентацией в рамках систем управления персоналом на предприятиях. Кроме того, при осуществлении трудовых перемещений внутри организаций, важно понимать потенциал личности и мотивировать работника к переходу на новые рабочие места. В настоящее время это является одним из направлений формирования лояльности и вовлеченности персонала.

Таким образом, можно констатировать, что профориентация и профессиональное самоопределение претерпевают радикальные изменения и приобретают новые смыслы [11]. Вместе с тем профориентация не институциализирована как особый вид деятельности, осуществляющийся на стыке проблем управления организацией, управления персоналом, управления регионом, психологией личности. Это проявляется в отсутствии необходимых нормативных документов, заметна трансформация общественных представлений о роли профориентации, радикально изменяется предметная область профориентации и тому подобное. Это обусловливает стихийное формирование субъектов, которые занимаются вопросами профориентации и профессионального самоопределения, прямо или косвенно участвуют в профориентационной деятельности. Кратко напомним, что традиционно под профориентацией понимается система научно обоснованных мероприятий, направленных на подготовку молодежи к выбору профессии (с учетом особенностей личности и потребностей народного хозяйства в кадрах), на оказание помощи молодежи в профессиональном самоопределении и трудоустройстве. Профессиональная ориентация включает ознакомление молодежи с отраслями народного хозяйства, формами профессиональной подготовки, с потребностями народного хозяйства в кадрах, возможностями трудоустройства, пропаганду нужных народному хозяйству профессий, формирование определенной наиболее профессиональной направленности, непосредственную помощь в выборе профессии, в трудоустройстве. Важнейшее направление профессиональной ориентации — формирование у молодежи интереса к рабочим специальностям [12].

Целью статьи, таким образом, являются разработка классификации субъектов профессионального самоопределения, выявление и анализ интересов каждого из них в современных социально-экономических условиях.

В соответствии с поставленной целью можно выделить основные задачи статьи: раскрыть методические подходы к исследованию субъектов профессионального самоопределения; профессионального укрупненные субъекты самоопределения; характеристику и раскрыть особенности каждого субъекта; разработать классификацию субъектов профориентации, которая расшифровывает приведенные укрупненные субъекты профессионального самоопределения; проанализировать действующие субъекты профессионального самоопределения в контексте представленной классификации через призму их интересов с обозначением возможностей межсубъектных взаимодействий и решения проблем в области профориентационной деятельности.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что взаимодействие различных субъектов профориентации в современных условиях носит противоречивый характер и нуждается в разработке комплекса мер по регулированию противоречий их интересов.

Материалы и методы

Разнообразие точек зрения о сущности, роли, субъектах и методах профессионального самоопределения в социальных и экономических отношениях обусловлено наличием различных теоретико-методологических подходов. Процессный подход в рамках данного исследования мы рассматриваем как непрерывную серию взаимосвязанных действий и этапов,

направленных на согласование способностей человека с профессией, формами занятости в непрерывном процессе профессионального развития. Цель и содержание профессионального самоопределения могут быть направлены на: формирование конкурентоспособности; содействие в выборе профессии в соответствии со способностями человека; выбор профессии и профессиональное самоопределение с позиции рынка труда и оптимальной занятости. Таким образом, компетентностный подход свидетельствует о сквозном характере и непрерывности формирования компетенций. Вместе с тем, наибольшее влияние на процесс проформентации и процесс выбора профессии, профессионального самоопределения оказывают формальные и обуславливает неформальные институты, что необходимость использования институционального подхода. Заметим, что системный подход, на наш взгляд, является комплексным и способен интегрировать процессный, компетентностный, институциональный системе профессиональной ориентации и профессиональному самоопределению упорядоченности, необходимый уровень организованности, непротиворечивости и развития.

С целью решения поставленных задач нами были использованы анализ литературы и экспертный опрос в рамках круглого стола с представителями стейкхолдеров (объектов и субъектов профессионального самоопределения). Выборка носила целевой характер, опрошено 74 эксперта. Основными участниками обсуждения современных вопросов и выявленных противоречий, ходе теоретического анализа профессионального В самоопределения, стали представители различных субъектов: учителя школ Омской области, родители школьников, представители работодателей (руководители организаций, менеджеры по персоналу), представители центров профориентации (бюджетных и небюджетных), представители ссузов и вузов, представители Министерства образования Омской области, Департамент образования города Омска, представители региональной власти и другие. Оценки, полученные в результате экспертного опроса в рамках круглого стола, позволили конкретизировать интересы различных субъектов профессионального самоопределения, выявить противоречия интересов различных субъектов, а также механизмы их согласования.

Материалами для настоящего исследования послужили монографии, научные публикации отечественных и зарубежных ученых в исследуемой сфере. Социально-экономические предпосылки профориентации с позиции развития трудовых ресурсов и изменения в социально-трудовой сфере рассмотрены в работах Р.А. Долженко, И.Б. Дураковой, Р.И. Капелюшникова, К. Шваба и других, кто в неявной форме заложил предпосылки использования профориентации для сбалансирования рынка труда. В статье также были использованы статьи авторов по теме исследования «Features of professional self-determination and profession orientation of young people in the digital economy», «Обоснование комплексной методики исследования профориентации и профессионального самоопределения», «Influence of professional self-determination and professional orientation of young people of Omsk region on migration expectations».

Результаты и обсуждение

Под субъектом профессионального самоопределения в рамках данного исследования мы будем понимать институт, орган, лицо, в задачи которого в силу определенного места и роли в системе разделения труда прямо или косвенно входит выполнение функций по планированию, организации, мотивации, координации и контролю профориентационной деятельности на разных уровнях управления. Данное определение составлено на основе общефилософского понимания субъекта [13], изучения сущности, роли, понятия «субъект управления». К числу субъектов мы относим принятую В.С. Половинко классификацию: обобщенный субъект, частный субъект и субъект-участник [14].

Для начала обозначим, что в вопросах профориентации задействованы три укрупненных субъекта: «государство», «работодатель» и «человек» (рисунок 1). «Человек» в этой системе

отношений выступает как в роли субъекта, так и в роли объекта, что отражает его двойственную роль и позицию. С одной стороны, он является активным участником процесса профориентации и профессионального самоопределения, стремится осознать, развить, эффективно применить свой трудовой и личностный потенциал при выборе профессии и сферы занятости. С другой стороны, именно на него направлено воздействие всех других субъектов для оказания содействия в формировании его профессиональных предпочтений и профессионального самоопределения. К этому обобщенному субъекту относятся разные социальные группы. Традиционно к субъект-объекту относят школьников, выделяя различные предпосылки и становление профессионального самоопределения.

Рисунок 1. Укрупненные субъекты профессионального самоопределения

Если профессиональные планы подростков очень расплывчаты, аморфны, имеют характер мечты, то в юности сделать необходимо решающий выбор. Это в первую очередь касается тех, кто оставляет школу и приступает к самостоятельной трудовой деятельности. К окончанию школы очень трудно выбрать профессию. Профессиональные намерения не определены. Романтические устремления в настоящем реализовать невозможно, возникает рефлексивный самоанализ: Кто я? Каковы мои способности? Каков мой жизненный идеал? Кем я хочу быть? На основе результатов самоанализа определяют возможные варианты профессиональной карьеры. Профессиональное самоопределение идет с точки зрения:

- интересов человека, выбирающего профессию. Интересно или неинтересно. «Я люблю исторические романы. Стану историком». Соотнесения с тем, где и как работать, нет. Есть предмет размышления и конечный результат, но нет ни плана действия, ни способа достижения. Интересы человека, выбирающего профессию, стимулируют его больше заниматься этим предметом (историей). Учебные предметы в этот период разделяются на важные, нужные и неважные;
- способностей человека, выбирающего профессию. «У меня хорошо идет математика не заняться ли ею». Нужно иметь в виду, что задатки способностей многоплановы. Даже великие люди находили себя не сразу. Выявление способностей подкрепляет интересы к выбираемой профессии;
- системы ценностей. «Хочу помогать людям: стану врачом». На этом этапе юноша обсуждает с осведомленными лицами ценности той или иной профессии. Практическое принятие решения включает в себя два компонента: 1. Определение уровня квалификации будущего труда, объем и длительность подготовки к нему. 2. Выбор специальности. Последовательность этих выборов может быть разной. Девушка может сначала определить сферу деятельности: «Хочу заниматься медициной», а потом уровень квалификации (быть

врачом, фельдшером или медсестрой). Может быть и наоборот, сначала поступление в ученое заведение. Этот путь преобладает. Психологически более комфортно чувствуют себя те юноши и девушки, которые продолжают общее образование или учатся в профессиональных техникумах, колледжах. Через профессиональное образование происходит учебнопрофессиональное самоопределение [15].

В новых реалиях к этой группе следует относить также и студентов, поскольку в современных условиях студент выбирает профиль, специализацию, может выбирать индивидуальную траекторию профессионального развития, уточняя профессиональные предпочтения, сформированные до поступления в учебное заведение. В ситуации непрерывного профессионального развития в течение всей трудовой жизни к субъект-объекту профориентации следует отнести и занятое население, работников организаций. Это связано с тем, что, как ранее мы уже отмечали, становится нормой, когда человек меняет два-три раза свою профессиональную траекторию [16].

Поэтому в системах управления персоналом актуализируются функции профессионального самоопределения и трудовых перемещений с целью развития потенциала работника и формирования для него комплексов трудовых функций. «Работодатель» как обобщенный субъект заинтересован в том, чтобы привлечь в организацию соответствующий оперативному и стратегическому развитию персонал, который бы имел необходимую квалификацию, был вовлечен в производственные процессы, способствовал развитию организации. От лица работодателей субъектами профориентации могут выступать службы управления персоналом (службы социального развития), ассоциации и союзы работодателей, предпринимателей, работники организаций.

«Государство» как обобщенный субъект заинтересовано в том, чтобы, с одной стороны, каждый гражданин трудоустроился в соответствии со своими способностями, имел гарантии занятости и перспективы профессионального и личностного развития. С другой стороны, чтобы работодатель имел необходимое количество и качество персонала для своего развития, эффективного производства товаров и услуг. При этом государство выступает гарантом, обеспечивающим правовые основы взаимоотношений между работником и организацией. С этой точки зрения действия государства направлены на выявление потенциала личности, формирование необходимых компетенций, в том числе в системе образования, стабильность занятости, эффективные инвестиции в человеческий капитал и отдачу от него.

От лица государства в контексте профориентации выступают специализированные органы управления федерального уровня: Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь), Министерство науки и высшего образования РФ, Министерство просвещения РФ, Министерство труда и социального развития РФ; регионального уровня: Правительство, службы занятости населения, Министерство образования региона, Министерство труда и социального развития региона, профильные отраслевые министерства. Кроме того, могут создаваться специализированные региональные центры проформентации и психологической поддержки населения. Для акцентированного представления интересов одного из этих трех субъектов в области профориентации могут формироваться общественные структуры: студенческие отряды, молодежные общественные объединения, интересы которых сопряжены с интересами социальных групп, которые они представляют. На основе анализа литературы и практики [17–20] нами разработана классификация субъектов профориентации, расшифровывающая обобщенные группы (рисунок 2).

К числу классификационных признаков нами отнесены:

- форма собственности субъекта;
- уровень специализации, относительно предмета профориентации;
- степень формального закрепления организационных форм.

Проведенный исследовательским коллективом круглый стол по современным проблемам профессионального самоопределения позволил проанализировать интересы действующих субъектов профориентации с обозначением возможностей межсубъектных взаимодействий.

Существующие субъекты профессионального самоопределения можно разделить на специализированные и неспециализированные. К специализированным мы относим те субъекты, основной целью и формой деятельности которых является деятельность по профориентации. Они отличаются профилизацией, должны быть компетентны в области теории, практики и технологии ведения профориентационной работы. Персонал таких субъектов предполагает наличие специальной подготовки для ведения профориентационной деятельности. К сожалению, специальной подготовки, в области профориентации в России не ведется. Профориентационной работой чаще всего занимаются психологи, менеджеры-экономисты, специалисты по организации работы с молодежью, менеджеры по персоналу и энтузиасты без близкого к роду деятельности образования. Нам не удалось найти ни одной профильной программы подготовки бакалавров или магистров в области профориентации.

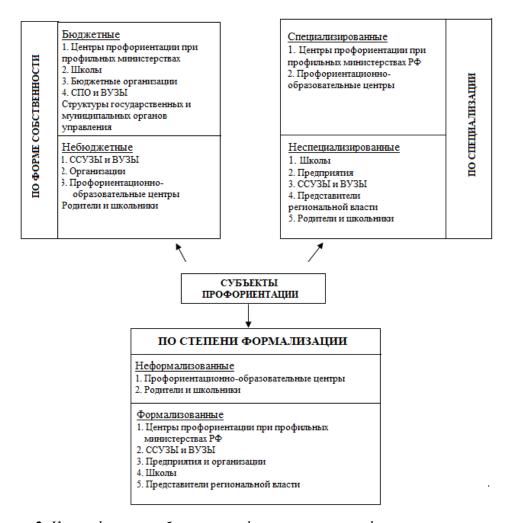

Рисунок 2. Классификация субъектов профориентации и профессионального самоопределения

Анализ деятельности этих субъектов показал, что часть из них ведут комплексную работу, но значительная часть профилизируется в отдельных направлениях профориентационной деятельности: в области диагностики потенциала личности, в области образования и развития компетенций, в области профессиональной агитации и профинформирования, в области рекрутинга на определенные профессии. Кроме того, имеются специализации по направленности на различные специальные группы: работа со школьниками, выпускниками и

занятым населением. Узкая специализация субъектов приводит к глубокой проработке отдельных аспектов профориентации, вместе с тем, теряется комплексность этого вида деятельности. Поскольку объект профориентации (человек), является целостным, то актуализируется проблема комплексного проведения профориентационных мероприятий. В ответ на этот теоретический и практический вызов возникают профориентационнообразовательные центры, которые в своей деятельности сочетают психолого-диагностические методы, образовательные, управленческие методы профессионального самоопределения с сопровождением или рекомендациями по трудоустройству и формам занятости.

К числу специализированных центров относятся центры профориентации и психологической поддержки населения, профориентационно-образовательные центры, специализированные отделы при органах государственно-муниципального управления, вузовские центры профориентации, ответственные за профориентацию в школах, специалисты по взаимодействию с образовательными учреждениями (в том числе система школа — вуз — предприятие) на крупных предприятиях, службы управления персоналом в части формирования кадрового резерва, оценки персонала с целью профессионально-квалификационных трудовых перемещений и другие.

Интересы этих субъектов заключаются в следующем:

- привлечение к профориентационным программам специализированного объекта (школьников, выпускников, родителей и так далее);
- реализация профориентационных программ на основе методик, имеющихся в распоряжении субъекта;
- получение экономического (дохода для негосударственных субъектов и предоставления планового объема государственных услуг для государственных субъектов) и социального (удовлетворенность потребителей, достижение целевых индикаторов) результата;
- институционализация и развитие профориентационной деятельности наряду с другими общественно полезными активностями;
- наличие квалифицированных сотрудников и волонтеров, задействованных в профориентационных программах;
- наличие современных профориентационных методик, отражающих особенности восприятия объекта профориентации;
 - эффективность формирования вектора профессионального развития;
- формирование профессионального самоопределения с учетом закрепляемости в регионе, в образовательных учреждениях и на определенных предприятиях;
- привлечение референтных групп родителей, работодателей для формирования вектора профессионального самоопределения.

Неспециализированные субъекты: институты, организации, объединения, отдельные лица, которые занимаются профориентацией наряду со своей основной деятельностью. Занятие профориентационной работой носит, как правило, вспомогательный характер и вступает в противоречие с основным видом деятельности, но эти субъекты вынуждены заниматься профориентацией, либо в силу административных указаний (особенно характерно для государственных неспециализированных субъектов и неспециализированных субъектов крупных производственных структур).

К ним относятся следующие:

• организации общего образования (школы, лицеи, гимназии), которые занимаются профориентацией в ответ на потребности школьников и родителей в выборе будущей профессии, траектории получения дальнейшего образования, трудоустройства. С этой целью в школах функция профориентации возлагается на заместителей директора по воспитательной работе, классных руководителей и социальных педагогов. Для повышения эффективности профориентационной работы данные субъекты заинтересованы во взаимодействиях с

учреждениями профессионального образования (высшего и среднего специального, которые предоставляют спектр и условия дальнейшего обучения), предприятиями (представляют специфику профессий, перспективы трудоустройства) и специализированными субъектами (поскольку они обладают современными методиками в разных аспектах профориентационной работы);

- учреждения среднего профессионального образования и высшего образования занимаются профориентационной работой с целью привлечения абитуриентов, с целью их трудоустройства, подбора профиля образования в соответствии с личностным потенциалом объекта профориентации. В рамках этой работы этот субъект заинтересован в установлении контактов со школами (предоставление возможности для работы с потенциальными абитуриентами), предприятиями (возможности для дальнейшего прохождения практики и трудоустройства, демонстрации перспектив занятости и другое) и специализированными субъектами (поскольку они обладают современными методиками в разных аспектах профориентационной работы);
- организации (производственно-хозяйственные структуры, организации общественного сектора) занимаются профориентационной работой в ответ на вызовы рынка труда. Они заинтересованы в привлечении персонала, способного и готового к занятости в специфических условиях этого конкретного субъекта. Учесть специфику занятости другие субъекты чаще всего не могут, поэтому возникает необходимость активности в области профориентации. Кроме того, в условиях дефицита и структурных диспропорций на рынке труда профориентация является фактором рекрутинга. Организации заинтересованы в рамках профориентационной работы во взаимодействии со школами (выявление талантливых школьников и подготовки их в системе школа — вуз — предприятие, для формирования НКбренда, со стратегической точки зрения шефское взаимодействие создает условия для формирования базовых компетенций у школьников), организациями профессионального образования (привлечение работников для трудоустройства, совместная подготовка работников для предприятия, оценки потенциала выпускников для адекватного способностям трудоустройства) и специализированными субъектами (поскольку обладают они современными методиками в разных аспектах профориентационной работы);
- структуры федеральных органов управления, которые реализуют государственный интерес в области профориентации посредством разработки и реализации специальных программ, планов, грантов и других организационно-управленческих инструментов. К ним относятся Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь), Министерство образования и науки РФ, которые реализуют государственную политику в сфере образования, воспитания молодежи и молодежной политики. Профориентационная работа осуществляется посредством конкурсов, грантов, конференций, семинаров, специализированных программ, а также экспертизы методик профориентационной работы; Федеральная государственная служба занятости населения осуществляет свою профориентационную работу, как правило, среди взрослого населения посредством реализации специализированных методик оценки профессиональных и личностных качеств, на основе которых предоставляются рекомендации и услуги по дальнейшему трудоустройству, профессиональному переобучению, построению карьеры, прохождению стажировок.

Эти субъекты заинтересованы в совершенствовании методик и распространении передового опыта проведения профориентационных мероприятий, увеличении охвата населения, создании региональных систем профориентации, повышении эффективности профориентационной работы в рамках выбора профессий, осознанном выборе вузов и направлений подготовки, сокращении безработицы, эффективности трудоустройства и снижении текучести. В рамках реализации этих интересов субъекты взаимодействуют с региональными структурами, объединениями работодателей, научными и образовательными сообществами, флагманами профориентационной работы из числа специализированных

субъектов. Структуры региональных и муниципальных органов управления формируют и реализуют региональную политику в сфере профориентации, направленную на закрепление молодежи и занятого населения в образовательных и других организациях территории. К сожалению, анализ не показал четко выраженных формулировок такой политики ни в одном регионе России. Поэтому можно констатировать лишь зачатки и повышение активности по реализации разрозненных и часто разнонаправленных профориентационных мероприятий в регионах. В системе межсубъектных взаимоотношений они находятся между федеральными структурами и структурами, непосредственно реализующими профориентационные мероприятия среди населения. С этой точки зрения они должны быть заинтересованы:

- в выявлении и формировании современных потребностей в профориентационной работе у различных социальных групп населения региона;
- в аудите, развитии и распространении передовых методов профориентационной работы, адекватных потребности и восприятию целевых объектов профориентации;
- в расширении сегмента пользователей услугами профориентационной работы, что следует из новых парадигм и целей профориентационной работы в современном обществе;
- в закреплении молодежи и других групп населения в образовательных организациях и трудоустройстве в организациях региона;
 - в создании эффективных коммуникаций между различными субъектами;
- в создании организационных, материально-технических и экономических предпосылок для эффективного функционирования региональной системы профориентации и отдельных ее субъектов.

Особая роль в системе профориентации принадлежит родителям как субъектам профориентации. Исследователи отмечают их возрастающее влияние на принятие решения о выборе образовательных организаций и вариантов трудоустройства [21; 22]. Чаще всего решение о профессиональном самоопределении принимается в семье, которая при этом сопоставляет ресурсы и возможности семейного бюджета, социального окружения, ценностей, традиций и тому подобное. Качество и эффективность родителей как субъектов зависит от их опыта, степени понимания рынка труда и системы образования. Исследования и экспертный опрос в рамках круглого стола отмечают, что взаимодействие родителей как субъектов и школьников как объектов профориентации может носить конфликтный, противоречивый характер [23]. Поэтому системы профориентации не могут, с одной стороны, обойтись без привлечения родителей, с другой стороны, качество их участия требует отдельных программ, направленных на повышение компетенций родителей как субъектов.

Другим основанием классификации является разделение субъектов профориентации на бюджетные и небюджетные. Из числа рассмотренных выше, к бюджетным мы относим структуры государственных, региональных и муниципальных органов управления. Они могут быть как неспециализированными, так и специализированными (например, центры профориентации и психологической поддержки населения). Бюджетные субъекты, как отмечалось выше, реализуют политику в области воспитания, образования и молодежной политики, занятости населения. Поскольку их особенности были рассмотрены выше, добавим лишь, что они осуществляют свою деятельность в рамках соответствующих программ, их деятельность жестко регламентирована формами отчетности и официального контроля. Все это теоретически может порождать бюрократизированные формы отношений между субъектами, а также в рамках субъект-объектных взаимодействий. Одним из условий их эффективного функционирования является наличие специализированных программ (проектов, концепций), обеспечивающих организационно-управленческие механизмы и финансирование профориентационных мероприятий. Отсутствие таких программ приводит к рассогласованности действий, снижению значимости, недофинансированию, излишней формализации профориентационных работ. В современных условиях возрастают требования к квалификации этих субъектов. Поскольку от них зависит функционирование системы профориентации в целом, качество методов профориентации, интегрированность различных субъектов, современность идеологии профориентационной деятельности, то представители этих субъектов должны быть безусловными профессиональными лидерами, обладать развитыми коммуникационными компетенциями, а в условиях низкой институализации профориентационной работы — быть энтузиастами своего дела.

Особую роль среди бюджетных субъектов выполняют образовательные организации (общего, среднего специального и высшего образования). В своей деятельности они руководствуются программами и планами, утвержденными и реализуемыми органами управления, поэтому вынуждены вести работу планомерно, в рамках предписанных регламентов, и отчитываться по определенным бюрократическим формам и процедурам. С этой точки зрения у них есть преимущества допуска к современным методам профориентации, реализуемым на уровне региона и страны, профориентационные мероприятия финансируются в установленном порядке. Вместе с тем, реализуя профориентационные мероприятия среди объектов профориентации, они вынуждены гибко реагировать на изменение потребностей и запросов, что не всегда отражается в формальных процедурах и мероприятиях, поэтому в их деятельности пересекаются интересы государства и интересы небюджетных субъектов.

Небюджетные субъекты профессионального самоопределения возникают вследствие пробелов в функционировании бюджетных. Они осуществляют свою деятельность в условиях самофинансирования, и поэтому их деятельность носит рыночный характер со всеми вытекающими отсюда последствиями: самостоятельность в принятии решений; рыночное ценообразование на предоставляемые услуги; клиентоориентированность; выявление и формирование потребностей к применяемым методам профориентации; акцент на привлечение клиентов; позиционирование своей деятельности в определенных сегментах профориентационной работы; упор на качество как фактор привлечения и удержания клиентов; формирование квалифицированного персонала как условие клиентоориентированности и качества работы; функционирование в условиях конкурентной среды с другими субъектами и родственными направлениями деятельности.

Рыночный характер их функционирования предопределяет особые межсубъектные и субъект-объектные отношения. Как отмечалось ранее, системность профориентации предполагает взаимодействие и согласованность действий различных субъектов. В этом плане возникает целая серия противоречий. Согласованность между субъектами возможна только на основе согласования их интересов, что в условиях конкуренции достигается достаточно непросто. Поэтому задача согласования их действий может быть реализована как в рамках четкого разделения прав и полномочий в процессе совместных мероприятий, так и путем организационно-управленческих и экономических механизмов, реализуемых организаторами системы профориентации, которыми могут выступать государственные, региональные и муниципальные структуры. Немаловажным фактором их деятельности являются социальная направленность профориентации и недостаточная интституализация современных методов. Поэтому требуются механизмы конкурсной, грантовой и другой поддержки.

К числу небюджетных субъектов относятся родители, они играют несколько иную роль по сравнению с рыночно-предпринимательскими субъектами. Чаще всего именно они финансируют профориентационные мероприятия, проводимые небюджетными субъектами, в которых принимает участие их ребенок. С этой точки зрения особая роль принадлежит взаимоотношениям между рыночно-предпринимательскими небюджетными субъектами и родителями. Эффективность этих отношений зависит от доверия и качества предлагаемых услуг. Деление субъектов по критерию «формализация деятельности» необходима для того, чтобы оценить степень самостоятельности субъекта относительно принятия управленческих решений, гибкости в изменении методик и профориентационных программ и тому подобное.

Формализованные субъекты организационно оформлены, имеют определенную организационную структуру, постоянный штат работников. Они функционируют как

традиционные производственно-хозяйственные организмы, с четкими планами работ, формами отчетности, схемами подчиненности. К ним относятся почти все бюджетные субъекты, а также значительная часть небюджетных (организации, профориентационнообразовательные центры и другие структуры, официально предоставляющие услуги по профориентации). Интересы формализованных субъектов заключаются в длительном функционировании в сфере профориентационных услуг, системном взаимодействии с объектом и другими субъектами профориентации, увеличении объема предоставляемых профориентационных повышении удовлетворенности потребителей услуг, профориентационных услуг, соблюдении правил официальной отчетности, оценке своей деятельности на основе формализованных критериев. Сам принцип формализации кроет в себе опасность чрезмерной бюрократизации процессов и снижения эффективности работы вследствие длительных коммуникаций между структурами управления. Особенно это характерно для бюджетных формализованных субъектов и крупных профориентационнообразовательных центров с разветвленной филиальной сетью.

Деятельность неформализованных субъектов в большей степени носит характер общественных объединений, социальных проектов, общественных инициатив. Они гибки в реакции на возникающие потребности получателей профориентационных услуг, могут оперативно изменять методы работы, к своей деятельности привлекать профессионалов и экспертов. К ним относятся кружки, секции по развитию компетенций, молодежные, социальные проекты, партийные проекты, активности депутатов и общественных деятелей в области профориентации. Интересы неформализованных субъектов заключаются в оперативном удовлетворении потребностей в профориентационных услугах, привлечении внимания общественности к проблемам профориентации, расширении числа участников профориентационных программ, в том числе за счет привлечения волонтеров, активной молодежи, PR-сопровождении активности, консолидации различных субъектов на решение актуальных задач профориентации посредством демонстрации эффективности отдельных профориентационных проектов.

Выводы

Таким образом, в соответствии с поставленной целью исследования, нами классифицированы субъекты профессионального самоопределения в новых экономических условиях, выявлены и проанализированы их интересы. Анализ экспертных мнений, полученных в ходе круглого стола, позволил выявить проблемы и противоречия интересов отдельных субъектов, предложить механизмы их согласования, а также взаимодействия по ряду направлений. Таким образом, была подтверждена выдвинутая в ходе исследования гипотеза.

На основе анализа литературы было выявлено, что изменение предметной области профориентационной деятельности повлекло за собой изменение состава субъектов профориентации. Возникновение новых субъектов происходит стихийно и связано с неадекватным восприятием системы профориентации в современных условиях, которая традиционно воспринимается как профинформирование и профдиагностика школьников. Субъекты профориентации выделены на основе следующих классификационных признаков: специализации собственности субъекта; уровень относительно профориентации; степень формального закрепления организационных форм. Выделены бюджетные небюджетные, специализированные И неспециализированные, формализованные и неформализованные субъекты профориентации. Таким образом, среди субъектов профориентации можно выделить профориентационные центры при профильных министерствах, ссузы и вузы, организации и предприятия, представителей региональной муниципальных власти, структуры государственных органов управления, профориентационно-образовательные центры.

Выявлено, что одними из важнейших субъектов профориентации являются родители, так как именно они в большей степени влияют на принятие решения о выборе образовательной организации. В рамках экспертного опроса были выявлены и проанализированы интересы каждого из субъектов. Результаты данного исследования показали, что взаимодействие различных субъектов профориентации может носить конфликтный, противоречивый характер. Необходимо отметить, что субъекты и система профориентации все больше функционируют в рыночных отношениях. Поэтому следует обратить внимание на исследование интересов субъектов, проектирование системы с учетом согласования интересов субъектов и уточнения потребностей объектов профориентации в современных условиях.

Особенности взаимодействия субъектов и объектов профессионального самоопределения в условиях динамичных изменений технологического прогресса, социально-трудовых отношениях требуют новых форм организации этого взаимодействия. Таковыми могут являться профориентационно-образовательные центры, которые в своей деятельности сочетают все необходимые аспекты взаимодействия субъектов и объектов профориентации в изменяющихся условиях.

Благодарности

Выполнено в рамках проекта РФФИ № 19-010-885 А «Противоречия профессионального самоопределения на динамичном рынке труда в условиях цифровой инновационной экономики».

Библиографический список

- [1] Диннер И.В. Профориентация и профессиональное самоопределение в контексте непрерывного профессионального развития: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Омск, 2018. 233 с.
- [2] Половинко В.С., Арбуз А.В., Диннер И.В. Обоснование комплексной методики исследования профориентации и профессионального самоопределения // Вестник Омского университета. Серия Экономика. 2019. Т. 17, № 2. С. 207–217.
- [3] Li Z., Lowe J. Mobile student to mobile worker: the role of universities in the "war for talent" // British Journal of Sociology of Education. 2016. Vol. 37, No 1. P. 11–29.
- [4] Straube R. Soft Skills in der Lehrerbildung Probleme und Folgen // Soft Skills / Ed. T. Hansel. Herbolzheim: Centaurus Verlag & Media, Herbolzheim, 2010. P. 38–75.
- [5] Boronina L., Baliasov A., Vishnevskii I., Belova O. Student Youth'S Professional Self–Determination of Large Industrial Region: Diagnostics and Trends // ICERI2017 Proceedings (6–8 September 2018). Prague: Vysoká škola ekonomická v Praze, 2018. P. 187–193. doi:10.21125/iceri.2017.1801
- [6] Диннер И.В. Содержание профессий в контексте изменений в разделении и кооперации труда // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2016. № 2. С. 95–99.
- [7] Guichard J., Dumora B. A Constructivist Approach to Ethically Grounded Vocational Development Interventions for Young People // International Handbook of Career Guidance / Eds: J.A. Athanasou, R. Van Esbroeck. Dordrecht: Springer, 2008. P. 187–208. doi:10.1007/978–1–4020–6230–8_9
- [8] Westergaard J. Career guidance and therapeutic counselling: Sharing 'what works' in practice with young people // British Journal of Guidance & Counselling. 2012. Vol. 40, No 4. P. 327–339. doi:10.1080/03069885.2012.687711
- [9] Одегов Ю.Г., Никулин Л.Ф., Половинко В.С. Сетевой HR—менеджмент 3.0: монография. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2013. 123 с.

- [10] Зайцева И.А., Каменева Н.Е. Модель непрерывного многоуровневого образования в условиях инновационной экономики // Экономика образования. 2013. № 3. С. 116–121.
- [11] Диннер И.В. Профориентация как фактор регулирования миграционных процессов и рынка труда // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2017. № 2 (58). С. 139–145.
- [12] Большая Советская Энциклопедия (в 30 томах) / Под ред. А.М. Прохоров. Москва: Советская Энциклопедия, 1975. С. 144.
- [13] Философская энциклопедия / Под ред. Ф.В. Константинов: В 5 т. Москва: Советская энциклопедия, 1977.-639 с.
- [14] Половинко В.С. Управление персоналом: системный подход и его реализация: монография. Москва: Информ–Знание, 2002. С. 224.
- [15] Волков Б.С. Основы профессиональной ориентации: учеб. пособие для вузов. Москва: Академический Проект, 2007. –С. 174.
- [16] Половинко В.С. Модернизация социально–трудовых отношений в период неоиндустриализации // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. N_{\odot} 3. С. 9–13.
- [17] Антосенков Е.Г. Профориентация и эффективность экономики // Труд и социальные отношения. 2011. –№ 4. С.11–17.
- [18] Грачева Н.А. Профориентация и миграция молодежи как важнейшие элементы развития регионального рынка труда // Уровень жизни населения регионов России. 2016. Т. 3, № 201. С.67—76.
- [19] Разумова М.В. Профориентация в России: становление, проблемы, перспективы // Профессиональное образование и общество. 2014. Т. 3. № 11. С. 49–57.
- [20] Колесникова О.А., Крымова Н.А. Развитие системы управления профориентацией требование времени // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и Управление. 2010. № 1. С. 139—144.
- [21] Осипова Л.Б. Роль семьи в выборе жизненной траектории молодежью // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://science—education.ru/ru/article/view?id=22261 (дата обращения: 25.09.2019).
- [22] Маслова Л.М., Шурупова А.А. Роль семьи в формировании знаний подростков о профессиях будущего // Зауральский научный вестник. 2014. Т. 1, № 5. С. 58–59.
- [23] Магомедова Е.Э., Гашимова Э. Влияние родителей на выбор профессии старшеклассниками // VII Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум» 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.scienceforum.ru/2015/1041/10156 (дата обращения 18.10.2017).

References

- [1] Dinner, I.V. (2018). Career Guidance and professional self-determination in the context of continuous professional development (Candidate thesis, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russian Federation).
- [2] Polovinko, V.S., Arbuz, A.V., & Dinner, I.V. (2019). Substantiation of a complex methodology for the study of career guidance and professional self-determination. *Bulletin of Omsk University*. *Series "Economics"*, 2, 207–216.
- [3] Li, Z., & Lowe, J. (2016). Mobile student to mobile worker: the role of universities in the "war for talent". *British Journal of Sociology of Education*, 37(1), 11–29.
- [4] Straube, R. (2010). Soft Skills in der Lehrerbildung Probleme und Folgen. In Hansel T. (Ed.), *Soft Skills*. Herbolzheim: Centaurus Verlag & Media, Herbolzheim.

- [5] Boronina, L., Baliasov, A., Vishnevskii, I., & Belova, O. (2018). Student Youth'S Professional Self-Determination of Large Industrial Region: Diagnostics and Trends. In *ICERI2017 Proceedings* (pp. 187–193). Prague: Vysoká škola ekonomická v Praze.
- [6] Dinner, I.V. (2016). The content of professions in the context of changes in the division and cooperation of labor. *Bulletin of Omsk University. Series "Economics*", 2, 95–99.
- [7] Guichard, J., & Dumora, B. (2008). A Constructivist Approach to Ethically Grounded Vocational Development Interventions for Young People. In J.A. Athanasou, R. Van Esbroeck (eds.), *International Handbook of Career Guidance* (pp. 187–208). Dordrecht: Springer doi:10.1007/978–1–4020–6230–8_9
- [8] Westergaard, J. (2012). Career guidance and therapeutic counselling: Sharing 'what works' in practice with young people. *British Journal of Guidance & Counselling*, 40(4), 327–339. doi:10.1080/03069885.2012.687711
- [9] Odegov, Yu.G. (2013). *Network HR–management 3.0*. Omsk: Omsk State University Publishing House.
- [10] Zaitseva, I.A. & Kameneva, N.E. (2013). Model of continuous multi-level education in the conditions of innovative economy. *Economics of Education*, 3, 116–121.
- [11] Dinner, I.V. (2017). Vocational guidance as a factor in regulating migration processes and the labor market. *Bulletin of Omsk University. Series "Economics"*, 2 (58), 139–145.
- [12] Prokhorov, A.M. (Ed.). (1975). Great Soviet Encyclopedia. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya.
- [13] Konstantinov, F.V. (Ed.). (1977). *Philosophical Encyclopedia*. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya.
- [14] Polovinko, V.S. (2002). Human resource management: a systematic approach and its implementation. Moscow: Inform-Znanie.
- [15] Volkov, B.S. (2007). Fundamentals of vocational guidance. Moscow: Akademicheskiy Proyekt.
- [16] Polovinko, V.S. (2015). Modernization of social and labor relations in the period of neoindustrialization. *Bulletin of Omsk University. Series "Economics"*, 3, 9–13.
- [17] Antosenkov, E.G. (2011) Vocational guidance and economic efficiency. *Labor and Social Relations*, 4, 11–17.
- [18] Gracheva, N.A. (2016). Vocational guidance and migration of young people as the most important elements of the development of the regional labor market. *Living Standards of the Population of the Regions of Russia*, 3(201), 67–76.
- [19] Razumova, M.V. (2014). Vocational guidance in Russia: formation, problems, prospects. *Vocational Education and Society*, 3(11), 49–57.
- [20] Kolesnikova, O.A, & Krymova, N.A. (2010). The development of the management system of career guidance the requirement of time. *Vestnik VSU. Series: Economics and Management*, 1, 139–144.
- [21] Osipova, L.B. (2015). Role of the family in the choice of the life trajectory of young people. *Modern Problems of Science and Education*, 2–2. Retrieved from: http://science-education.ru/ru/article/view?id=22261.
- [22] Maslova, L.M. & Shurupova, A.A. (2014). The role of the family in the formation of knowledge of adolescents about the professions of the future. *TRANS–Ural Scientific News*, 1(5), 58–59.
- [23] Magomedova, E.E., & Gashimova, E. (2015). The influence of parents on the choice of profession senior pupils. VII International Student Electronic Scientific Conference "Student Scientific Forum". Retrieved from https://www.scienceforum.ru/2015/1041/10156.

Получена / Submitted: 12/12/2019 Доработана / Revised: 25/12/2019

Принята к публикации / Accepted: 28/01/2020

УДК 316.334.2

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ КРЕДИТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Ирина Викторовна Попова¹, Наиде Сефтеровна Гаджигасанова², Ирада Мехтиевна Дудина²

Аннотация. Кредитное поведение — сложный социально-экономический процесс, требующий тщательного исследования представителями различных научных направлений. В статье обосновывается востребованность изучения на современном этапе механизма трансформации кредитного поведения населения под влиянием социокультурных детерминант. Также отражены результаты эмпирического исследования, фиксирующие влияние различных факторов на стратегии кредитного поведения. По результатам анализа эмпирических данных определено, что наибольшее влияние на выбор поведенческих стратегий в сфере потребительского кредитования оказывают следующие факторы: изменение социальной среды, уровень материального благосостояния заемщиков, оценка ими благоприятности экономической обстановки для взятия кредита, уровень неопределенности, горизонт планирования. В повседневных практиках кредитования жителей регионального центра обнаружена тенденция взаимовлияния: чем дальше горизонт планирования в представлениях респондентов, тем выше уровень неопределенности, тем больше ограничена рациональность экономических агентов.

Ключевые слова: кредитное поведение, социальная среда, условия неопределенности, горизонт планирования.

Influence of Level of Uncertainty and Transformation of Social Environment on Formation of Credit Behavior of Population

Irina V. Popova¹, Naide S. Gadzhigasanova², Irada M. Dudina²

Abstract. Credit behavior is a complex socio-economic process that requires careful study by representatives of various scientific fields. The article reflects the results of an empirical study, fixing the influence of various factors on credit behavior strategies. According to the analysis of empirical data determined that the greatest influence on the choice of behavioral strategies in consumer lending, have such factors as: changing social environment, level of material well-being of borrowers, evaluation of the favorable economic environment for the taking of the loan, the level of uncertainty in the planning horizon. In everyday social practices of the residents of the regional center, a tendency for mutual influence has been found: the farther the planning horizon in the respondents' perceptions, the higher the level of uncertainty, the more limited the rationality of economic agents.

Keywords: credit behavior, social environment, uncertainty conditions, planning horizon.

Введение

Произошедшие радикальные изменения в российском обществе привели к формированию нового типа отношений и новых форм экономического поведения, связанных с переходом к транзитивной экономике. Основной характеристикой этой социально-экономической системы можно назвать условия неопределенности, в которых меняются критерии рациональности, они смещаются в соответствии с состоянием реальной среды. В современных экономических

¹Кафедра социальных технологий, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

²Кафедра социальной политики, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

¹Department of Social Technologies, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation ²Department of Social Policy, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

условиях кредитование — наиболее распространенная форма финансовых услуг для населения. Использование населением кредитов рассматривается сегодня не только как средство достижения определенных целей, но и как особый нормальный стиль поведения, который формирует стратегию опережающего потребления. В условиях экономической неопределенности, в которых в настоящее время находятся россияне [1], наблюдается большое количество негативных тенденций развития национальной экономики, негативной оценки россиянами своего текущего положения. В связи с этим изучение кредитного поведения — важная задача, поскольку в кризисные моменты структура выплат по кредитам изменяется, наблюдается просроченная задолженность, что негативно влияет на экономику в целом. В современном обществе с механизмами рыночной экономики кредитование рассматривается как гарант развития экономики и устойчивости финансовой системы. Известно, что активное кредитное поведение населения способствует развитию производства, росту рынка товаров и услуг, поскольку с помощью заемных средств, взятых в кредит, увеличивается потребительская активность граждан, денежные средства вовлекаются в активный экономический оборот.

Переходя к анализу состояния кредитного поведения в современном российском обществе, необходимо уточнить понятие «кредитное поведение». Под кредитным поведением понимается «деятельность индивида или домохозяйства, в процессе которой происходит заимствование денежных средств, предполагающее их обязательное последующее возвращение» [2]. При этом следует учесть также социальный характер операционализации кредитного поведения индивидов и домашних хозяйств в контексте проведенного исследования. Среди основных объективных и субъективных факторов, которые оказывают влияние на стратегию кредитного поведения граждан, можно выделить материальное положение людей, неопределенность экономического положения, потребительское поведение населения, состояние социальной среды, социальную структуру общества. Вместе с тем анализ научных и прикладных публикаций по вопросам изучения механизма трансформации кредитного поведения населения под влиянием доступности потребительского кредитования выявил, что в большинстве научных исследований лишь констатируется тот факт, что методические аспекты определения стратегий и моделей кредитного поведения населения в условиях растущего рынка розничного кредитования остались в стороне от внимания исследователей. В частности, согласно критическому анализу кредитного поведения индивидов, представленного в концепции С. Ли, П. Уэбли и К. Уолкера, обнаруживается выделение следующих факторов, предопределяющих кредитное поведение домохозяйств:

- социальное одобрение долгов;
- особенности экономической социализации (то есть семьи, в которых демонстрируется толерантное отношение к заимствованию, будут воспроизводить данную модель кредитного поведения в следующих поколениях);
 - социальное сравнение (основа механизма жить по принципу «не хуже других»);
 - трудности в разумном управлении денежными средствами (личными финансами);
- тяготение к демонстративности в практиках потребительского поведения: в ситуации, когда чрезмерно высокие потребительские запросы (например, в предметах роскоши), товары длительного пользования приводят к возникновению долгов;
 - временной горизонт;
- отношение к долгу (кредитные установки): в случае, когда у индивида не возникает чувства беспокойства либо сожаления, когда ему приходится прибегать к заимствованиям, то вероятность обращения к кредитным практикам может быть более выраженной;
- фатализм: чем больше у человека обнаруживается внешний локус контроля, тем может быть выше вероятность, что он в ближайшем будущем станет уверенным заемщиком [3].

В целом идею раскрытия специфичных состояний индивида, предопределяющих его реальные поведенческие стратегии, на современном этапе развивают многие исследователи в целом ряде социально-гуманитарных концепций (в том числе на пересечении с изначально чисто экономическими подходами). Однако фиксируется, что на современном этапе обращается недостаточно внимания на процесс формирования изучаемого нами типа экономического поведения под влиянием социокультурных детерминант, как механизма адаптации беднеющего общества к условиям неопределенной экономической среды. Только с помощью социологических исследований можно понять структуру изучаемого процесса [4], определить тенденции его развития и обозначить проблемные стороны, требующие своевременного решения.

Теоретический обзор

Изучение процесса формирования кредитного поведения населения необходимо начать с рассмотрения истории развития новых экономических отношений, перехода к рыночным механизмам. В советский период времени существовала система потребительского кредитования населения. Нормативно-правовым актом, регулирующим данную сферу, являлось постановление № 915 Совмина СССР от 12 августа 1959 года «О продаже рабочим и служащим в кредит товаров длительного пользования». Данное постановление содержало список товаров длительного пользования, которые можно было приобрести в кредит. Наиболее распространенной практикой была рассрочка, которая оформлялась при покупке, и затем денежные средства удерживались из заработной платы. Одновременно человек мог пользоваться лишь одним кредитом, следующий было возможным взять лишь в случае полного погашения предыдущего.

Ипотечное кредитование представляло собой систему жилищно-строительных кооперативов. Аналог кредита наличными существовал для вкладчиков сберкасс, однако заемщик не получал кредитные средства на руки. Сберкасса выдавала человеку расчетный чек на сумму кредита. По этому чеку можно было купить товары, разрешенные к продаже в кредит. Существовала также практика касс взаимопомощи, в которую вносились деньги по договоренности, например, трудовым коллективом, и в случае необходимости любой из участников мог ими воспользоваться. Возврат суммы был беспроцентным [5].

С началом экономических реформ в начале 90-х годов в России начинает складываться новая банковская система, которая сформировала новую практику кредитования, малознакомую для населения. Поэтому освоение этой новой системы кредитования можно рассматривать как инновационную практическую деятельность. Кардинально изменилась роль индивида в экономике, произошло его превращение из пассивного экономического субъекта в активного участника кредитно-финансовых отношений. Этот переход можно обозначить как финансово-экономическую социализацию населения через инновационные социальные практики. Что одновременно можно рассматривать как механизм адаптации населения к новым экономическим условиям.

Обычными практиками считаются типические действия людей с одной стороны, если и не всеобщие, то достаточно распространенные, то есть в них вовлечена значительная часть населения, а с другой стороны, являющиеся привычными способами действия, которые практикуются на протяжении жизни как минимум одного поколения.

В свою очередь, инновационные практики — это типические действия людей, с одной стороны, не слишком широко распространенные (по крайней мере, на данный момент времени), но уже достаточно заметные, а с другой стороны, являющиеся новыми способами действия, которые еще десятилетие назад существовали в исключительно ограниченных масштабах или отсутствовали вовсе. При этом мы используем понятие «инновационность» в широком смысле слова, имея в виду повседневные практики людей [6].

Материалы и методы

представленного социологического исследования состояла выявлении В наличия/отсутствия влияния факторов социальной среды на формирование экономического Трансформация кредитного поведения россиян, традиционно поведения населения. рассматриваемая в качестве важнейшей компоненты финансового поведения, связана с институшиональными изменениями в кредитно-финансовой chepe. изменениями в сознании массового потребителя, с использованием различных финансовых стратегий, предложением большого разнообразия финансовых продуктов, изменением уровня и качества жизни населения [7–10]. Что касается операционализации дефиниции «кредитное поведение», то в рамках эмпирического исследования мы рассматривали данное поведение как новую форму экономической деятельности, которая, встроившись в стиль жизни россиян, постепенно меняет способы их мышления и действий.

К наиболее существенным факторам, оказывающим влияние на стратегию кредитного поведения граждан, относятся следующие факторы: изменение социальной среды, уровень денежных доходов заемщиков, степень удовлетворенности/неудовлетворенности респондентов возможностями и потенциалом экономической ситуации для взятия кредита, уровень неопределенности, горизонт планирования. В качестве метода исследования использовался стандартизированный опрос жителей регионального центра одного из субъектов Центрального федерального округа на тему: «Влияние факторов социальной среды на формирование экономического поведения населения» по районированной квотной выборке, являющейся репрезентативной в соответствии с половозрастной структурой населения города (п = 500 человек, город Ярославль, апрель-май 2019 года). Всего в опросе приняли участие 55,7 % женщин и 44,3 % мужчин. Распределение респондентов по возрасту следующее: 20–29 лет — 11,4 %; 30–39 лет — 5,7 %; 40–49 лет — 12,6 %; 50–59 лет — 14,3 %; 60–69 лет — 16,4 %; старше 70 лет — 10,7 %, что соответствует параметрам генеральной совокупности.

Результаты и обсуждение

Произошедшие изменения в экономической и политической подсистемах за последние десятилетия привели к качественным изменениям социальной среды российского общества. Классическим стало определение, данное 3. Бауманом современному обществу как «индивидуализированному»: для него характерны разрыв прежде устойчивых социальных связей, замкнутость человека на самом себе, безразличие к другому, стремление к непродолжительным и поверхностным межличностным отношениям, недолговечность любого союза, эпизодичность и кратковременность социальных взаимодействий. Это обусловлено разочарованием индивида в возможности достижения собственных целей коллективными действиями.

Как отмечает 3. Бауман, человек считает коллективные действия «в лучшем случае бесполезными, а в худшем — вредными с точки зрения благополучия и счастья отдельной личности», что приводит к потере социальных и политических характеристик, которые потенциально формируют «гражданина» и главное его качество — ответственность [11]. В исследовании ставилась задача получить оценку состояния межгрупповых и межличностных контактов (микросоциума) и оценку состояния макросоциума в представлениях самих людей, в нём живущих. Для получения характеристики макросоциума в исследовании задавался вопрос «С Вашей точки зрения, свойственны ли большинству сегодняшних россиян следующие качества?». Результаты представлены на рисунке 1.

Результаты по индексу «свойственно» позволяют понять, как сами люди видят общество, в котором они живут, по мнению большинства, в нем преобладают индивидуализм, любовь к деньгам, нечестность, стремление к наживе любым способом. Полученные результаты по показателю «не свойственно» подтверждают, что произошедшие изменения в состоянии

социума характеризуются девальвацией тех ценностей, которые формировались веками в христианском массовом сознании российского общества. Из него уходят милосердие, бескорыстие, общинность, коллективизм, самопожертвование. На вопрос «По-вашему, Россия сохранила до сегодняшнего дня ту общинность, которая была свойственна ей в прежние годы?» ответы распределились в следующем соотношении: «Да, Россия остается общинной, люди всегда готовы прийти на помощь друг другу» — 28,5 %; «Нет, такого уже нет, люди живут только своей семьей и решают свои проблемы в одиночку» — 71,5 %.

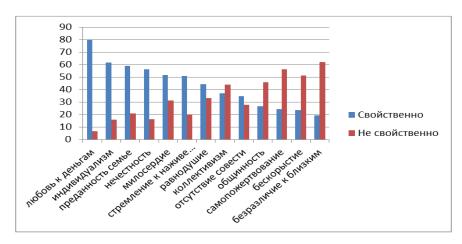

Рисунок 1. Оценка состояния российского социума населением города Ярославля (% от числа опрошенных, n = 500, 2019 год)

Распад социальных институтов привел общество к состоянию неопределенности, индивидуализма в социальных отношениях. Люди уходят из публичного пространства в лично-семейное, они рассчитывают только на свои силы, замыкаются в семье, что ведет к разрушению социального в их жизни. Дефицит социального ощущается обществом и на микроуровне социальных отношений. Прежде всего, это можно видеть из оценки людьми состояния межличностных контактов [12]. «Как Вам кажется, люди сейчас стали меньше общаться с друзьями, чем несколько лет тому назад?»: «Стали меньше общаться» (50,6 %); «Как общались, так и общаются» (31,2 %); «Стали больше общаться с родственниками, чем несколько лет тому назад?»: «Стали меньше общаться с родственниками, чем несколько лет тому назад?»: «Стали меньше общаться» (51,0 %); «Как общались, так и общаются» (34,5 %); «Стали больше общаться» (1,8 %); «Не могу оценить» (12,7 %).

Одним из основных анализируемых социальных показателей является оценка благоприятности социально-экономической обстановки для совершения покупок в кредит. Поэтому индикатором экономического поведения в целом, и кредитного в частности, является горизонт семейного планирования. Чем меньше горизонт планирования, тем выше уровень неопределенности, и тем больше ограничена рациональность экономических агентов. Для оценки данного фактора в исследовании задавался блок вопросов. Прежде всего, важно получить оценку текущего материального положения населения.

На вопрос: «На данный момент, как Вы оцениваете обеспеченность себя и своей семьи самым необходимым?» получено следующее распределение: «Самым необходимым мы обеспечены, даже больше» — 31,2 %; «Самым необходимым мы обеспечены, но не больше» — 65,1 %; «Мы не обеспечены самым необходимым» — 3,7 %. Полученный результат показывает, что две трети населения оценивают свою обеспеченность на минимальном уровне или ниже минимального уровня. Это подтверждает гипотезу о том, что сильнейшей детерминантой формирования кредитного поведения является низкий уровень жизни, а не высокие потребительские запросы населения. Что касается оценки уровня планируемости семейных экономических ресурсов, этот показатель можно использовать при выявлении состояния экономической неопределенности в обществе (рисунок 2).

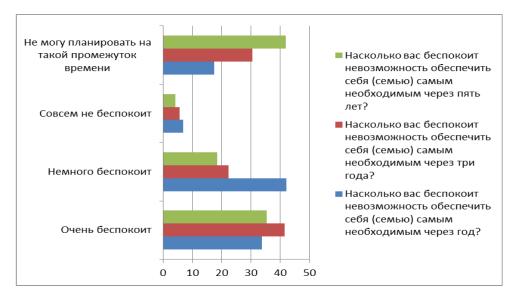

Рисунок 2. Зависимость уровня неопределенности от горизонта планирования (% от числа опрошенных, n=500, 2019 год)

Полученные данные однозначно показывают тенденцию: чем дальше горизонт планирования, тем выше уровень неопределенности, тем больше ограничена рациональность экономических агентов. Чем менее реалистичным представляется индивиду временной горизонт, тем вероятнее возможность прибегнуть к любым формам заимствований, в том числе к получению кредита [13].

Выводы

В данном контексте проблема экономического поведения (в частности кредитного) в качестве иррационального с высокой вероятностью может быть проанализирована не столько в гносеологическом аспекте определения рациональности/иррациональности, сколько в рамках социологической интерпретации. Тем самым возникает необходимость соотнесения индивидуальных, групповых либо массовых экономических действий (в том числе в практиках кредитования) с некой конкретной социальной моделью/алгоритмом рациональности или иррациональности, несоответствие которым позволяет оценивать подобные действия как неясные либо неодобряемые.

Среди основных объективных и субъективных факторов, которые оказывают влияние на стратегию кредитного поведения граждан, можно выделить: материальное положение людей, неопределенность экономического положения, потребительское поведение населения, состояние социальной среды, социальную структуру общества. В условиях неопределенности и разрушения институциональности люди сами начинают конструировать реальность. В основе данного процесса лежит разрушение норм, изменение потребительских запросов — все это ведет к возникновению долгов. В обществе преобладает процесс адаптации к наличному, кратковременная реакция на происходящее, что приводит к сужению сферы публичности, к сворачиванию институтов, способствующих расширению горизонта планирования, уверенности в принимаемых решениях.

В целом считаем, что модель экономического (в том числе кредитного) поведения человека на современном этапе должна оцениваться с учетом многомерности и сложности реального рационального либо иррационального выбора и рассматриваться на основе допущения, что выбор — в своей сущности представляет собой социокультурную реальность, не сводимую только к процедурам формальной (инструментальной) рациональности либо к чисто прагматичным интересам.

Библиографический список

- [1] Кравченко С.А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. Москва: Анкил, 2009. 385 с.
- [2] Стребков Д.О. Основные типы и факторы кредитного поведения населения в современной России // Вопросы экономики. -2004. № 2. С. 113.
- [3] Давыденко И.Г. Детерминанты кредитного поведения населения в условиях развития рынка потребительского кредитования // Общество: политика, экономика, право. 2014. N 3. C. 22–25.
- [4] Дулина Н.В., Моисеева Д.В., Ануфриева Е.В., Парамонова В.А. Кредитная культура студентов как объект социологического анализа // LOGOS ET PRAXIS. 2019. Т. 18, N 1. С. 79.
- [5] Селиванова М. Жизнь взаймы: что покупали в кредит советские граждане. [Электронный ресурс]: Информационное агентство России ТАСС. Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/4475142 (дата обращения: 12.01.2020)
- [6] Радаев В.В. Обычные и инновационные практики в деятельности российского среднего класса // Мир России. 2003. № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/obychnye—i—innovatsionnye—praktiki—v—deyatelnosti—rossiyskogo—srednego—klassa (дата обращения 22.10.2016)
- [7] Найденова Л.И., Вострокнутов Е.В., Осипова Н.В. Тенденции и прогнозы некоторых новых изменений в социальной структуре современного российского общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. Т. 3, № 43. С. 138–147.
- [8] Назаренко С. В. Социальный контроль поведения домохозяйств на рынке кредитных услуг // Материалы выступлений участников V Всероссийского социологического конгресса «Россия в системе современной социальной реальности». Москва: Издательство Российского государственного социального университета, 2017. С. 298—311.
- [9] Моисеева Д.В., Парамонова В.А., Полковая О.В. Кредитное поведение населения России: историко—социологический анализ // Социальное время. 2018. Т. 4, № 16. С. 102—111.
- [10] Никонец О.Е., Севрюкова С.В. Социально-экономическое положение населения России по уровню доходов: оценка развития среднего класса // Вестник НГИЭИ. 2019. Т. 1, N 92. С. 117–129.
- [11] Бауман З. Индивидуализированное общество. Москва: Логос, 2005. 373 с.
- [12] Попова И.В. Состояние социальных сетей на микроуровне как основа развития общественных отношений // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф.: в 2 т. Т. 2. / Под ред. В.А. Веременко. Санкт-Петербург: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. С. 35
- [13] Проблема рациональности экономического поведения / Экономическая социология / Под ред. В.И. Верховина. Москва: КДУ, Университетская книга, 2018. С. 195

References

- [1] Kravchenko, S.A. (2009). Risks in a nonlinear globolocal society. Moscow: Ankil.
- [2] Strebkov, D.O. (2004). The main types and factors of credit behavior of the population in modern Russia. *Economic Issues*, 2, 113.
- [3] Davydenko, I.G. (2014). Determinants of the credit behavior of the population in the context of the development of the consumer lending market. *Society: Politics, Economics, Law*, 3, 22–25.
- [4] Dulina, N.V., Moiseeva, D.V., Anufrieva, E.V., & Paramonova, V.A. (2019). Students' credit culture as an object of sociological analysis. *LOGOS ET PRAXIS*, 18(1), 79.

- [5] Selivanova, M. Life on loan: what Soviet citizens bought on credit. Retrieved from https://tass.ru/ekonomika/4475142.
- [6] Radaev, V.V. (2003). Common and innovative practices in the activities of the Russian middle class. *World of Russia*, 4. Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/obychnye-i-innovatsionnye-praktiki-v-deyatelnosti-rossiyskogo-srednego-klassa.
- [7] Naydenova, L.I., Vostroknutov, E.V., & Osipova, N.V. (2017). Trends and forecasts of some new changes in the social structure of modern Russian society. *News of Higher Educational Institutions. Volga region. Social Sciences*, 3(43), 138–147.
- [8] Nazarenko, S.V. (2017). Social control of household behavior in the credit market. In *Proceedings of the participants of the V All–Russian Sociological Congress "Russia in the system of modern social reality"* (pp. 298–311). Moscow: Publishing House of the Russian State Social University.
- [9] Moiseeva, D.V., Paramonova, V.A., & Polkova, O.V. (2018). Credit behavior of the population of Russia: historical and sociological analysis. *Social Time*, 4(16), 102–111.
- [10] Nikonets, O.E., & Sevryukova, S.V. (2019). Socio-economic situation of the population of Russia in terms of income: an assessment of the development of the middle class. *Bulletin of NGIEI*, 1(92), 117–129.
- [11] Bauman, Z. (2005). Individualized society. Moscow: Logos.
- [12] Popova, I.V. (2018). The state of social networks at the micro level as the basis for the development of social relations. In V.A. Veremenko (Ed.), *Private and Public in the Everyday Life of the Population of Russia: History and Modernity: Materials of an International Scientific Conference* (p. 35). St. Petersburg: Leningrad State University named after A.S. Pushkin.
- [13] Verkhovin, V.I. (2018). The problem of rationality of economic behavior. In *Economic sociology*. (pp. 183–195). Moscow: KDU, Universitetskaya Kniga.

Получена / Submitted: 17/01/2020 Доработана / Revised: 03/02/2020

Принята к публикации / Accepted: 07/02/2020

УДК 332.14

ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА ВНЕДРЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ПРАКТИКУ КЛАСТЕРНОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА

Альбина Мусаевна Киселева¹

¹Кафедра региональной экономики и управления территориями, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Российская Федерация

Аннотация. Статья поднимает вопросы формирования институциональной среды пространства региональной экономики, обеспечивающей факторы и условия внедрения системы государственночастного партнёрства (ГЧП) в практику кластерной политики региона. Факторная оценка территориального потенциала позволяет определить сильные и слабые стороны региона, определить и распределить риски внедрения системы ГЧП и далее выбрать наиболее эффективные формы государственно-частного партнерства. Исследование включило в себя трехэтапный экспертный опрос, который позволил выстроить субъективную оценку со стороны представителей публичного и частного партнера. При этом выделено проблемное поле системы государственно-частного партнерства, влияющее на качество и эффективность реализации проектов государственно-частного партнерства в практике региональной кластерной политики. Совместный ракурс публичного и частного партнеров позволит сформировать платформу для дальнейшего анализа развития практик ГЧП-проектов, кластерных проектов и их регулярного мониторинга. Отдельного внимания заслуживает оценка рисков внедрения системы государственно-частного партнерства, что определяется требованиями функционирования самой системы ГЧП и учета влияния данных рисков на практику реализации кластерных инициатив при включении в них проектов государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, кластерная политика, кластерные проекты, ГЧП-проекты, региональная экономика, институциональная среда.

The Assessment of the Potential of Public-Private Partnership in the Practice of Cluster Policy of Region

Albina M. Kiseleva¹

¹Department of Regional Economics and Territorial Administration, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russian Federation

Abstract. The article raises questions of the formation of the institutional environment of the regional economy, providing factors and conditions for the implementation of the public-private partnership system in the practice of cluster policy in the region. A factorial assessment of the territorial potential allows us to identify the strengths and weaknesses of the region, identify and share the risks of implementing a PPP system, and then choose the most effective forms of public-private partnership. The study included a three-stage expert survey, which allowed us to build a subjective assessment by representatives of a public and private partner. At the same time, the problematic field of the public-private partnership system was identified, which affects the quality and effectiveness of the implementation of public-private partnership projects in the practice of regional cluster policy. The joint perspective of public and private partners will help form a platform for further analysis of the development of practices of PPP projects, cluster projects and their regular monitoring. Special attention should be paid to the risk assessment of implementing a public-private partnership system, which is determined by the requirements of the PPP system itself and taking into account the impact of these risks on the practice of implementing cluster initiatives when public-private partnership projects are included in them.

Keywords: public-private partnership, cluster policy, cluster projects, PPP projects, regional economy, institutional environment.

Введение

Государственно-частное партнерство (ГЧП) в настоящее время все чаще используется в качестве инструмента устойчивого управления экономикой регионов. Отношения в рамках государственно-частного партнерства предполагают добровольное согласованное сотрудничество между партнерами на основе формализованных долгосрочных обязательств. Это выражается в практике совместного участия в проектах ГЧП с целью более эффективного, чем при условии индивидуального пути, достижения партнерами собственных целей. Соответственно, проекты государственно-частного партнерства задаются целями, определяемыми стоимостью и качеством проекта, временем на реализацию/окупаемость. Обусловлен данный аспект и необходимостью достижения устойчивого социальноэкономического развития территории. Важным направлением формирования такого устойчивого состояния является реализация проектных кластерных инициатив на основе формирования партнерских отношений между органами власти региона и бизнес сообществом. Это достигается связью государственно-частного партнерства с обеспечением сбалансированности социальных, экономических и экологических потребностей как территории в целом, так и местного сообщества в частности; снижением рисков неблагоприятного воздействия на окружающую среду от реализации промышленных кластерных проектов; оптимизацией использования региональных ресурсов.

С этой точки зрения надежность партнерских отношений является сложным вопросом, обусловленным распределением их полномочий, определяющих, каким образом различные субъекты участвуют в процессе принятия решений и какую роль они должны играть в рамках партнерства [1]. Роль органов власти заключается не только в регулировании всех партнерских отношений и процессов организации кластерных практик, но и в координации и содействии, распределении информации и знаний. Инициатива формирования партнерства должна исходить от органов власти, поскольку в их ведении находится деятельность по социально-экономическому развитию территории. Достаточно вариативной является роль частного партнера, связанная с целью его участия в практике ГЧП и кластерных инициатив. В зависимости от этого бизнес-структуры могут выполнять роль консультанта на этапах разработки и координации кластерной политики до более сложной роли на этапах осуществления, мониторинга и оценки, что влечет за собой оценку профессиональных качеств самого частного партнера.

Процесс внедрения практики государственно-частного партнерства в развитие региона и кластерную политику предусматривает подготовку к нему территории, а также самих партнеров. Состояние территории на предмет ее готовности к реализации ГЧП-проектов рассматривается через призму социально-экономических, политических условий и факторов региона, их значимости и степени влияния на актуализацию и функциональность ГЧП-проектов, анализа эффективности конструирования кластерной политики при включении в нее проектов государственно-частного партнерства. Это определяет исследовательскую необходимость проведения оценки институциональной среды региона на предмет целесообразности и возможности внедрения государственно-частного партнерства в практику региональной кластерной политики.

Потенциал государственно-частного партнерства определяется на основе факторов и условий институциональной среды региона, обеспечивающих коллаборацию органов власти и бизнес сообщества, поскольку такое сотрудничество обеспечивает рост инвестиций в региональную экономику. Следствием данного исследования становится не только анализ состояния и проблемного поля территории, но и выход на формирование методики оценки по результатам опроса представителей публичного и частного партнеров, системы мониторинга и разработки стратегии включения ГЧП в кластерную политику региона. Также следует учитывать, что долгосрочные контракты в системе ГЧП обусловлены широким спектром

рисков и неопределенностей, особенно что касается отсутствия у партнеров опыта и знаний в данной области. В связи с таким целеполаганием формулируется гипотеза исследования, которая утверждает, что факторы и условия институциональной среды задают пространство региональной экономики для успешного встраивания системы государственно-частного партнерства в кластерную политику региона и перераспределения рисков. Причем при разработке методики оценки и стратегии следует учитывать процедуру согласованности между публичным и частным партнером, силы влияния факторов и степени риска на успешность внедрения ГЧП-проектов в условиях реализации кластерных инициатив.

Значение ГЧП в практике социально-экономического развития территории, выбор оптимальных форм государственно-частного партнерства представлены в работах В.Г. Варнавского, А.В. Клименко, В.А. Королева [2], Дж. Делмона [3], Т.М. Матаева [4], В.А. Цветкова, К.Х. Зоидова, А.А. Медкова [5], М. Кампос, С. Морини [6], М. Флиндерс [7], И. Маркес [8], Г. Палермо [9] и ряда других. Авторы подчеркивают сложность института государственно-частного партнёрства и организационной его составляющей, отвечающей за выбор и формирование в контексте определенной территории процедур согласования взаимодействия между публичным и частным партнером.

Исследовательский ракурс, сосредоточенный на возможности встраивания в кластерное поле ГЧП-проектов, обозначил необходимость рассмотрения институциональных факторов, условий, рисков территории в контексте их оптимального учета и выбора для обеспечения конкурентного роста региональной экономики. Вопросы включения производственных структур в кластерную практику, процессы финансирования кластерных проектов и проектов государственно-частного партнёрства, проблемы исследования кластерных практик, обусловленных обеспечением конкурентной среды территорий, поднимались Р. Брайден [10], Э.Р. Йескомб [11], Е.В. Пустынниковой, Е.В. Усковой [12], А. Биргул [13], М. Делгадо, М. Портер, С. Стерн [14], С. Кетелс, О. Мемедович [15], М. Жижка, В. Валентова, Н. Пеллонова, Т. Штичхауерова [16] и другие.

Материалы и методы

Исследовательский подход обусловлен рассмотрением связи между системой государственночастного партнерства и кластерной политики, формирующих инвестиционную платформу для активизации усилий региональных органов власти по эффективному социальноэкономическому развитию территории. Данная связь опирается на институциональный и ресурсный потенциал территории, позволяющий выработать системный взгляд на дальнейшие методические рекомендации субъектам государственно-частного партнерства и кластерной политики по грамотному использованию возможностей региональной экономики и формированию регулярной практики взаимодействия по ключевым социальноэкономическим проектам территории.

Для достижения исследовательской цели были использованы отдельные результаты экспертного опроса, проведенного в рамках исследования по гранту РФФИ в 2018–2019 годах по теме: «Государственно-частное партнерство как инструмент развития региональной кластерной политики». Опрос экспертов, в качестве которых были привлечены практики, чьи функции и полномочия непосредственно связаны с данными направлениями деятельности, позволил увидеть проблемы формирования институционального пространства региона для эффективного встраивания системы ГЧП в кластерную практику. Полный опрос экспертов состоял из трех этапов, первые два из которых были проведены в первый год грантового исследования среди экспертов Омской области: первый этап заключался в непосредственной оценке представленных им системы факторов и условий институциональной среды, а также комплекса региональных рисков; второй этап осуществлялся в контексте апробации методики оценки, сформированной по итогу прохождения первого этапа; третий этап включал в себя повторную апробацию методики после года ее применения, но среди экспертов других

субъектов РФ, которые были отобраны случайным образом на основе Рейтинга регионов по уровню развития Γ ЧП, сформированного АНО «Национальный центр развития Γ ЧП» (представители 16 субъектов РФ).

В данной статье представлены результаты первого и второго этапа экспертного опроса. В ходе проведения первичного опроса региональные респонденты были объединены в две группы: эксперты, представляющие интересы органа государственной власти Омской области (12 человек) и эксперты, представляющие интересы частного партнера (бизнеса) (10 человек). Апробация разработанной методики в 2018 году прошла среди 11 представителей публичного (6 человек) и частного (5 человек) партнеров, в ходе проверки которой была одновременно осуществлена диагностика состояния институциональной среды государственно-частного партнерства Омской области.

Результаты и обсуждение

Оценка экспертами состояния дел в практике реализации ГЧП и факторов институциональной среды ГЧП при реализации кластерных проектов в Омской области отразила единодушное мнение представителей публичного и частного партнеров. В качестве ключевой проблемы они выделяют доступность финансовых ресурсов для проектов ГЧП и кластерных проектов. Одинаково при этом отмечается положительный аспект в доступности образовательного и научного ресурсного потенциала в регионе (таблица 1).

Таблица 1. Оценка экспертами состояния факторов институциональной среды государственночастного партнерства в рамках реализации кластерных проектов в Омской области по 5-балльной шкале

Наименование фактора институциональной среды	Публичный партнер	Частный партнер	Суммарный балл
Объем финансовых ресурсов для проектов ГЧП и кластерных проектов	1,8	1,3	1,5
Доступность финансовых ресурсов для проектов ГЧП и кластерных проектов	1,5	1,2	1,4
Разработанность региональной нормативной базы поддержки проектов ГЧП и кластерных проектов	1,75	1,8	1,8
Качество региональной экономической политики	2,6	2,1	2,4
Качество региональной кластерной политики	2,3	1,7	2,0
Компетентность сотрудников государственных структур в сфере реализации проектов ГЧП и кластерных проектов	2,8	2,0	2,5
Качество трудовых ресурсов, занятых в кластерах и реализуемых ГЧП-проектах	2,9	2,6	2,8
Уровень развития научных исследований и разработок в отраслях, входящих в проекты ГЧП и кластерные проекты	2,1	2,2	2,1
Доступность данных научных исследований и разработок для участников кластеров и проектов ГЧП	2,5	2,2	2,4
Уровень развития организаций, оказывающих поддержку участникам ГЧП и участникам кластеров	2,25	1,9	2,1
Уровень конкурентоспособности региональных проектов ГЧП	2,1	1,6	1,9
Наличие и достаточность ресурсов:			
производственной инфраструктуры	2,5	2,25	2,4
образовательной и научной инфраструктуры	2,9	1,9	2,5
физической инфраструктуры	1,8	1,9	1,85
Доступность ресурсов:			
производственной инфраструктуры	1,7	1,8	1,75
образовательной и научной инфраструктуры	3,2	2,8	3,0
физической инфраструктуры	2,25	1,8	2,0
Уровень доверия между властью и бизнесом	1,75	1,9	1,8

Конечно, существуют отдельные отрасли и соответствующие ГЧП-проекты, которые имеют запланированную финансовую поддержку для своей реализации. В частности, в транспортной отрасли проекты государственно-частного партнерства формируются и реализуются активно как на федеральном уровне, так и на региональном. В этом аспекте можно выделить «Обход Хабаровска», строительство четвертого моста через реку Обь в Новосибирске, мостового перехода через реку Чусовую в Перми, «Восточного выезда из Уфы» и магистрали «Центральная» в Самаре. В сфере железнодорожного транспорта в качестве перспективных проектов рассматриваются Северный широтный ход, трасса «Кызыл — Курагино» для вывоза угольной грузовой базы из Республики Тыва, высокоскоростная железнодорожная магистраль «Москва — Казань» [17]. Данные проекты финансируются по программе развития транспортной системы РФ, выделенный объем средств составляет 12 миллиардов рублей, из которых почти половина средств являются внебюджетными.

Также схожи эксперты в оценке двух ведущих факторов: доступности ресурсов образовательной и научной инфраструктуры и качестве трудовых ресурсов, занятых в кластерах и реализуемых в ГЧП-проектах (таблица 2). Эти факторы имеют значение как в целом для регионального рынка труда, так и определяют возможности реализации каждого отдельно взятого ГЧП-проекта и кластерного проекта с точки зрения качества и количества регионального человеческого капитала для них.

Таблица 2. Суммарный рейтинг экспертной оценки факторов институциональной среды, который базируется на баллах выше среднего (от 2,0 и выше баллов)

Номер рейтинга	Средний балл (от 2,0 и выше)	Название фактора
1	3,0	Доступность ресурсов образовательной и научной инфраструктуры
2	2,8	Качество трудовых ресурсов, занятых в кластерах и реализуемых ГЧП- проектах
3–4	2,5	Наличие и достаточность ресурсов образовательной и научной инфраструктуры Компетентность сотрудников государственных структур в сфере реализации проектов ГЧП и кластерных проектов
5–6	2,4	Доступность данных научных исследований и разработок для участников кластеров и проектов ГЧП Наличие и достаточность ресурсов производственной инфраструктуры
7–8	2,1	Уровень развития организаций, оказывающих поддержку участникам ГЧП и участникам кластеров Уровень развития научных исследований и разработок в отраслях, входящих в проекты ГЧП и кластерные проекты
9–10	2,0	Качество региональной кластерной политики Доступность ресурсов физической инфраструктуры

При выборе направлений, по которым в регионе имеется наибольший потенциал реализации проектов ГЧП участниками кластеров, эксперты сошлись во мнениях и выделили два ключевых направления. Это непосредственно производственные проекты предприятий-участников кластеров и развитие физической инфраструктуры. Третьи места в рейтингах направления получили одинаковое количество баллов, но оценены экспертами по-разному: у представителей органов власти это направление «развитие образовательной и научной инфраструктуры»; у представителей организаций — «развитие телекоммуникационной инфраструктуры». Проблема доступности финансовых ресурсов для ГЧП-проектов и кластерных проектов, выделяемая обеими группами экспертов, носит федеральный и региональный характер. В первую очередь, она исходит из существующих законодательных норм и вытекающей из них возможности ресурсного обеспечения. Эксперты оценили существующие федеральные и региональные НПА в сфере ГЧП с точки зрения соответствия их ожиданиям в качестве участников партнерских отношений. Представители органов

государственной власти чуть оптимистичнее видят состояние дел в данном аспекте: федеральные НПА оценены ими в 1,9 средний балл (из 4 максимально возможных баллов) против 1,7 балла от экспертов, представляющих публичных партнеров; региональные НПА — в 1,7 балла (публичный партнёр); 1,4 балла (частный партнер).

Определенное негативное влияние на ресурсное сопровождение ГЧП-проектов и кластерных проектов носит и отсутствие в регионе стратегии применения ГЧП (использования ГЧП-проектов). Поскольку нет системной экономической и нормативно-правовой основы для эффективного процесса государственно-частного партнерства, данная ситуация генерирует ряд проблем, которые были обозначены экспертами с точки зрения их первостепенности решения (таблицы 3, 4). Причем рейтинги мнений о проблемных областях у разных групп экспертов несколько различаются, но «Сложность в оформлении договоров партнерских отношений» и «Неэффективность деятельности организационных структур поддержки ГЧП» находятся в первых трех строчках обоих рейтингов, а, значит, воспринимаются как наиболее актуальные проблемы, требующие своего первостепенного решения.

Таблица 3. Ранжирование проблем, сопровождающих применение отношений ГЧП в Омской области, начиная с самой актуальной: оценка экспертами от органов государственной власти

Вид проблемы	Ранг	
Неэффективность деятельности организационных структур поддержки ГЧП	1	
Сложность в оформлении договоров партнерских отношений	2	
Отсутствие квалифицированных кадров у представителей публичного партнера	3	
Отсутствие квалифицированных кадров у частных партнеров	4	
Сложность сопровождения проектов, обусловленная многообразием форм ГЧП		
Низкий уровень или отсутствие опыта сопровождения ГЧП представителями публичного партнера		
Низкий уровень или отсутствие опыта реализации ГЧП частными партнерами		
Отсутствие у публичного партнера информационной инфраструктуры, поддерживающей ГЧП		
Отсутствие стратегии и планов реализации ГЧП в разных сферах	9	

Таблица 4. Ранжирование проблем, сопровождающих применение отношений ГЧП в Омской области, начиная с самой актуальной: оценка экспертами от организаций

Вид проблемы		
Сложность в оформлении договоров партнерских отношений		
Сложность сопровождения проектов, обусловленная многообразием форм ГЧП	2	
Неэффективность деятельности организационных структур поддержки ГЧП	3–4	
Низкий уровень или отсутствие опыта реализации ГЧП частными партнерами		
Низкий уровень или отсутствие опыта сопровождения ГЧП представителями публичного партнера		
Отсутствие квалифицированных кадров у частных партнеров		
Отсутствие у публичного партнера информационной инфраструктуры, поддерживающей ГЧП		
Отсутствие квалифицированных кадров у представителей публичного партнера		
Отсутствие стратегии и планов реализации ГЧП в разных сферах	9	

Сложность в оформлении договоров партнерских отношений и неэффективность деятельности организационных структур поддержки ГЧП являются существенными препятствиями в формировании партнерских отношений с обеих сторон. Для частного партнера значимой проблемой становится сложность сопровождения проектов, обусловленная многообразием форм ГЧП, поскольку органы государственной власти не активны в информационно-консультационной поддержке ГЧП отношений. Сложившиеся институциональные условия для реализации проектов ГЧП в рамках обеспечения конкурентоспособности региона и его социально-экономического развития оценены экспертами в целом адекватно текущему состоянию региональной экономики (таблица 5).

Стоит отметить, что некоторое расхождение в оценке информации о формах ГЧП у «публичных» и «частных» экспертов соотносится с доступностью на сайте в сети Интернет информации о перечне объектов ГЧП, по которым планируется заключение соглашений и которые уже реализуются.

Представители частного партнера ориентируются на данные материалы, где отражена одна форма — концессия, считая эту информацию достаточной для понимания текущей ситуации. Тогда как эксперты, представляющие публичного партнера, с одной стороны, ориентируются также на данный перечень объектов ГЧП, с другой стороны, видят проблему в отсутствии четкого представления форм ГЧП, поэтому их мнения несколько противоречивы.

Таблица 5. Оценка представителями публичного и частного партнера институциональных условий реализации системы ГЧП в целях социально-экономического развития региона, в % к числу экспертов

Вид условия	Партнеры	Полностью не согласен	Скорее нет	Скорее да	Полностью согласен	Затрудняюсь ответить	Итог
Информация о формах ГЧП доступна	Публичный	0	41,7	41,7	16,6	0	100
	Частный	0	30,0	70,0	0	0	100
Механизм использования ГЧП	Публичный	0	8,3	91,7	0	0	100
определен	Частный	0	60,0	40,0	0	0	100
Структуры, сопровождающие проекты	Публичный	0	0	33,3	50,0	16,7	100
ГЧП, определены	Частный	0	10,0	20,0	30,0	40,0	100
Единый консультационный центр	Публичный	33,3	58,4	8,3	0	0	100
развития ГЧП создан	Частный	0	10,0	40,0	10,0	40,0	100
Приоритетные сферы использования	Публичный	0	25,0	58,4	0	16,6	100
ГЧП установлены	Частный	10,0	10,0	20,0	10,0	50,0	100
Информация о перечне объектов ГЧП, по которым планируется заключение	Публичный	0	8,3	41,7	33,3	16,7	100
соглашений, опубликована в информационной среде (Интернет)	Частный	0	0	10,0	30,0	60,0	100
Использование механизмов ГЧП предусмотрено региональной	Публичный	0	33,3	41,7	0	25,0	100
кластерной политикой	Частный	30,0	0	20,0	10,0	40,0	100

В ходе опроса органы власти отдали предпочтение таким формам реализации государственно-частного партнерства, как соглашение о ГЧП, долгосрочная аренда, создание СПК с государственным и частным капиталом. Представители частного партнера отметили, что к наиболее выгодным формам сотрудничества власти и бизнеса относятся соглашение о ГЧП и долгосрочная аренда. На самой распространенной и одновременно самой понятной всем форме — соглашении о ГЧП — сошлись мнения всех экспертов. Данное единодушие партнёров объясняется тем, что соглашение о ГЧП является одной из самых гибких форм, которая позволяет привлекать бюджетное софинансирование и инвестиции частного сектора на модернизацию, реконструкцию объектов, предоставлять гарантии частным инвесторам, а также носит долгосрочный характер. Одним из преимуществ соглашения о ГЧП для частных инвесторов является возможность оформить объект в собственность (в случае участия со стороны частного партнера более 50 % в стоимости проекта). Концессия как форма ГЧП была сознательно вынесена за пределы опроса, поскольку является самым распространенным форматом текущих партнерских отношений. Согласно последним требованиям Министерства экономического развития РФ, соглашение о ГЧП относится к основным формам ГЧП наряду федеральным регулируется законодательством [18], дополнительным (квази-ГЧП) — на основе законодательства субъекта РФ.

Обращает свое внимание в исследовании и сложность оценки институциональных условий со стороны представителей частного партнера: эксперты затрудняются отметить многие виды условий. По всей видимости, проблема связана с информационным полем системы реализации государственно-частных партнерских отношений, несмотря на то, что в регионе имеется специализированный информационный ресурс субъекта РФ в сфере ГЧП в информационно-телекоммуникационной сети Интернет — Инвестиционный портал Омской области [19]. Портал содержит раздел «Инвестиционные проекты» с соответствующим подразделом «Государственно-частное партнерство», в котором отражена информация о законодательстве, а также перечень инвестиционных проектов государственно-частного, муниципально-частного партнерства, концессионных соглашений.

Публичный партнер заявляет о ежеквартальной актуализации информации, но ее содержание не отвечает всем потребностям субъектов бизнеса, поскольку она представлена лишь следующими видами: перечнем базовых, а не всех, законодательных документов; перечнем инвестиционных проектов, реализуемых и планируемых к реализации на территории Омской области на основании заключения соглашений о государственно-частном, муниципально-частном партнерстве, концессионных соглашенийх; перечнем объектов, в отношении которых планируется заключение соглашений о государственно-частном партнерстве, концессионных соглашений на территории Омской области.

Поэтому внедрение регионального ГЧП-стандарта и подписанное Соглашение с Ассоциацией участников государственно-частного партнерства «Центр развития ГЧП» о реализации мероприятий по развитию институциональной среды должно позволить заполнить данный информационный вакуум. В регионе также действует еще один информационный источник — официальный сайт АО «Агентство развития и инвестиций Омской области» [20]. информационная деятельность в освещении системы государственно-частного партнерства и предоставления необходимых частному инвестору материалов данным источником не ведется. Также вне опроса абсолютное большинство экспертов-представителей органов государственной власти считают, что необходимо внесение изменений в нормативноправовые акты для отдельной разработки механизмов поддержки реализации кластерных проектов для практики государственно-частного партнерства. Но эксперты, представляющие сторону частных партнеров, имеют другое мнение. Они допускают, что механизм поддержки кластерных проектов ГЧП не должен отличаться от механизмов поддержки иных проектов ГЧП, что, соответственно, влияет на целесообразность разработки отдельного механизма поддержки реализации кластерных проектов в процессах реализации государственно-частных партнерских отношений. Эксперты также отмечают, что на данный момент в регионе работа с ГЧП-проектами организована не рационально, что не позволяет говорить о необходимых для экономики качестве и количестве привлекаемых на территорию инвестиций. Хотя имеющийся в регионе потенциал построения и реализации государственно-частных партнерских отношений позволяет прогнозировать экспертами улучшение ситуации (таблица 6).

Таблица 6. Оценка предложенных экспертам утверждений, в % к общему числу экспертов

Утверждения	Полностью не согласен	Скорее нет	Скорее да	Полностью	Затрудняюсь ответить	Итог
Потенциал использования ГЧП в ближайшие 3 года позволит привлечь значительные инвестиции в развитие контролируемой Вами сферы	0	13,7	54,5	31,8	0	100
Организация работы с проектами ГЧП в регионе полностью позволяет покрывать потребности региона в частных инвестициях	13,7	54,5	4,5	4,5	22,8	100

Таблица 7. Факторы, имеющие наибольшее значение для внедрения и реализации проектов государственно-частного партнерства в практику региональной кластерной политики, в % к числу экспертов

Наименование фактора	Партнеры	Влияние полностью отсутствует	Влияние почти отсутствует	ъ Влияние незначительно	 Влияние существенно 	Ключевое влияние	Итог
Экономические условия	г распирации пр		1		<u> </u>		
Долгосрочный спрос на товары/услуги, предлагаемые	Публичный Частный	0	0	25,0 10,0	50,0 80,0	25,0 10,0	100
проектом							
Уровень доходности для привлечения инвесторов	Публичный	0	0	8,3	33,4	58,3	100
	Частный	0	0	0	30,0	70,0	100
Конкуренция в реализации проекта	Публичный	0	25,0	58,3	16,7	0	100
	Частный	0	0	80,0	20,0	0	100
Уровень тарифов на ресурсы (электроэнергия, водо- и	Публичный	0	0	8,3	58,3	33,4	100
газоснабжение и тому подобное)	Частный	0	0	10,0	60,0	30,0	100
Возможность привлечения долгосрочного долгового	Публичный	0	25,0	41,7	25,0	8,3	100
финансирования	Частный	0	0	30,0	50,0	20,0	100
Инвестиционная среда	реализации пр	оекта					
Наличие инструментов государственной поддержки	Публичный	0	0	58,3	33,4	8,3	100
таличие инструментов государственной поддержки	Частный	0	0	10,0	70,0	20,0	100
Состояние регионального финансового рынка	Публичный	0	8,3	75,0	16,7	0	100
Состояние регионального финансового рынка	Частный	0	10,0	60,0	20,0	10,0	100
Общественное доверие к проектам	Публичный	16,7	41,7	33,3	8,3	0	100
	Частный	20,0	40,0	30,0	10,0	0	100
Стабильность региональной политической системы и	Публичный	0	0	25,0	58,3	16,7	100
правового регулирования	Частный	0	0	20,0	50,0	30,0	100
Инрастиналная привнаметан насть размана в начам	Публичный	0	0	16,7	25,0	58,3	100
Инвестиционная привлекательность региона в целом	Частный	0	0	20,0	70,0	10,0	100
Характеристика ча	стного партнер	a					
Профессионализм команды проекта и эффективность	Публичный	0	0	0	16,7	83,3	100
структуры организации проекта	Частный	0	0	0	10,0	90,0	100
	Публичный	0	0	66,7	25,0	8,3	100
Уровень доверия органам власти	Частный	10,0	20,0	30,0	40,0	0	100
	Публичный	0	41,7	50,0	0	8,3	100
Опыт в реализации кластерных проектов	Частный	20,0	30,0	10,0	30,0	10,0	100
	Публичный	0	0	33,3	50,0	16,7	100
Опыт в реализации проектов ГЧП	Частный	0	0	30,0	60,0	10,0	100
Инновационность технических решений в собственной	Публичный	0	16,7	58,3	16,7	8,3	100
корпоративной практике	Частный	0	10,0	50,0	30,0	0	100
	1 11111111			23,0	23,0		200

Ключевыми факторами представители обеих групп экспертов назвали уровень доходности для привлечения инвесторов (блок «Экономические условия реализации проекта»), профессионализм команды проекта и эффективность структуры организации проекта (блок «Характеристика частного партнера»). Эксперты, представляющие органы власти и осуществляющие свои полномочия в контексте регионального социально-экономического развития, внесли в данный состав еще инвестиционную привлекательность региона в целом (блок «Инвестиционная среда реализации проекта»).

Эксперты-представители организаций отметили существенное влияние инвестиционной привлекательности региона в совокупности с наличием инструментов государственной поддержки и стабильностью региональной политической системы и правового регулирования, подчеркнув, таким образом, практическую значимость состояния организационных элементов системы ГЧП. Достаточно любопытным оказалось незначительное влияние фактора «Конкуренция в реализации проекта» для внедрения и реализации проектов государственночастного партнерства в практику региональной кластерной политики. Единодушие экспертов, по всей видимости, определяется недостаточно развитым региональным рынком проектов государственно-частного партнерства и кластерных проектов по отдельности, а рассмотрение их в своей взаимосвязи в принципе пока не имеет своего конкурентного начала.

С этой оценкой коррелирует и идентичное мнение экспертов по фактору «Состояние регионального финансового рынка». Рыночные основы в регионе не представляют на данный момент хороший фундамент для внедрения проектов государственно-частного партнерства в практику региональной кластерной политики. В блоке «Экономические условия реализации проекта» факторы «Долгосрочный спрос на товары/услуги, предлагаемые проектом» и «Уровень тарифов на ресурсы (электроэнергия, водо- газо- снабжение и тому подобное)» эксперты также одинаково отмечают как имеющие существенное влияние на возможности встраивания государственно-частного партнерства в региональную кластерную политику. Это свидетельствует об актуальности этих факторов и определенной недооценке их органами власти при разработке основ кластерной политики, поскольку они выделяются представителями обеих групп экспертов. К сожалению, эксперты не считают влияющим на функциональность проектов государственно-частного партнерства фактор общественного доверия к проектам ГЧП. Это свидетельствует о том, что система ГЧП и региональная кластерная политика на данный момент не встроены в социальную практику жизнедеятельности территории, в большей степени определяются чисто экономическими общими региональными и частными — целями и интересами.

В системе ГЧП публичный и частный партнеры в рамках сотрудничества соглашаются разделить обязанности, связанные с осуществлением и/или эксплуатацией и управлением инфраструктурными объектами по проектам. Такое взаимодействие строится с учетом профессионального опыта каждого партнера, с учетом действующего на основе соглашений распределения ресурсов, рисков, обязательств и выгод. Необходимость определенного соглашения видится и в отношении разнесения рисков, которые связаны со всеми видами инвестиций, как частных, так и государственных. В силу организации государственночастного партнёрства процесс управления рисками является ключевым элементом такого сотрудничества между частными и государственными структурами. Практика управления рисками на ранних этапах внедрения ГЧП-проектов в рамках кластерной политики обусловлена необходимостью достижения успешной конечной стадии реализации данных проектов. При этом следует учитывать, что каждый проект будет уникален, поэтому одни и те же виды рисков могут не проявляться в аналогичных проектах.

В этом случае целью выявления рисков являются разработка решений по их устранению или минимизации по конкретному проекту, учет механизма и уровня партнерских отношений. Становится очевидным преимущество организации государственно-частного партнерства в определенном распределении разных видов рисков между публичным и частным партнёрами и, соответственно, несение ответственности, включительно финансовой, между ними за наступление рисковых событий по конкретному проекту (таблица 8). Обе группы экспертов единодушно возлагают ответственность за несение коррупционного, тарифного (риска ценообразования), политического рисков на органы государственной власти; а финансового (коммерческого) и делового рисков, а также риска удорожания проекта — на организации. Равномерное распределение рисков между публичным и частным партнерами возможно в отношении риска сопротивления общественности реализации проекта и экологического риска.

Таблица 8. Оценка оптимального распределения рисков между государственным и частным партнерами при реализации кластерных проектов, в % к числу опрошенных экспертов

Наименование риска	Партнеры	Риск должен быть полностью возложен на государство	Риск должен быть в основном возложен на государство	Риск должен быть распределен равномерно между государством и бизнесом	Риск должен быть в основном возложен на частного партнера	Риск должен быть полностью возложен на частного партнера	Итог
Риск существенного изменения внешних условий реализации	Публичный	0	50,0	41,7	8,3	0	100
проекта в долгосрочной перспективе	Частный	10,0	20,0	70,0	0	0	100
Риск существенного изменения внутренних условий реализации	Публичный	0	0	8,3	75,0	16,7	100
проекта в долгосрочной перспективе	Частный	0	10,0	80,0	10,0	0	100
Финансовый (коммерческий)	Публичный	0	0	0	16,7	83,3	100
риск	Частный	0	0	10,0	70,0	20,0	100
V × ×	Публичный	41,7	41,7	16,6	0	0	100
Коррупционный риск	Частный	50,0	50,0	0	0	0	100
Риск снижения	Публичный	0	0	16,6	41,7	41,7	100
конкурентоспособности проекта	Частный	0	0	50,0	40,0	10,0	100
Риск удорожания проекта	Публичный	0	16,7	33,3	41,7	8,3	100
гиск удорожания проекта	Частный	0	0	20,0	80,0	0	100
Тарифный риск	Публичный	16,7	58,3	25,0	0	0	100
(ценообразования)	Частный	10,0	70,0	20,0	0	0	100
П	Публичный	75,0	25,0	0	0	0	100
Политический риск	Частный	80,0	20,0	0	0	0	100
Риск сопротивления	Публичный	0	41,7	58,3	0	0	100
общественности реализации проекта	Частный	10,0	10,0	80,0	0	0	100
Деловой риск	Публичный	0	0	0	25,0	75,0	100
Acropout buck	Частный	0	0	10,0	60,0	30,0	100
Экологический риск	Публичный	0	8,3	66,7	25,0	0	100
	Частный	0	30,0	70,0	0	0	100
Технологический риск	Публичный	0	0	25,0	58,3	16,7	100
1	Частный	0	0	90,0	10,0	0	100

В остальном мнения экспертов несколько разошлись. При этом представители органов государственной власти отдают себе отчет, что они должны брать на себя риск существенного изменения внешних условий реализации проекта в долгосрочной перспективе, тогда как частный партнер должен отвечать, по мнению экспертов-представителей публичного партнера, за риск существенного изменения внутренних условий реализации проекта в долгосрочной перспективе, технологический риск и риск снижения конкурентоспособности проекта. Но эксперты, представляющие интересы организаций, считают, что во всех этих случаях обе стороны должны нести равную ответственность по данным видам рисков, что является не совсем верным с точки зрения организации бизнеса и соответствующих полномочий и функционала представителей органов власти.

Выводы

Таким образом, следует подчеркнуть, что тенденция развития системы государственно-частного партнерства создает потребность в совершенствовании данной практики в рамках

встраивания ее в региональную кластерную политику с целью поддержания конкурентной среды территории и будущих проектов ГЧП. Одним из важнейших этапов такого внедрения являются выявление, анализ и классификация различных факторов и условий, имеющих решающее значение для эффективности работы системы ГЧП и кластерных инициатив. Институциональная среда региональной экономики формирует пространство для реализации ГЧП-практик и совместных проектов в связке с кластерными инициативами. Эффективность ГЧП-проекта с точки зрения его целей зависит от комплекса факторов и условий, которые определяют готовность региона и идентифицируют его возможности на основе не только объективных показателей, но и субъективных (экспертных) заключений.

Вопросы разнесения рисков при организации партнерских отношений возникли при становлении системы государственно-частного партнерства, и до сих пор целесообразность возложения определённых видов рисков или их долевой пропорции на того или иного партнера решается самостоятельно на региональном уровне. Следует отметить важность выделения и апробации факторов и условий институциональной среды региона, на основе определяется потенциал государственно-частного партнерства, рекомендации публичному и частному партнеру по проведению качественных мер по коллаборации органов власти и бизнес сообщества в обеспечении экономического роста территории региона. Цель таких методических рекомендаций будет заключаться в содействии в разработке направлений повышения качества институциональной среды развития государственно-частного партнерства в регионе. Следующий шаг в использовании методики оценки внешних, внутрирегиональных факторов и условий — постановка применения ее на регулярную основу в виде мониторинговых мероприятий, отражающих системную диагностику состояния региональной экономики и взаимоотношения публичного и частных партнеров, и разработка стратегии применения государственно-частного партнерства в практике региональной кластерной политики.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00436.

Библиографический список

- [1] Bovaird T. Public–private partnerships: From contested concepts to prevalent practice // International Review of Administrative Sciences. − 2004. − № 2. − C. 199–215. doi:10.1177/0020852304044250.
- [2] Варнавский В.Г., Клименко А.В., Королев В.А. Государственно–частное партнерство. Москва: Издательский дом ГУ–ВШЭ, 2010. 287 с.
- [3] Делмон Дж. Государственно-частное партнерство в инфраструктуре. Практическое руководство для органов государственной власти. Астана: Издательский центр «Апельсин», 2010. 261 с.
- [4] Матаев Т.М. Формы государственно-частного партнерства при реализации инфраструктурных проектов // Государственно-частное партнерство. -2014. T. 1, № 1. C. 9-18. doi:10.18334/ppp.1.1.22.
- [5] Цветков В.А., Зоидов К.Х., Медков А.А. Государственно-частное партнерство основная форма реализации транспортно—транзитного потенциала России // Экономика региона. 2017. Т. 13, Вып. 1. С. 1–12. doi:10.17059/2017–1–1.
- [6] Campos M., Morini C., Marcondes de Moraes G., Júnior E. A performance model for Public-Private Partnerships: the authorized economic operator as an example // RAUSP Management Journal. 2017. Vol. 53, Is. 2. P. 268–279 http://dx.doi.org/10.1016/j.rausp.2017.07.002

- [7] Flinders M. The Politics of Public-Private Partnerships // British Journal of Politics and International Relations. 2005. Vol. 7, Is. 2, P. 215–239. https://doi.org/10.1111/j.1467–856X.2004.00161.x
- [8] Marques II I. Vocational Education and the Practice of Public-Private Partnerships in Russia's Regions // Journal of the New Economic Association. 2017. Vol. 4, No. 36. P. 198–207.
- [9] Palermo G. Economic Power and the Firm in New Institutinal Economic: Two Conflicting Problems // Journal of Economic Issues. 2000. No. 3. P. 573–601.
- [10] Портер М., Кетелс К. Дельгадо М., Брайден Р. Конкурентоспособность на распутье // Направления развития российской экономики. Москва: Центр стратегических разработок, 2007. 114 с.
- [11] Йескомб Э.Р. Государственно-частное партнерство // Основные принципы финансирования. Москва: Альпина Паблишер, 2015. 457 с.
- [12] Пустынникова Е.В., Ускова Е.О. Формирование конкурентных преимуществ корпоративных структур на основе интеграции кластерного типа // Экономика региона. 2017. Т. 13, Вып. 2. С. 500—510. doi 10.17059/2017—2—15.
- [13] Birgul A. The interplay of competitive and cooperative behavior and differential benefits in alliances // Strategic Management Journal. 2017. Vol. 39, Is. 12. P. 3222–3246. doi:org/10.1002/smj.2731
- [14] Delgado M., Porter M., Stern S. Defining Clusters of Related Industries // Journal of Economic Geography. 2015. № 3. P. 1–38. doi:10.1093/jeg/lbv017.
- [15] Ketels C., Memedovic O. From clusters to cluster-based economic development // International Journal Technological Learning, Innovation and Development. 2008. Vol. 1, Is. 3. P. 375–392.
- [16] Žižka M., Valentová V., Pelloneová N., Štichhauerová E. The effect of clusters on the innovation performance of enterprises: traditional vs new industries // The International Journal Entrepreneurship and sustainability issues. − 2018. − Vol. 5, № 4. − P. 780–794 http://doi.org/10.9770/jesi.2018.5.4(6).
- [17] Дайджест PPPI.RU 01–31 января 2018. «РОСИНФРА» платформа поддержки инфраструктурных проектов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rosinfra.ru/ (дата обращения: 10.04.2019).
- [18] Федеральный закон №224—ФЗ от 13.07.2015 г. «О государственно-частном партнерстве, муниципально—частном партнёрстве в Российской Федерации внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система Консультант Плюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (дата обращения: 22.12.2019).
- [19] Инвестиционный портал Омской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://investomsk.ru/ru (дата обращения: 12.04.2019).
- [20] Официальный сайт АО «Агентство развития и инвестиций Омской области». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.arvd.ru (дата обращения: 12.04.2019).

References

- [1] Bovaird, T. (2004). Public-private partnerships: From contested concepts to prevalent practice. *International Review of Administrative Sciences*, 2, 199–215. doi:10.1177/0020852304044250.
- [2] Varnavsky, V.G., Klimenko, A.V., & Korolev, V.A. (2010). *Public private partnership. Theory and practice*. Moscow. HSE Publishing House.
- [3] Delmon, J. (2010). *Public–Private Partnership in Infrastructure. A practical guide for public authorities*. Astana: Information Center "Apelsin".
- [4] Mataev, T.M. (2014). Forms of public–private partnership in the implementation of infrastructure projects. *Public-Private Partnership*, 1(1), 9–18. doi:10.18334/ppp.1.1.22
- [5] Tsvetkov, V.A., Zoidov, K.Kh., & Medkov, A.A. (2017). Public-private partnerships are the

- main form of realizing the transport and transit potential of Russia. *The Economy of the Region*, 13(1), 1–12. doi:10.17059/2017–1–1
- [6] Campos, M., Morini, C., Marcondes de Moraes, G., & Júnior, E. (2018). A performance model for Public-Private Partnerships: the authorized economic operator as an example. *RAUSP Management Journal*, 53(2), 268–279. http://dx.doi.org/10.1016/j.rausp.2017.07.002
- [7] Flinders, M. (2005). The politics of public-private partnerships. *British Journal of Politics and International Relations*, 7(2), 215–239. https://doi.org/10.1111/j.1467–856X.2004.00161.x
- [8] Marques II, I. (2017). Vocational education and the practice of public-private partnerships in Russia's regions. *Journal of the New Economic Association*, 4(36), 198–207.
- [9] Palermo, G. (2000). Economic power and the firm in new institutional economic: two conflicting problems. *Journal of Economic Issues*, 3, 573–601.
- [10] Porter, M., Ketels, K., Delgado, M., & Briden, R. (2007). Competitiveness at a crossroads. In *Directions of development of the Russian economy*. Moscow: Center for Strategic Research.
- [11] Jescomb, E.R. (2015). Public private partnership. In *Basic principles of financing*. Moscow: Alpina Publisher.
- [12] Pustynnikova, E.V., & Uskova, E.O. (2017). Formation of competitive advantages of corporate structures based on cluster type integration. *The Economy of the Region*, 13(2), 500–510. doi:10.17059/2017–2–15
- [13] Birgul, A. (2017). The interplay of competitive and cooperative behavior and differential benefits in alliances. *Strategic Management Journal*, 39(12), 3222–3246. doi:org/10.1002/smj.2731.
- [14] Delgado, M., Porter, M., & Stern, S. (2015). Defining clusters of related industries. *Journal of Economic Geography*, 3, 1–38. doi: 10.1093/jeg/lbv017.
- [15] Ketels, C., & Memedovic, O. (2008). From clusters to cluster–based economic development. *International Journal Technological Learning, Innovation and Development*, 1(3), 375–392.
- [16] Žižka, M., Valentová, V., Pelloneová, N., & Štichhauerová, E. (2018). The effect of clusters on the innovation performance of enterprises: traditional vs new industries. *The International Journal Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 5(4), 780–794. http://doi.org/10.9770/jesi.2018.5.4(6).
- [17] Digest PPPI.RU January 01–31, 2018. ROSINFRA is a platform for supporting infrastructure projects. Retrieved from https://rosinfra.ru/.
- [18] Federal Law No. 224–FZ dated 07/13/2015 "On Public-Private Partnerships, Municipal–Private Partnerships in the Russian Federation, Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Reference Legal System Consultant Plus. Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/.
- [19] Investment portal of the Omsk region. Retrieved from http://investomsk.ru/ru.
- [20] Official site of Omsk Region Development and Investment Agency JSC. Retrieved from http://www.arvd.ru.

Получена / Submitted: 03/12/2019 Доработана / Revised: 20/01/2020

Принята к публикации / Accepted: 04/02/2020

УДК 314.114

МОДЕЛИ И ДЕТЕРМИНАНТЫ МИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ Г. БАРНАУЛА

Светлана Владиславльевна Лобова¹, Руслан Алексеевич Долженко², Константин Константинович Илюшников^{3,4}

Аннотация. В статье рассмотрена сущность понятия миграции и ее влияние на состав и структуру трудовых (человеческих) ресурсов региона. Представлены теоретические основы следующих понятий: пространственная мобильность, миграционное поведение, миграционные установки, миграционные процессы. Рассмотрены факторы, влияющие на миграционные установки населения. Описаны возможные последствия отрицательного сальдо миграции молодежи из региона в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Рассмотрены риски формирования настроя на отъезд из региона у работающих молодых людей и выпускников вузов города. Проведено исследование миграционных детерминант молодежи города Барнаула. Проанализированы компоненты жизненной среды. Определены катализаторы миграционного поведения молодежи города Барнаула и потенциальные для миграции города России. Изучен уровень текущей удовлетворенности местом фактического проживания. Выделены модели миграционно-трудового поведения молодежи города Барнаула. Предложены меры в сфере государственной и региональной социальной политики, требующие реализации для сохранения молодежи в регионе.

Ключевые слова: молодежь, миграция, миграционное поведение, миграционные потоки.

Models and Determinants of Migration Behavior of Youth in Barnaul

Svetlana V. Lobova¹, Ruslan A. Dolzhenko², Konstantin K. Ilyushnikov^{3,4}

Abstract. The article considers the essence of the concept of migration and its impact on the composition and structure of the labor (human) resources of the region. The theoretical foundations of the concepts of spatial mobility, migration behavior, migration attitudes, migration processes are presented. The factors affecting the migration attitudes of the population are considered. The possible consequences of the negative balance of youth migration from the region in the short and long term are described. The risks of forming the mood for leaving the region for working young people and graduates of the city's universities are considered. A study of the migration determinants of youth of the city of Barnaul. The components of the living environment are analyzed. The catalysts for the migration behavior of the youth of Barnaul and the potential cities for migration of Russia were identified. The level of current satisfaction with the place of actual residence was studied. Models of migratory and labor behavior of the youth of Barnaul are highlighted. Measures are proposed in the field of state and regional social policies that require implementation to preserve youth in the region.

Keywords: youth, migration, migration behavior, migration flows.

¹Кафедра управления персоналом и социально-экономических отношений, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

²Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, Екатеринбург, Российская Федерация

³Кафедра экономики, социологии труда и управления персоналом, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

⁴Кафедра экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Российская Федерация

¹Department of Personnel Management and Socio-Economic Relations, Altai State University, Barnaul, Russian Federation

²Ural Institute of Management - Branch of RANEPA, Yekaterinburg, Russian Federation

³Department of Economics, Sociology of Labor and Personnel Management, Altai State University, Barnaul, Russian Federation

⁴Department of Labor Economics and Personnel Management, Ural State Economic University, Yekaterinburg, Russian Federation

Введение

Миграция относится числу важнейших социально-экономических процессов, определяющих целый ряд параметров развития региона. Миграционные процессы влияют на состав и структуру трудовых (человеческих) ресурсов региона, так как с помощью регулирования этих процессов можно обеспечивать потребности предприятий региона в персонале необходимого количества и качества. По отношению к рынку труда, в частности миграционные процессы, снижают напряженность с точки зрения стимулирования оттока избыточной рабочей силы, но могут и усугублять положение, если отрицательное сальдо миграции не воспроизводит потребности предприятий в персонале. Важным аспектом также являются социально-культурные характеристики развития региона, поскольку качество прибывающего и выбывающего населения существенно корректируют, а в долгосрочной перспективе предопределяют уровень образования населения, потребности в культурных благах и определяют «культурный фон» региона.

В экономике России все более усиливается роль крупных госкорпораций, холдингов и консорциумов с центром управления в Москве, Санкт-Петербурге, столицах федеральных округов. Именно в этих структурах формируется кадровая политика, туда направлены карьерные траектории развития персонала регионов. Кроме этого, еще на этапе обучения, миграционное притяжение оказывают университетские центры с наибольшим количеством вузов — Москва и Санкт-Петербург. В этих центрах создаются более привлекательные рабочие места, что стимулирует отток высококвалифицированных человеческих ресурсов из регионов. Все это, в свою очередь, сказывается на региональном рынке труда, приводит к нехватке квалифицированных кадров.

Рассмотрев Алтайский край с точки зрения миграционных аспектов населения, обнаружим, что в целом для региона характерно отрицательное сальдо миграции. Прибывает ежегодно в среднем около 22 тысяч человек, а убывает в другие регионы России около 33 тысяч человек. В 2018 году въехавших — 27 788 тысяч человек, выехавших — 36 534 тысяч человек, без учета перемещения населения внутри региона [1]. Особая потеря для любого региона — это мигрирующая молодежь. В настоящей работе представлена попытка изучения этого явления для города Барнаула как студенческого и молодежного центра региона в части описания ряда ключевых детерминант и последствий для социально- экономического состояния региона. Обобщение внешних (средовых) и внутренних (индивидуальных) факторов, которые формируют у молодого человека миграционную мотивацию и миграционные установки, определяющие суть понятия «детерминанты миграции молодежи».

Целью исследования является выявление факторов и миграционных процессов, региона, направленных на связанных оттоком населения из формирование конкурентоспособных условий для миграционной привлекательности региона для молодежи города Барнаула в контексте эффективной занятости, образования, культурной среды, формирования молодых семей, качества жизни. Для этого предполагается выявить миграционные ожидания и установки молодежи (18-30 лет), проживающей на территории г. Барнаула; оценить мотивационную структуру планирующих выезд за пределы региона; экономических, социальных, демографических исследовать влияние сложившуюся ситуацию с миграционными процессами.

Объектом исследования являются жители города Барнаула от 18 до 30 лет. Предметом исследования являются миграционные предпочтения молодежи Алтайского края (18–30 лет).

Основные гипотезы исследования:

• представленные в литературе и используемые в практике регионального управления факторы миграционной политики не в полной мере учитывают современные тенденции развития экономической, социальной и административной политики в России;

- в мотивационной структуре и миграционных предпочтениях усиливается роль показателей, отражающих качество жизни в регионе, доверие к региональным программам развития и роль неформальных институтов;
- молодежь является наиболее подверженной миграционным устремлениям категорией населения региона и уже с 1 курса начинает строить планы об изменении места жительства после окончания обучения.

Литературный обзор

Основное определение миграции характеризует ее как перемещение людей с места на место для проживания или рабочих целей [2-6]. Также можно встретить отождествление миграции с пространственной мобильностью — свободным физическим движением или перемещением лиц внутри страны с пересечением границ стран в целях улучшения качества жизни, что являет собой внутреннюю мотивацию мобильности (inner motivation of mobility) [7; 8]. Представленные определения не противоречат друг другу, а характеризуют как саму суть явления, так и движущую силу, и соотносятся с подходом авторов работы на процесс миграции. В свою очередь, миграционные процессы — это происходящие в определенных пространственно-временных рамках серии миграционных событий [9]. Миграция может проявлять себя в активной форме через миграционное поведение — вид социального поведения, включающий определенные действия и поступки, связанные с пространственным перемещением населения и пассивной, через миграционные установки — сформированные представления о том, где индивид хотел бы проживать: если он планирует (думает, заявляет об этом или готовится) переехать, то миграционные установки будут представлять собой (пока) нереализованное желание сменить место жительства. Первый вариант, когда индивид осуществляет перемещение, является активным, реальным, открытым действием, во втором Кроме этого, миграция бывает — скрытым, потенциальным, пассивным. принудительной (вынужденной) и добровольной; международной, межрегиональной, внутрирегиональной; индивидуальной, семейной, групповой; результативной безрезультатной; постоянной и временной.

Сама по себе миграция может быть обусловлена множеством внутренних и внешних факторов, которые представляют собой совокупность объективных и субъективных причин (рисунок 1), влияющих на принятие решения о миграции [10]. Они могут быть объединены в миграционную систему — совокупность управляющих, правовых, информационных и обеспечивающих средств и персонала органов, организаций и учреждений, функционирующих с целью проектирования и территориального перемещения людей, обусловленного его государственным регулированием, реализацией личных и общественных интересов и, как правило, влекущего приобретение ими нового правового статуса [11].

При изучении феномена миграции населения в научно-практическом поле отчетливо отмечается такой сектор, как молодежная миграция [12–15]. В данной работе мы раскроем причины миграции молодежи из Алтайского края, так как сокращение молодежи в перспективе негативно скажется на численности населения. «Выезд молодежи серьезнейшим образом деформирует возрастную структуру населения. Эта деформация ведет к необратимым изменениям, предопределяя усиленное старение населения этих территорий, ускоренную депопуляцию и сжатие заселенного пространства» [16].

При этом отдельно отметим риски формирования настроя на отъезд из региона не только у работающих молодых людей (до 30 лет), но и выпускников вузов и школ региона. Что скажется как на экономическом росте и благосостоянии жителей региона, так и спровоцирует потери воспроизводства населения как такового.

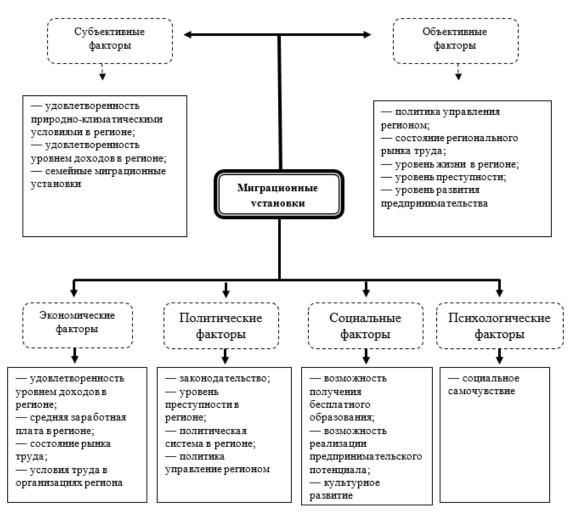

Рисунок 1. Влияние миграционных установок населения на факторы миграции (составлено авторами на основании [7–11])

По данным прогноза Алтайкрайстата, население края на начало 2036 года составит 2085 тысяч человек, сократившись по отношению к началу 2018 года на 11,4 % [1], при этом доля населения моложе трудоспособного возраста в 2036 году составит 15,3 % (сокращение по отношению к 2018 году на 3,8 %), трудоспособного возраста — 52,7 % (–1,0 %), старше трудоспособного возраста — 32,0 % (+4,8 %) [1]. Все вышесказанное свидетельствует, что численность населения будет снижаться не только за счет миграции, но и запустит процесс уменьшения рождаемости по причине отъезда молодежи в детородном возрасте. Как следствие, конкуренция за лучшую молодежь становится значимым фактором развития регионов [17]. Невозвратная миграция молодежи снижает уровень человеческого капитала в регионе, характеризующегося тремя составляющими:

- физическое, психическое и социальное здоровье, влияющее не только на физическую дееспособность граждан, но и на характер процессов демографического воспроизводства;
- профессионально-образовательный ресурс и интеллектуальный потенциал, включая занятых научным трудом части граждан и подготовку специалистов высшей квалификации;
 - социокультурная активность граждан и их нравственные ценности [18].

Сокращение численности молодежи ведет к обострению проблемы формирования трудовых ресурсов. Регион теряет способность продуцировать интеллектуальный и технологический потенциал, уменьшаются объемы подготовки высококвалифицированных специалистов [19].

Материалы и методы

Методические аспекты исследования:

- анализ статистических данных, характеризующих состояние и динамику миграционной активности населения в регионе. Сравнение основных показателей, характеризующих миграцию в регионе за последние годы, выявление тенденций, темпов роста и причин повышения миграционной активности. Это позволит оценить величину и силу миграционных потоков, структуру и качество приезжающего и выезжающего из региона населения:
- анкетирование молодежи города Барнаула по квотной выборке на предмет выявления миграционных ожиданий и предпочтений. Анализ понимания и отношения к сложившейся ситуации с миграционными процессами. Выявление причин и факторов миграции. Построение мотивационной структуры молодежи, планирующей выезд за пределы региона. Прогнозирование (5 лет) миграционных процессов молодежи на основе субъективных предпочтений населения.

Для сбора первичной вербальной информации мы применяем анкетный опрос. Инструмент анкетирования — анкета. Анкетер объясняет цель исследования, правила заполнения анкеты и её возврата. Респондент получает анкету и заполняет её, отвечая на вопросы. В анкете содержатся закрытые, полузакрытые вопросы, вопросы, направленные на выявление уровня информированности, табличные, фактологические и фильтрующие вопросы. Вопросы формируются в блоки. После того, как респондент ответил на вопросы, анкетер благодарит за участие в исследовании и собирает анкеты.

Результаты и обсуждение

Исходя из поставленных задач и выдвинутых гипотез, мы разработали соответствующий инструментарий, включающий в себя анкеты для различных групп населения и лист экспертного опроса. Выборка исследования составила 345 респондентов из числа молодых людей возрастом от 18 до 30 лет с пропорциональным распределением по полу. Для определения и описания выборочной совокупности респондентов использованы официальные данные генеральной совокупности жителей города Барнаула по состоянию на 01 января 2018 года. Доверительная вероятность установлена авторами исследования на уровне 95 % (нормированное отклонение = 1,96) с доверительным интервалом в 10 %, что соответствует значению, применяемому при проведении региональных исследований [20].

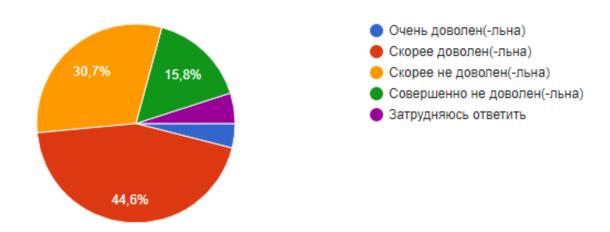

Рисунок 2. Удовлетворенность городом Барнаулом как местом текущего проживания, со стороны молодежи на 01.07.19 (составлено авторами на основании проведенного исследования)

Почти половина (46,5 %) опрошенных отметили, что они скорее не удовлетворены, при этом доля совершенно недовольных (15,8 %) значительно выше доли очень довольных — 4,4 %. Удовлетворенность местом фактического проживания существенно влияет на миграционные установки (рисунок 2). Для выявления причин удовлетворенности / неудовлетворенности мы попросили респондентов отметить, какие условия для комфортного проживания присутствуют в городе Барнауле.

Результаты были сведены в таблицу 1 с ранжированием от максимально отсутствующих для выявления ключевых причин.

Таблица 1. Условия для комфортного проживания, присутствующие в городе Барнауле, по мнению молодежи (составлено авторами на основании проведенного исследования)

Фактор	Не удовлетворяет, %	Ограниченно присутствует, %	Присутствует, %
Возможность хороших заработков	47	47	6
Доступность качественного медицинского обслуживания	33,8	51,8	14,4
Инфраструктура рынка труда	31,7	60,9	7,4
Состояние дорог и тротуаров	28,2	61,2	10,6
Качество организации досуга	27,4	48,8	23,8
Деятельность служб ЖКХ	26	65,4	8,6
Политика управления регионом	23,4	63	13,6
Работа общественного транспорта	23,2	48,8	28
Уровень развития малого предпринимательства	22,4	61,2	16,4
Чистота территории	20	58,8	21,2
Доступное жилье	18,6	59,4	22
Возможность трудоустройства	17,8	72,6	9,6
Безопасность жизнедеятельности	15,3	69,4	15,3
Экологическая обстановка	15	55,8	30,2
Культурная жизнь в городе	14,6	53,9	31,5
Социальная инфраструктура	14,1	52,9	33
Доступность качественного образования	12,7	61,6	25,7

Необходимым аспектом для оценки полученных результатов является фактор значимости каждого из условий для исследуемой группы населения. С этой целью мы попросили выделить приоритетные, которые необходимы для комфортного проживания, и свели их в таблицу 2.

Таблица 2. Степень важности условий для комфортного проживания, присутствующие в городе Барнауле, по мнению молодежи (составлено авторами на основании проведенного исследования)

Фактор	Обязательно, %	Желательно, %	Не имеет значения, %
Возможность хороших заработков	82,9	17,1	0
Социальное самочувствие населения	57,3	40,4	2,3
Доступность качественного медицинского обслуживания	89, 1	10,9	0
Инфраструктура рынка труда	66,6	33,4	0
Состояние дорог и тротуаров	69,7	30,3	0
Качество организации досуга	47,7	44,3	8
Деятельность служб ЖКХ	71,7	27	1,3
Политика управления регионом	57,5	38	4,5
Работа общественного транспорта	68,9	28,7	3,4
Уровень развития малого предпринимательства	43,6	50	16,4
Чистота территории	68,8	31,2	0
Доступное жилье	88,4	11,6	0
Возможность трудоустройства	93,7	6,3	0

Vol. 13, No. 1, 2020 Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics

Безопасность жизнедеятельности	80,6	18,2	1,2
Экологическая обстановка	60,8	39,2	0
Культурная жизнь в городе	56,1	39,3	4,6
Социальная инфраструктура	62,3	37	0,7
Доступность качественного образования	76,4	23,6	0

Исходя из полученных результатов, отметим, что такие факторы, как возможность хороших заработков и доступность качественного медицинского обслуживания, находятся в верхних строчках потребностей молодежи, и в то же время полностью отсутствуют, по мнению каждого второго и каждого третьего респондента соответственно. Далее по значимости/отсутствию идет группа факторов, связанных с ЖКХ и состоянием дорог и тротуаров. Отметим несколько неожиданный результат по фактору «возможность трудоустройства» (обязателен для 93,7 %) — он занял 13-е место из 18 (отсутствует возможность трудоустройства по мнению 17,8 % респондентов) и не находится на верхних строчках. Из присутствующих в регионе факторов были максимально отмечены экологическая обстановка, культурная жизнь в городе и социальная инфраструктура (полностью присутствуют, по мнению каждого третьего респондента), но по части потребностей они не являются приоритетными и занимают места, начиная с 10-го. Отсутствие значимых для молодежи условий для проживания в регионе формируют миграционные установки (рисунок 3).

Рисунок 3. Миграционные установки молодежи в городе Барнауле (составлено авторами на основании проведенного исследования)

С разной степенью задумываются о переезде более 80% опрошенных. Касательно реальных перспектив переезда в обозримом будущем доля рассматривающих такой вариант («да»/«скорее да») — 71,4% (рисунок 4).

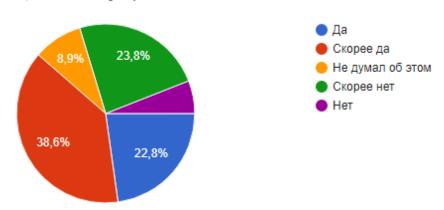

Рисунок 4. Возможность переезда молодежи из города Барнаула в ближайшее время (составлено авторами на основании проведенного исследования)

На вопрос «Согласны ли вы с утверждением, что большая часть молодежи желает уехать из Барнаула?» утвердительно ответили 96 % респондентов. По мнению авторов, в данном случае, речь идет о пассивном настрое и общей подражательной установке («все хотят — и я хочу»). Косвенно подтверждает данную гипотезу тот факт, что полностью владеют информацией о рынке труда в потенциальном для переезда регионе только 9,6 % респондентов; хорошую осведомленность имеют 39,7 %; общие представления у 38,4 % опрошенных, а опыт личного пребывания в потенциальном для миграции регионе имеют только 1,4 %. Основными источниками поиска информации для молодежи являются: интернет — 92,9 %; друзья и однокурсники — 55,7 %; социальные сети — 52,9 %; родственники — 44,3 %; преподаватели вуза — 27,1 %.

Говоря о мотивах возможного переезда, сами респонденты отмечают низкий уровень заработной платы — 90,3 %; мало возможностей для хорошего трудоустройства — 87,5 %; ограниченные возможности для приобретения жилья — 69,4 %; политика управления регионом — 38,9 %; плохие климатические условия — 23,6 %; не развита транспортная и социальная инфраструктура — 20,8 %. Городами, наиболее привлекательными для миграции, по мнению молодежи, являются: Санкт-Петербург (53,4 %), Новосибирск (49,3 %), Краснодар (42,5 %), Москва (39,7 %), Сочи (38,4 %), Тюмень (8,2 %). Прогнозируя возможную продолжительность переезда, большинство отметили желание не возвращаться в Барнаул — 80,3 %; уехать на срок 5–20 лет — 12,7 %. Говоря о целях переезда, респонденты выделили: возможность большего заработка — 90,3 %; трудоустройство на более привлекательную работу — 77,8 %; перспективы карьерного роста — 76,4 %; поиск постоянного места жительства — 54,2 %; отдых и путешествие — 40,3 %; развитие собственного бизнеса — 38,9 %; получение образования — 23,6 %; женитьба/замужество — 12,5 %.

Возможные меры, которые бы могли предпринять органы власти для того, чтобы сократить миграционный отток и сделать Барнаул привлекательным для приезда жителей из других регионов России, по мнению респондентов, представлены в таблице 3.

Таблица 3. Мероприятия, по мнению молодежи, для сокращения миграции из города Барнаула (составлено авторами на основании проведенного исследования)

Вариант ответа	Число отметивших, %
Повысить уровень заработной платы (доля респондентов в выборке с доходами	
менее 10 тысяч рублей — 32,7 %; 11–20 тысяч рублей — 35,7 %; 21–30 тысяч	94,1
рублей — 15,3 %; более 31 тысяч рублей — 16,3 %)	
Повысить уровень жизни	90,1
Улучшить социально-экономические условия	84,2
Повысить доступность жилья	69,3
Снизить цены на продукты и ЖКХ	58,4
Развивать транспортную и социальную инфраструктуру	52,5
Развивать государственную молодежную политику	40,6
Развивать культурную среду	38,6

На основании анализа результатов исследования нами сделаны следующие выводы. У молодежи города Барнаула существует установка на миграцию — с разной степенью частоты задумываются о переезде более 80 % опрошенных. На данную установку оказывают влияние такие факторы, как возможность хороших заработков, социальное самочувствие населения, доступность качественного медицинского обслуживания, инфраструктура рынка труда, состояние дорог и тротуаров, качество организации досуга, деятельность служб ЖКХ. Основными миграционными детерминантами (на основании анализа ответов в формате топовые по значимости — максимально отсутствующие) являются низкий уровень заработной платы, доступность качественного медицинского обслуживания и состояние ЖКХ, тротуаров и дорог. В то же время, как место фактического проживания, город Барнаул, в настоящий

момент, устраивает каждого второго респондента. Если соотнести этот результат с 80 % желающих уехать, то можно предположить, что среди молодежи велика доля пассивного настроя на миграцию. Существует общий фон, который формируется окружением молодого человека и внешней средой. В подтверждение этого тезиса говорит тот факт, что только треть опрошенных имеют полное представление о потенциальном для миграции регионе. И лишь чуть более 1 % имеют опыт пребывания в желанном городе.

Основными источниками получения информации являются интернет, друзья, сокурсники, родители. Молодые люди ориентируются на мнение, обсуждаемое в среде сверстников и родственников, часто не имея личного опыта трудоустройства и представления о рынке труда, возможностях самореализации и становления в городе Барнауле. Данную категорию потенциальных мигрантов, по нашему мнению, есть все возможности сохранить в регионе путем информирования и продвижения возможностей трудоустройства, заработка, построения карьеры через различные каналы коммуникации.

Среди миграционных детерминант наименьшее влияние оказывают получение высшего образования за пределами региона, возможность развития предпринимательства, экологическая обстановка, культурная жизнь в городе. Данные факторы удовлетворяются в городе Барнауле — они могут уже сейчас транслироваться как конкурентные преимущества.

Самые привлекательные города для миграции — Санкт-Петербург, Новосибирск, Краснодар и Москва. Они отвечают как запросам по социальной инфраструктуре, так и по уровню заработка. Основными мотивами возможного переезда являются низкий уровень заработной платы, мало возможностей для хорошего трудоустройства, ограниченные возможности для приобретения жилья.

При анализе компонентов жизненной среды, профессиональной идентификации, субъективной оценки образовательной и профессиональной жизненной траектории, оценки социально-экономических условий региона, нами выявлены установки на миграционное поведение молодежи города Барнаула: возможность хороших заработков, социальное самочувствие населения, доступность качественного медицинского обслуживания, инфраструктура рынка труда, состояние дорог и тротуаров, качество организации досуга, деятельность служб ЖКХ, которые являются катализаторами миграционного поведения молодежи Алтайского края.

Нами выделены следующие две укрупнённые модели миграционно-трудового поведения молодежи города Барнаула. Первая группа — студенты, в настоящее время получающие высшее образование (таблица 4), суммарным доходом до 20 тысяч рублей (подработки и стипендии). Вторая группа — молодежь после обучения (таблица 5).

Таблица 4. Модель миграционного поведения у студентов города Барнаула (составлено авторами на основании проведенного исследования)

Возраст	Менее 20 (36,4 %)
	21+ (63,6 %)
Поход	21-30 тысяч рублей (45 %)
Доход	Более 31 тысяч рублей (55 %)
	Больший заработок (81,8 %)
Цель потенциального переезда	Комфортные условия (3,9 %)
	Образование (14,3 %)
Основной аргумент	Больше возможностей
Семейное положение	Не в браке (96,2 %)
Семеиное положение	В браке (3,8 %)
Продолжительность переезда	Навсегда (83,1 %)
Потенциальные города для миграции	Санкт-Петербург, Новосибирск, Москва, Краснодар

Таблица 5. Модель миграционного поведения молодежи после обучения города Барнаула (составлено авторами на основании проведенного исследования)

Возраст	21+ (100 %)		
Доход	21–30 тысяч рублей (45 %)		
	Более 31 тысячи рублей (55 %)		
	Больший заработок (87 %)		
Цель потенциального переезда	Комфортные условия (6,5 %)		
	Образование (6,5 %)		
Основной аргумент	Больше возможностей		
Семейное положение	Не в браке (60,5 %)		
Семеиное положение	В браке (39,5 %)		
Продолжительность переезда	Навсегда (79,5 %)		
Потенциальные города для миграции	Санкт-Петербург, Новосибирск, Москва, Краснодар		

Несмотря на различие в возрасте, уровне дохода и семейном положении, модели показывают идентичные результаты в части мотивационного ядра. В обоих случаях — цель переезда заработки и построение карьеры. И в первом, и во втором случае преобладает установка на постоянный переезд (без возврата в город Барнаул) — 80 % респондентов. У студентов речь идет о переезде не ранее завершения обучения. Отметим, что вступление в брак не является снижающим фактором к желанию смены места жительства, кроме этого, не меняет приоритетов — зарабатывать больше. Схож также перечень городов для потенциальной миграции.

Таким образом, основными мерами, для того чтобы «задержать» молодежь в регионе, должно стать повышение благосостояния жителей региона не только молодежи, но и всех возрастных групп. Во-первых, говоря о таких значимых элементах сохранения «прописки» в регионе, как покупка квартиры, часто речь идет о помощи со стороны старших родственников. Во-вторых, семейный бюджет молодых людей нередко пополняется родительской помощью.

В отношении следующего немаловажного критерия — состояния дорог и тротуаров, правительством Алтайского края реализуются проекты по облагораживанию улиц и скверов, происходит смена асфальтного покрытия на проезжих частях и пешеходных дорожках. В случае сохранения темпов улучшения городской среды, данный параметр станет важным для сокращения миграции. Дополнительно респонденты отмечают недостаточный уровень озеленения города деревьями и кустарниками — это то, на что необходимо учесть при планировании новых объектов социальной инфраструктуры.

Кроме этого, одним из приоритетных направлений должно стать создание благоприятного информационного фона для устранения установки «не важно куда, лишь бы уехать». Создание контента с основными тезисами — преимуществами проживания в городе Барнауле и Алтайском крае и его транслирование в интернет-пространстве, совместные проекты работодателей и вузов по привлечению студентов для трудоустройства, информирование молодежи о возможностях получения как качественных медицинских услуг, так и финансовой поддержки для приобретения жилья.

Выводы

Таким образом, исследование показало актуальность проблемы предпочтений молодых людей сменить место жительство, переехать из региона в крупные города страны. Минимум 3/4 молодых людей рассматривают возможность переезда в другой город, некоторых из них могут остановить текущие возможности качественной жизни, перспективы трудоустройства и работы на крупном успешном предприятии.

С одной стороны, мегаполисы и крупнейшие города страны предоставляют больше возможностей для карьеры и роста благосостояния, с другой — уровень осведомленности о состоянии рынка труда на новом месте находится на низком уровне, а фактически побывали,

в потенциальном для переезда регионе, и вовсе менее 2 % молодых людей. Не отрицая необходимости работ по повышению уровня заработной платы, доступности жилья, медицинского обеспечения и жилищной инфраструктуры, сформировался настрой переехать «хоть куда». При этом присутствует существенный риск недооценить сложности от потенциальной миграции. В данном контексте особую актуальность приобретает значимость работ с общим настроем и информационным фоном у молодежи на миграцию. Значительная доля пассивно настроенных — это та часть, которую проще всего сохранить в регионе.

Позитивным моментом в этом направлении является то, что значительная доля респондентов (44,5 %) отметили улучшение условий жизни в городе Барнауле за последние 5 лет. В любом случае проблематика, её причины и последствия для периферийного региона в полной мере определены в работе и значит понятны дальнейшие направления развития исследования, в большей мере связанные с компаративным анализом среди разных регионов по единой методике.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Алтайского края в рамках научного проекта № 18-410-220015 «Исследование социально-средовой детерминации миграционно-трудового поведения молодежи Алтайского края».

Библиографический список

- [1] Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республик Алтай. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://akstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/akstat/ru/statistics/altayRegionStat обращения: 18.11.2019).
- [2] Huzdik K. Migration potential and affecting factors in Hungary in the first decade of the 21st century. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://szie.hu/file/tti/archivum/Huzdik_Katalin_thesis.pdf (дата обращения: 07.11.2019).
- [3] Акаев А.А. Миграция: формы и роль в улучшении качества жизни населения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 2. С. 1–8.
- [4] Волох В.А. Миграция населения как объект научного исследования: сущность, современные трактовки и классификация // PolitBook. $-2015. \text{N} \ 1. \text{C}. \ 1-10.$
- [5] Димаев А.Р. Миграция населения как социальный феномен: факторы динамики // Социология власти. 2007. № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/migratsiya—naseleniya—kak—sotsialnyy—fenomen—faktory—dinamiki (дата обращения: 26.01.2020).
- [6] Пухова М.М., Дорошина И.П., Ходжаева И.Г. Теоретические основы миграции // ТДР. 2013. № 6-2. C. 13-16.
- [7] Василенко П.В. Применение гравитационной модели для анализа внутриобластных миграций на примере Новгородской и Псковской областей // Псковский регионологический журнал. 2013. N 15. C. 83–90.
- [8] Строев П.В., Кан М.И. Пространственная мобильность населения: экономический и социальный аспекты // Экономика. Налоги. Право. 2016. № 6. С. 3–8.
- [9] Koppenberg S. Where Do Forced Migrants Stand in the Migration and Development Debate? // Oxford Monitor of Forced Migration. 2012. Vol. 2, No 1. P. 77–90.
- [10] Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса. (Очерки теории и методов исследования). Москва: Наука, 2001. 114 с.
- [11] Меликьян Г.Г. Народонаселение: Энциклопедический словарь. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 543–543.
- [12] Лисовицкий В.Н., Реджей А.М. Новые явления и тенденции в развитии миграционных процессов // Научный результат. 2014. № 1. С. 29–33.

- [13] Худавердян В. Ц. Молодежная миграция в современном мире: причины и следствия // Знание. Понимание. Умение. − 2012. № 2. С. 142–148.
- [14] Марченко А.Ю., Шипицин А.И. Взаимосвязь миграционных процессов и региональной идентичности // PRIMOASPECTU. 2019. Т. 1, № 37. С. 43–46.
- [15] Кашницкий И.С., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 2016. № 3. С. 169—200.
- [16] Миграция сельского населения / Под ред. Т.И. Заславской. Москва: Мысль, 1970. 348 с.
- [17] Мкртчян Н.В. Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX начале XXI века // Известия РАН. Серия географическая. 2013. N 6. С. 19–30.
- [18] Findlay A.M. An Assessment of Supply and Demand–Side Theorizations of International Student Mobility // International Migration. 2011. Vol. 49, No 2. P. 162–190.
- [19] Козлов Д.В., Платонова Д.П., Лешуков О.В. Где учиться и где работать: межрегиональная мобильность студентов и выпускников университетов // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Москва: НИУ ВШЭ, 2017. 32 с.
- [20] Ткачёва Н.А., Фокина А.Б. Влияние миграции на формирование человеческого потенциала в Арктическом и субарктическом регионах // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2—2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.science—education.ru/ru/article/view?id=21459 (дата обращения: 14.12.2019).

References

- [1] Office of the Federal State Statistics Service for the Altai Territory and Altai Republics. Retrieved from http://akstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/akstat/ru/statistics/altayRegionStat.
- [2] Huzdik, K. Migration potential and affecting factors in Hungary in the first decade of the 21st century. Retrieved from https://szie.hu/file/tti/archivum/Huzdik_ Katalin_thesis.pdf.
- [3] Akayev, A.A. (2017). Migration: forms and role in improving the quality of life of the population. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2, 1–8.
- [4] Volokh, V.A. (2015). Population migration as an object of scientific research: essence, modern interpretations and classification. *PolitBook*, 1, 1–10.
- [5] Dimaev, A.R. (2007). Population migration as a social phenomenon: dynamics factors. *Sociology of Power*, 3. Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/migratsiya-naseleniya-kak-sotsialnyy-fenomen-faktory-dinamiki.
- [6] Pukhova, M.M., Doroshina, I.P., & Khodzhaeva, I.G. (2013). Theoretical Foundations of Migration. *TDR*, 6–2, 13–16.
- [7] Vasilenko, P.V. (2013). The use of the gravitational model for the analysis of intraregional migrations using the example of the Novgorod and Pskov regions. *Pskov Regional Journal*, 15, 83–90.
- [8] Stroyev, P.V, & Kan, M.I. (2016). Spatial mobility of the population: economic and social aspects. *Economics. Taxes. Right*, 6, 3–8.
- [9] Koppenberg, S. (2012). Where Do Forced Migrants Stand in the Migration and Development Debate? *Oxford Monitor of Forced Migration*, 2(1), 77–90.
- [10] Rybakovsky, L.L. (2001). Population migration. Three stages of the migration process. (Essays on the theory and research methods). Moscow: Nauka.
- [11] Melikyan, G.G. (1994). *Population: Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
- [12] Lisovitsky, V.N., & Regge, A.M. (2014). New phenomena and trends in the development of migration processes. *Scientific Result*, 1, 29–33.

- [13] Khudaverdyan, V.T. (2012). Youth migration in the modern world: causes and effects. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2, 142–148.
- [14] Marchenko, A.Yu., & Shipitsin, A.I. (2019). The relationship of migration processes and regional identity. *PRIMOASPECTU*, 1(37), 43–46.
- [15] Kashnitsky, I.S., Mkrtchyan, N.V., & Leshukov, O.V. (2016). Interregional migration of youth in Russia: a comprehensive analysis of demographic statistics. *Education Issues*, 3, 169–200.
- [16] Zaslavskaya, T.I. (Ed.). (1970). Migration of the rural population. Moscow: Mysl.
- [17] Mkrtchyan, N.V. (2013). Migration of youth to the regional centers of Russia at the end of the XX beginning of the XXI century. *News of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series*, 6, 19–30.
- [18] Findlay, A.M. (2011). An Assessment of Supply and Demand–Side Theorizations of International Student Mobility. *International Migration*, 49(2), 162–190.
- [19] Kozlov, D.V., Platonov, D.P., & Leshukov, O.V. (2017). Where to study and where to work: interregional mobility of students and university graduates. Moscow: Higher School of Economics HSE.
- [20] Tkacheva, N.A., & Fokina, A.B. (2015). The effect of migration on the formation of human potential in the Arctic and subarctic regions. *Modern Problems of Science and Education*, 2–2. Retrieved from http://www.science-education.ru/en/article/view?id=21459.

Получена / Submitted: 16/12/2019 Доработана / Revised: 21/01/2020

Принята к публикации / Accepted: 06/02/2020

УДК 316.013

ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОЛЕНЕВОДОВ: ПРОБЛЕМА БАЛАНСА ПРИРОДНЫХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

Валерий Александрович Кибенко^{1,2}, Екатерина Александровна Сухова¹

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения социальноэкономических аспектов регулирования поголовья домашних северных оленей в личных оленеводческих хозяйствах Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Интерес к проблеме резко актуализировался на фоне вспышки сибирской язвы летом 2016 года. Исполнительными органами власти ЯНАО перед региональной наукой был поставлен спектр вопросов, требующих изучения и выработки рекомендаций в сфере жизнедеятельности оленеводческих домохозяйств. Проведенное комплексное исследование показало наличие истощения оленьих пастбищ на фоне роста поголовья, приводящего к перевыпасу, а также низкий уровень финансово-материального положения оленеводов и ряд других проблем. Целью данного кейса являлось выявление факторов, влияющих на размер поголовья в личных оленеводческих хозяйствах. Сбор первичной социологической информации осуществлялся количественными и качественными социологическими методами в рамках трёх экспедиций в Ямальский район. Проведённый анализ позволил определить богатую, среднюю и бедную семью в представлениях оленеводов и рассчитать оптимальное количество домашних оленей в личных оленеводческих хозяйствах в зависимости от количества человек в домохозяйстве. Оптимальный размер стада зависит, прежде всего, от состава семьи, протяженности маршрута миграции и удаленности его от населенных пунктов, состояния пастбищ, закупочных цен на продукцию оленеводства, стоимости ГСМ и других товарноматериальных ценностей, мер социальной поддержки и других факторов влияющих на жизнедеятельность семей оленеводов. Проблема регулирования поголовья является остросоциальной, непроработанные меры по введению каких-либо ограничений могут привести к ухудшению социально-материального положения семей оленеводов и росту социальной напряженности. Полученные данные имеют важное прикладное значение для органов власти и самих коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа, которые и те и другие могут использовать в целях улучшения социально-экономического положения оленеводов.

Ключевые слова: оленеводы, тундровики, поголовье домашних оленей, норма содержания оленей, Ямальский район, Ямало-Ненецкий автономный округ.

Vital Activity of Reindeer Herders: The Problem of the Balance of Natural and Socio-Economic Factors

Valeriy A. Kibenko^{1,2}, Ekaterina A. Sukhova¹

Abstract. The study is relevant in connection with the need to study the socio-economic aspects of the regulation of the number of domestic reindeer in private reindeer herds of Yamalsky region of the Yamal-Nenets Autonomous District. Interest in the problem was sharply updated against the background of the outbreak of anthrax in the summer of 2016. The executive authorities of the Yamal-Nenets Autonomous District raised a range of issues for regional science that require study and development of recommendations in the sphere of vital activity of reindeer herding households. A comprehensive study showed the presence of reindeer pasture depletion amid growing stocks leading to overgrazing, as well as the poor financial situation

 $^{^{1}}$ Сектор социально-гуманитарных исследований, ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», Салехард, Российская Федерация

²Западно-Сибирский филиал ФНИСЦ РАН, Тюмень, Российская Федерация

¹Sector of Social and Humanities Research, Arctic Research Center of the Yamal-Nenets Autonomous District, Salekhard, Russian Federation

²West-Siberian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russian Federation

of reindeer herders and a number of other problems. The purpose of this part of the study was to identify factors affecting the size of livestock in private reindeer herds. The collection of primary sociological information was carried out by quantitative and qualitative sociological methods in the framework of three expeditions to Yamalsky region. The analysis made it possible to identify a rich, middle-income and poor family as realized by reindeer herders and to calculate the optimal number of domestic reindeer in private reindeer herds depending on the number of people in the household. The optimal herd size depends, first of all, on the composition of the family, the length of the migration route and its distance from the settlements, pasture conditions, purchase prices for reindeer husbandry products, the cost of motor fuels and other inventory items, social support measures and other factors affecting the life of reindeer herders' families. The problem of livestock regulation is an acute social problem; hasty measures to introduce any restrictions can lead to a deterioration in the social and economic situation of reindeer herders' families and an increase in social tension. The data obtained are of great practical importance for the authorities and the indigenous peoples of the North of the Yamal-Nenets Autonomous District, who can use them to improve the socio-economic situation of reindeer herders.

Keywords: reindeer herders, tundra inhabitants, domestic reindeer stock, reindeer maintenance rate, Yamalsky region, Yamal-Nenets Autonomous District.

Введение

Как социальная группа коренные малочисленные народы Севера (далее — КМНС) были выделены советской властью ещё в 1920-е годы и именовались — «малые народности Севера» [1], сейчас это устойчивая социальная общность. За прошедшее столетие жизнь КМНС перестала быть архаичной, сейчас они глубоко интегрированы в социальное, экономическое и политическое пространство России и мира, при этом сохраняется традиционная культура, хозяйственная деятельность и промыслы. Социально-экономическое благополучие и статус семей КМНС, ведущих традиционный образ жизни хозяйствования и промыслов, зависит от мер социальной поддержки государства и жизнеобеспечивающего природопользования. Оленеводство как вид хозяйственной деятельности КМНС ярко представлен на территории Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО), где большая часть КМНС ведёт кочевой образ жизни и выпасает более 700 тысяч оленей. В Ямальском районе ЯНАО кочевой образ жизни ведут более 1 тысячи семей, в основном представители этнической группы — ненцы.

Действующая экономическая модель оленеводческого комплекса Ямальского района — дотационная. Себестоимость производства мяса оленя на 64 % покрывается за счет бюджета ЯНАО [2]. Кроме этого, КМНС пользуются различными мерами социальной поддержки. Все это направлено, прежде всего, на сохранение культуры КМНС.

В 2016 году в Ямальском районе ЯНАО произошла вспышка сибирской язвы, которая обратила внимание общества на проблемы оленеводов как социальной группы с многофакторной моделью жизнедеятельности, включающей в себя традиционную хозяйственную деятельность, взаимоотношения с промышленными предприятиями, социальную политику государства, современные экономические взаимоотношения, новые векторы жизненных стратегий родителей и детей и другие. Первое, на что было обращено внимание, это дисбаланс между состоянием пастбищ и количеством выпасаемых на них оленей. Причинами этого, по разным экспертным оценкам, являются зоогенный фактор (большое превышение оленеёмкости) [3], поголовье, антропогенное воздействие (промышленное и инфраструктурное освоение), изменение климата (аномально жаркое лето) и их совокупность, которые образуют сложившиеся противоречие.

С одной стороны, совершенно естественно желание тундровиков жить хорошо, вести традиционный образ жизни хозяйствования и промыслов, обеспечивать за счет стада своё будущее и детей. А с другой стороны — назревшая необходимость сохранения уникальной экосистемы тундры, без которой будет невозможно полноценно заниматься оленеводством и вести кочевой образ жизни. Одной из остро обсуждаемых мер, призванных улучшить

ситуацию, стала мера регулирования поголовья домашних оленей. Исторический опыт показывает, что принудительные меры, практиковавшиеся в советский период, вызывали социальное напряжение и приводили к сокрытию части своего стада. И сейчас постановка и обсуждение этой проблемы вызывает резкий негативный отклик в сообществе оленеводов [4], общественных организаций КМНС и этнических лидеров [5]. Необдуманные и репрессивные меры по сокращению поголовья домашних оленей могут привести к резкому снижению уровня и качества жизни тундровиков и росту социального напряжения. Все это во многом и обусловило переход данной проблемы из общественно-политического дискурса в научный. В связи с чем представляется важным изучение мнения оленеводов об оптимальном размере стад оленей в личных домохозяйствах с учетом существующих социально-экономических реалий, интенсивном промышленном освоении, изменении климата и тому подобное.

Целью данного кейс-стади в рамках социологического исследования являлось выявление факторов, влияющих на размер поголовья в личных хозяйствах ЯР ЯНАО. Речь идёт о традиционном кочевом оленеводческом домохозяйстве.

Материалы и методы

Было проведено социологическое исследование по теме НИР «Социально-экономические факторы жизнедеятельности и социальное самочувствие коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ямало-Ненецкого автономного округа, ведущих традиционный образ жизни». В.А. Кибенко — руководитель социологического исследования, разработка программы исследования, определение модели выборки и методики сбора информации, формирование опросного листа, транскрибирование аудиозаписей. С.М. Зуев — разработка программы исследования (экономическая часть), формирование опросного листа, транскрибирование. Е.А. Сухова — формирование опросного листа и базы данных. ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики». Объектом социологического исследования выступили занимающиеся оленеводством КМНС ЯР, предметом — социально-экономические факторы их жизнедеятельности. Основу теоретической базы составили научные труды: А.В. Головнева [6], Е.В. Переваловой [7], А.И. Пика [8], А.В. Чаянова [9], А.А. Южакова [4] и ранее проведенное социологическое исследование в ЯНАО [10].

Эмпирическую основу исследования составили первичные количественные и качественные социологические данные, собранные в рамках трех экспедиций в ЯР (в ходе основных экспедиционных этапов опрошено: В.А. Кибенко и С.М. Зуев — 84 семьи оленеводов, 25 семей опрошено привлечёнными по возмездному договору интервьюерами): в декабре 2016 года [11] и в марте—апреле 2017 года (экспедиционный этап исследования проводился при поддержке Межрегионального экспедиционного центра «Арктика», город Салехард); и в феврале 2018 года (экспедиция организована Департаментом по делам коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа). Генеральная совокупность составила 1 033 семьи оленеводов. Объем целевой выборки — 109 семей, из них 87 семей — оленеводы, относящиеся к личным оленеводческим хозяйствам (далее — личное ОХ) и 22 семьи — выпасающие, наряду с личным стадом, оленей оленеводческих хозяйств (далее — ОХ).

Все опрошенные семьи относятся к коренным малочисленным народам Севера (далее — КМНС) — ненцы. Выборка репрезентативна для семей КМНС ЯР ЯНАО, занимающихся оленеводством. География миграции опрошенных семей простирается от севера Надымского района («хэнская» или «надымская» сторона) до пролива Малыгина. По полученным от тундровиков данным, в их личных ОХ выпасалось 36 934 головы домашнего северного оленя, и в стадах ОХ — 31 020 голов. По данным Ямалстата, общее поголовье в ЯР по состоянию на 1 января 2016 года составляло 254 544 оленя, из них в личных ОХ выпасалось 93 958 оленей и в ОХ — 160 586 оленей.

В презентации результатов исследования мы остановимся на социально-экономических аспектах данной проблемы, правовые вопросы описаны коллегами ранее [12], в том числе и на материалах наших экспедиций [11].

Результаты и обсуждение

Домашний северный олень для семей оленеводов является основой существования в суровых условиях тундры. Он обеспечивает кочевников шкурами для постройки жилища и пошива традиционной одежды, даёт пищу, а в современных социально-экономических условиях — и денежный доход от реализации продукции оленеводства (мясо, панты, костяные рога, камус). Размер личного стада свидетельствует о благосостоянии семьи. Традиционное домохозяйство и быт оленеводов существенно изменились за последние десятилетия, в практику вошла импортная снегоходная техника и электроника, современная одежда для жизни в тундре, ведения хозяйства и поездок в посёлок или город. В чум пришло электричество, вырабатываемое мобильными электрогенераторами, телевидение и интернет. Для младенцев женщины приобретают памперсы и детское питание. Жизнь детей кочевников во время их обучения в школах-интернатах требует дополнительных затрат на покупку современной одежды, телефонов, компьютерной техники и другого. Некоторые семьи имеют жилье в населённых пунктах. Все это — существенная нагрузка на бюджет кочевого домохозяйства, требует высокого уровня доходов от оленеводства, тем самым приводит к росту поголовья домашнего северного оленя в Ямальском районе (далее — ЯР, район) ЯНАО и создаёт сильную зоогенную нагрузку на пастбища района.

В ходе интервью оленеводы и сами отмечают факт снижения кормовой базы, в основном на зимних пастбищах, связанного с перевыпасом, нарушением сезонного оборота пастбищ и маршрутов миграции. «Ну зачем много так оленей, чтобы было так голов 500-600, а большето куда? Все равно проблемы — ягеля все меньше и меньше». Наряду с необходимостью регулирования маршрутов миграции и контроля оборота пастбищ, одним из путей снижения зоогенного влияния на пастбища, оленеводы видят в нормировании численности поголовья домашних северных оленей в ЯР ЯНАО. «Да, немножко надо сократить, частные стада желательно у кого по 2000 по 3000, потому что пастбищ мало». «Последнее время ягеля мало. Надо, конечно, все равно сокращать, оленеводы это понимают». Тем не менее не все готовы пойти на сокращение своего стада. «У него один сын, а у меня 4 сына, и я буду нарашивать поголовье».

Вопросы, связанные с регулированием поголовья домашнего северного оленя, являются острыми и резонансными, многие помнят ещё советскую практику регулирования количества оленей. «В годах 80-х, когда был Брежнев, тоже оленя сокращали, частных. Потолок был 70—80 — все. Тогда у всех нормальное поголовье было, и земля не вытоптанная была. К человеку приезжали, богатому человеку, оленя собирали, просчитывали и сразу ему деньгами платили. Были случаи — оленей прятали; приведёт половину стада и все. Это здесь было в Ямальском районе, по всей тундре я не знаю». Вопреки сложившемуся мнению, что кочевники не считают своих оленей, подавляющее большинство — 93,3 % положительно относятся к просчёту стада и регулярно это делают. «Постоянно просчитывать же надо. Совхозных просчитывать и частных просчитывать постоянно. Это вообще нормально». «Надо считать, обязательно даже. Если вы говорите: "норма" нужна, надо считать, значит».

Как в любом сложном обществе, в тундре существует социальная стратификация по экономическому критерию — деления на бедные, богатые и средние семьи. В качестве основного маркера благосостояния семьи выступает количество оленей, которыми они владеют (таблица 1). По мнению оленеводов ЯР, богатой семью можно назвать если она владеет более 1 тысячи оленей. Бедная семья — менее 200 оленей, очень бедная семья считается, когда она владеет стадом менее 100 оленей. Средней семья будет считаться, если она имеет в собственности от 200 до 400 голов.

Таблица 1. Количество	оленей в хозяйстве.	чтобы семья считалась	(%))

Количество оленей	Богатой, п = 93	Бедной, n = 94	Средней, n = 99
<= 99	_	51,1	_
100-199	1,1	39,4	18,2
200–299	1,1	7,4	25,3
300–399	3,2	2,1	35,4
400–499	6,5		8,1
500-599	14		11,1
1 000-1 099	45,2	_	-
1 500–1 599	10,8	_	_

Данные в категории «средняя семья» сопоставимы с результатами ответа на вопрос «Сколько нужно оленей для Вашей семьи, чтобы семья жила хорошо?» (таблица 2).

Таблица 2. Желаемое количество оленей в хозяйстве «чтобы семья жила хорошо», n=102

Количество оленей	%
200–299	19,6
300–399	22,5
400–499	11,8
500–599	22,5

Оленеводы в своих ответах и комментариях к ним исходили в первую очередь из количества человек в их семьях (таблица 3). «Ну, например, там, у одного человека 600–700 голов — это для кого-то много, а для него мало, потому что у него братья там, кто-то учится, семья большая, раздели на пятерых».

Таблица 3. Размер оптимального личного стада в зависимости от числа членов семьи, n=102, p<0.01

Желаемое количество оленей в хозяйстве «чтобы семья жила хорошо»	Человек в семье
200–299	6(5)
300–399	5(6,7)
400–499	8
500–599	7
800–899	8

Более половины (53,5 %) семей оленеводов считают, что размер стада должен определять сам оленевод — хозяин стада. Как и в любом крестьянском хозяйстве, основанном на личном членов, производственные возможности определяются трудоспособных мужчин в семье. Так, по мнению опрошенных, один оленевод может эффективно выпасать 300 оленей. «Нормы здесь не могут быть, потому что у людей оленей мало...есть которые 100 голов имеют, а кто богатый, им надо квартиру оплачивать... может, квартиру купят. Кто 2000 голов имеет, это у него своя собственность, он не может, как бы отдать... это его богатство. Хоть депутат, хоть президент сказал. Вот это наше, кормимся и одеваемся. Никто не оденет, если оленей не будет». Пятая часть опрошенных (22,8 %) считает, что вопросами регулирования поголовья должны заниматься районная, региональная и федеральная власть. Каждая десятая семья (9,4 %) полагает, что этот вопрос должен решаться на общем собрании оленеводов. «Надо собрание, чтоб сами ненцы. Это же твоя личная, при чём тут администрация. Надо народ собрать, частников, вот пусть и решают, сколько им оставить. Администрация откуда знает, сколько человеку надо. Олень — это же наша собственность».

Оленеводы говорят о принципах разумности при решении этого вопроса, а также необходимости учёта ненецких традиций и аномальных климатических условий (гололёд, снежный наст в осенне-зимний период, затяжная весна, аномально жаркое лето), становящихся причиной падежа. «Надо, но, наверно, в пределах разумного, потому что сейчас начнут..., например, у человека семья, люди ж тоже умные, семья — отец и 3 сына, да. У нас, у ненцев, так положено, что у каждого должно быть своё. Если на человека, скажем, 150, на семью, но при этом каждый его сын должен иметь 150 голов. И представляете, какая сумма получается? Сами посчитайте. Например, в этом году было холодно, много оленей умерло. Если семья большая, женщине, чтобы сшить ягушку (женская верхняя одежда из шкуры оленя), сколько оленей надо?». Оленеводы воспринимают излишек в стаде как своеобразную «страховку», «банковскую карточку», и не намерены без необходимости вести на убой излишек своих оленей. «Олени как бы банк наш. Вы же тоже, наверное, сколько надо, столько и снимаете, то же самое и мы делаем — надо, забил».

Мясо оленя, панты и костяные рога являются основными продуктами традиционной хозяйственной деятельности оленеводов ЯР. Низкая цена приёмки мяса (таблица 4) является острой проблемой для кочевников, так считают 72 % опрошенных семей, 21,2 % относят её к средней. В центральной и южной частях района достаточно убойных комплексов, лишь треть (28 %) кочевников отмечают проблему отсутствия рынка сбыта оленины как острую. По словам тундровиков, нехватка мест централизованной заготовки мяса наблюдается на севере ЯР. Оленеводы просят разместить новый пункт убоя в районе поселка Сабетты или деревни Тамбей. В результате анализа закупочных цен на мясо оленя, отмечается их разброс, зависящий от схемы реализации мяса. Так, наиболее часто мясо I категории сдавали по 200 рублей за килограмм, а II категории — по 150 рублей за килограмм (таблица 4).

Пото	По какой цене Вы сдали мясо оленя?	
Цена	I категория	II категория
n	54	46
Среднее	199	164
Мода	200	150
Минимум	170	130
Максимум	410	200

Таблица 4. Φ актическая цена закупа мяса по данным оленеводов? (n = 100)

Оленеводы считают такую цену низкой, не являющуюся адекватной стоимости продуктов питания, товаров различного назначения, бензина и других: «Я на забойку перестал сдавать, потому что на забойку сдаёшь, и прибыль не такая уже. Цена на мясо стоит на одном месте и все. Я лучше кому-нибудь сдам на заказ». Оптимальная цена мяса оленя, по мнению оленеводов, должна составлять (таблица 5): за мясо I категории — 250 рублей за килограмм; за мясо II категории — 200 рублей за килограмм. Средняя цена составляет 273 и 219 рублей за килограмм соответственно. Также оленеводы высказываются за возврат субпродуктов, особенно камуса (шкура голени оленя), используемого для пошива одежды.

Таблица 5. Оптимальная цена мяса по мнению оленеводов

Harra	Какова должна быть цена закупки мяса оленя?	
Цена	I категория	II категория
n	91	78
Среднее	273	219
Мода	250	200
Минимум	200	150
Максимум	600	420

Вследствие нефтяного кризиса 2014 года, произошёл рост курса доллара по отношению к рублю, что привело к увеличению закупочных цен на панты и костяные рога (таблица 6). Это делает пантовое оленеводство более выгодным, чем продажу мяса оленя. «Некоторым говорим: «побольше забивайте», всё равно не хотят. У меня 500 голов, 100 отправил на забойку. У некоторых частников вообще по 3000 голов. Мало они забивают — по 200 голов сдают на мясо. Панты режут. Мы им говорили, толку нет, не понимают, что ягель кончается. Этих вообще не уважаем». Существует опасение, что при такой экономической коньюнктуре будет формироваться перекос в сторону пантового производства и снижения объёмов сдачи мяса личными ОХ, что в конечном варианте приведёт к доминированию рыночной модели оленеводства, ориентированной на пантовый бизнес по аналогии с Тазовским и Приуральским районами ЯНАО, где преобладает продажа пантов и костяных рогов (по данным наших исследований 2018–2019 годов в Тазовском и Приуральском районах ЯНАО).

ах лито). Т**аблица 6.** Закупочная цена пантов и костяных рогов оленя (по данным оленеводов)

Цена	Панты (рублей/килограмм)	Костяные рога (рублей/килограмм)
n	85	84
Среднее	1163	639
Мода	1000	500
Минимум	250	100
Максимум	4000	1600

Существует мнение, что с увеличением закупочных цен на мясо возрастут и показатели убоя. Среди нашей выборочной совокупности (таблица 7) убой увеличился бы на 46 %, что привело бы к дополнительному сокращению поголовья частных стад всего на 4,5 %, то есть консолидированное стадо уменьшилось бы всего на 1 880 оленей — с 36 934 до 35 054 голов.

Таблица 7. Возможное увеличение убоя в зависимости от закупочной цены (оптимальной по мнению оленевода) мяса оленя

Размер личного стада семьи	Убой 2016 года (головы)	Возможное увеличение убоя при
(голов)		оптимальной цене мяса (головы)
3 000	300	150
1 500	303	0
1 400	310	150
1 000	130	200
1 000	150	75
800	150	50
700	110	90
700	67	67

Большинство оленеводов Ямальского района в решении своих проблем рассчитывают на свои силы и помощь родственников, в меньшей степени на помощь общественных организаций и властей всех уровней. Такое восприятие может говорить и о том, что поддержка в лице государства (социальные выплаты, обучение детей, дотации на продукцию оленеводства, товарно-материальное обеспечение и другое) остается незамеченной из-за слабого влияния на хозяйственную деятельность, на стимулирование производства мяса, а больше воспринимается как мера протекционизма, роль которой нивелируется с ростом цен на продукты, товары, ГСМ и другое. Отсутствие адекватной ценовой политики на мясо оленя на фоне более привлекательной цены на панты и костяные рога переориентирует рынок в сторону уменьшения объемов реализуемого мяса. В такой модели излишек стада выступает как страховка (на случай падежа или резерв на непредвиденные нужды) и дополнительный

ресурс производства пантов и костяных рогов. Эти и другие выводы и рекомендации изложены в аналитических записках, направленных в органы власти ЯНАО в течение 2017 года [13; 14], публикациях [15; 16] и представлены на научных конференциях.

Выводы

Проведённое исследование показывает, что вопросы нормирования поголовья оленей в личных кочевых оленеводческих хозяйствах являются остросоциальными и вызывают резкую критику в среде КМНС, их лидеров и общественных организаций. От размера выпасаемого стада зависит социальный статус семьи по уровню благосостояния, качество жизни, социальное самочувствие кочевников. Полученные результаты имеют важное прикладное значение для органов власти (учет при выработке механизмов государственного регулирования), общественных организаций КМНС и самих оленеводов (отстаивание своих прав и интересов). Оптимальный размер личного стада в Ямальском районе ЯНАО может находиться в пределах от 50 до 100 оленей на человека. Несмотря на довольно откровенный диалог с оленеводами и приводимые ими адекватные суждения, нужно понимать, что в основе этой цифры лежит субъективное мнение кочевников района, зависящее от множества факторов. Для более точных расчётов, помимо состава семьи, нужно дополнительно учесть ещё ряд важных моментов: адекватную геоботаническую оценку (учитывающую все сезоны выпаса), расстояния и территорию миграций, рацион и калорийность пищи кочевников, уровень цен на продукты питания и товары, горюче-смазочные материалы, наличие жилья в посёлке или городе, количество учащихся и студентов в семье и другие.

Оптимизация поголовья оленей Ямальского района не должна ухудшать социально-экономическое положение кочевников, а должна быть законодательно и экономически ориентирована на создание такой социально-экономической модели оленеводства в районе, при которой бы стимулировалось производство мяса оленя, увеличивался убой.

В числе первоочередных мер необходимо: организовать качественный учёт поголовья оленей в районе; повысить закупочные цены на мясо оленя; поэтапно ликвидировать общественные стада сельхозпредприятий. В числе трудно реализуемых мер необходимо определить и закрепить права на пастбища за оленеводческими домохозяйствами; определить правовой статус оленеводческого домохозяйства и привести в соответствие с ним меры социальной и экономической поддержки; создать предприятия переработки мяса и другого биологического сырья оленей.

Библиографический список

- [1] Соколова З.П., Степанов В.В. Коренные малочисленные народы Севера. Динамика численности по данным переписи населения // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 75–95.
- [2] Деттер Г.Ф. Экономика северного оленеводства Ямала: проблемы и возможности // Научный вестник ЯНАО. -2017. Т. 4, № 97. С. 4-16.
- [3] Ермохина К.А. Геоботаническая оценка оленьих пастбищ Ямальского и Тазовского районов Ямало-Ненецкого автономного округа // Материалы научно-практического семинара «Ямальские гуманитарные чтения» в рамках расширенного заседания Комитета Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа по развитию агропромышленного комплекса и делам коренных малочисленных народов Севера (19 декабря). Салехард: «Научный центр изучения Арктики», 2017. С. 8–15.
- [4] Южаков А.А. Изучение нормы содержания поголовья оленей для частного сектора (в Ямало-Ненецком автономном округе. — Салехард: «Ямальская сельскохозяйственная опытная станция», 2003. — 86 с.
- [5] Ядне Н.Н. Зачем ненцу много оленей? Информация к размышлению [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://arctic-consult.com/archives/9523 (дата обращения: 09.09.2019).

- [6] Головнёв А.В., Лёзова С.В., Абрамов И.В., Белоруссова С.Ю., Бабенкова Н.А. Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург: Издательство «АМБ», 2014. 232 с.
- [7] Перевалова Е.В. Интервью с оленеводами Ямала о падеже оленей и перспективах ненецкого оленеводства // Уральский исторический вестник. 2015. Т. 2, № 47. С. 39–49.
- [8] Пика А.И. Неотрадиционализм на Российском Севере: идти в будущее, не забывая прошлого //Социологические исследования. 1996. № 11. С. 47—55.
- [9] Чаянов А.В. Избранные произведения. Москва: Московский рабочий, 1989. 368 с.
- [10] Анализ социологической и статистической информации по исследованиям кочевого населения из числа коренных малочисленных народов Севера на территории ЯНАО. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://map.rightsrf.ru/Karta_Yadro/prav_z_karta/sub_fed/uralsk_fed/yamalo-nenezk_okrug/dokument_yamalo-nenezk/dokument_4.pdf (дата обращения: 11.09.2019).
- [11] Зуев С.М., Кибенко В.А., Сухова Е.А. Отчет по итогам зимней экспедиции по Ямальскому району Ямало-Ненецкого автономного округа (Панаевская и Ямальская тундры). Салехард: ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», 2017. 127 с.
- [12] Филант К.Г. Правовые аспекты развития оленеводства в Российской Федерации // Сборник избранных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Сост. Е.Н. Богданова, И.Д. Нефедова. Архангельск: КИРА, 2017. С. 692—696.
- [13] Аналитическая записка по материалам зимней экспедиции по Ямальскому району Ямало-Ненецкого автономного округа (Панаевская и Ямальская тундры) / Исп. В.А. Кибенко, С.М. Зуев, Е.А. Сухова. – Салехард: ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», 2017. – С. 7.
- [14] Насущные проблемы оленеводов Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа (в рамках формирования Народной программы коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе) / Исп. С.М. Зуев, В.А. Кибенко, Е.А. Сухова. Салехард: ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», 2017. С. 12.
- [15] Кибенко В.А. Социально-экономические факторы жизнедеятельности кочевого населения Ямальского района // Материалы научно-практического семинара «Ямальские гуманитарные чтения» в рамках расширенного заседания Комитета Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа по развитию агропромышленного комплекса и делам коренных малочисленных народов Севера (19 декабря). Салехард: «Научный центр изучения Арктики», 2017. С. 52—65.
- [16] Зуев С.М., Кибенко В.А., Сухова Е.А. Социально-экономические факторы жизнедеятельности кочевого населения Ямало-Ненецкого автономного округа // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. − 2017. − Т. 3, № 3. − С. 33–44.

References

- [1] Sokolova, Z.P., & Stepanov, V.V. (2007). Indigenous peoples of the North. Population dynamics according to population census. *Ethnographic Review*, 5, 75–95.
- [2] Detter, G.F. (2017). The economy of the reindeer husbandry of Yamal: problems and opportunities. *Scientific Bulletin of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug*, 4(97), 4–16.
- [3] Ermokhina, K.A. (2017). Geobotanical assessment of reindeer pastures of the Yamal and Tazovsky districts of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug. In *Materials of the Scientific and Practical Seminar "Yamal Humanitarian Readings" As Part of an Expanded Meeting of the Committee of the Legislative Assembly of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug On the Development of the Agro-Industrial Complex and Affairs of Indigenous Peoples of the North* (pp. 8–15). Salekhard, Russian Federation: Scientific Center for the Study of the Arctic.

- [4] Yuzhakov, A.A. (2003). A study of the deer livestock content for the private sector (in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. Salekhard: Yamal Agricultural Experimental Station.
- [5] Yadne, N.N. (2016). Why does the Nenets have many deer? Information for consideration. Retrieved from https://arctic-consult.com/archives/9523.
- [6] Golovnev, A.V., Lozova, S.V., Abramov, I.V., Belorussova, S.Yu., & Babenkova, N.A. (2014). *Ethno-expertise on the Yamal Peninsula: Nenets nomadic and gas deposits*. Yekaterinburg: Publishing house "AMB".
- [7] Perevalova, E.V. (2015). Interview with Yamal reindeer herders about the case of deer and the prospects of the Nenets reindeer husbandry. *Ural Historical Bulletin*, 2(47), 39–49.
- [8] Pika, A.I. (1996). Neo-traditionalism in the Russian North: to go into the future without forgetting the past. *Sociological Studies*, 11, 47–55.
- [9] Chayanov, A.V. (1989). Selected works. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
- [10] Analysis of sociological and statistical information on studies of the nomadic population from among the indigenous peoples of the North in the territory of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. Retrieved from http://map.rightsrf.ru/Karta_Yadro/prav_z_karta/sub_fed/uralsk_fed/yamalo-nenezk_okrug/dokument_yamalo-nenezk/dokument_4/dokument_4web.pdf.
- [11] Zuev, S.M., Kibenko, V.A., & Sukhova, E.A. (2017). Report on the results of the winter expedition in the Yamal region of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (Panaevskaya and Yamal tundra). Salekhard: Scientific Center for the Study of the Arctic.
- [12] Filant, K.G. (2017). *Legal aspects of the development of reindeer husbandry in the Russian Federation*. Arkhangelsk: KIRA.
- [13] Kibenko, V.A., Zuev, S.M., & Sukhova, E.A. (2017). Analytical note on the materials of the winter expedition in the Yamal region of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (Panaevskaya and Yamal tundra). Salekhard: Scientific Center for the Study of the Arctic.
- [14] Zuev, S.M., Kibenko, V.A., & Sukhova, E.A. (2017). Urgent problems of reindeer herders in the Yamal region of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (as part of the formation of the People's Indigenous Minorities of the North in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug). Salekhard: Scientific Center for the Study of the Arctic.
- [15] Kibenko, V.A. (2017). Socio-economic factors of vital activity of the nomadic population of the Yamal region // In Materials of the Scientific and Practical Seminar "Yamal Humanitarian Readings" As Part of an Expanded Meeting of the Committee of the Legislative Assembly of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug On the Development of the Agro-Industrial Complex and Affairs of Indigenous Peoples of the North (pp. 52–65). Salekhard, Russian Federation: Scientific Center for the Study of the Arctic.
- [16] Zuev, S.M., Kibenko, V.A., & Sukhova, E.A. (2017). Socio-economic factors of vital activity of the nomadic population of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. *Bulletin of the Tyumen State University. Socio-Economic and Legal Studies*, 3(3), 33–44.

Получена / Submitted: 04/01/2020 Доработана / Revised: 03/02/2020

Принята к публикации / Accepted: 10/02/2020

УДК 316.454.2

ЭТНИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Ольга Владимировна Васина¹

¹Кафедра социологии, Санкт-Петербургский государственный Технологический институт (технический университет), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы соотношения этнической и гражданской самоидентификации современного российского общества в ракурсе дискуссий о формировании единой нации и единой российской идентичности. Данную проблему предлагается анализировать через политическую культуру, поскольку здесь отражаются как политические ценности, гражданские установки и ориентации, так и этносоциальные паттерны. На основе анализа вторичных данных, а также результатов проведенного социологического исследования делается вывод о невозможности представления единой российской этнополитической культуры в силу незначительной актуализации в ней этнических компонентов, что обуславливает заключение о возможном симбиозе и органичном дополнении этнической идентификации гражданской (национальной), но не о полном замещении одной другой. Более того, проведенный теоретический и эмпирический анализ показывает, что этническая самоидентификация более актуализирована, чем гражданская, что также подтверждает вывод о невозможности построения единой наднациональной и надэтнической идентичности российского гражданина.

Ключевые слова: этническое самосознание, социальная группа, нация, этнос, этнополитическая культура, социологическое исследование.

Ethnic Identity and Political Culture of Russian Society

Olga V. Vasina¹

¹Department of Sociology, Saint-Petersburg State Institute of Technology, Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of the relationship between ethnic and civil self-identification of modern Russian society in the context of discussions on a single nation and all-Russian identity' formation. It is proposed to analyze this problem through political culture, since it reflects both political values, civic attitudes and orientations, as well as ethnosocial patterns. Based on the analysis of secondary data and the survey results, it is concluded about the impossibility of presenting a unified Russian ethno-political culture due to the insignificant updating of the ethnic component in it, which leads to the conclusion about the ethnic and civil (national) identification possible symbiosis and organic complement, but not complete replacement of one another. Moreover, the theoretical and empirical analysis shows that ethnic identity is more relevant than civil identity, which also confirms the conclusion that it is impossible to build a single supranational and supra-ethnic identity of the Russian citizen.

Keywords: ethnic self-identity, social group, nation, ethnos, ethnopolitical culture, sociological research.

Введение

Проблема самоидентификации далеко не нова, однако в условиях столь многообразного этнического контекста нашей огромной страны требует все нового осмысления для поиска наиболее эффективного и оптимального решения с учетом современных реалий. Рост этноцентристских ориентаций, нетерпимость к инаковости, стремление к сепарации по этнотерриториальному признаку — все эти проблемы, фиксируемые сегодня социологами, требуют научного анализа и грамотного весьма деликатного руководства. Так, по мнению В.С. Малахова, в российской культуре сегодня наблюдаются процессы так называемого

этнического возрождения, связанные с институционализацией этнической идентичности, которую она обрела в советский период, и которая сегодня нашла свое выражение в этнофедерализме [1]. Данный вопрос уже на протяжении нескольких десятилетий изучается такими отечественными исследователями, как: Л.М. Дробижева [2; 3], Ю.В. Арутюнян [4], З.В. Сикевич [5], Т.Г. Стефаненко [6], Г.У. Солдатова [7], В.Ю. Хотинец [8; 9], М.Н. Губогло [10], С.В. Рыжова [11] и другими. В зарубежной литературе этническая идентичность рассматривается в связи с социальными идентичностями и политическими процессами в работах Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, Г. Хофстеде, Ю. Хабермаса, Дж.Г. Мида и других. Однако, несмотря на обилие исследований как междисциплинарных, так и чисто социологических, на данный момент споры о возможности и необходимости формирования наднациональной идентичности не утихают.

Не так давно на сайте «Росбалт» было проведено исследование с вопросом «Согласны ли вы с введением единой государственной идеологии в России?», в результате которого утвердительно ответили всего 340 человек (22,8 %), в то время как отказались от подобной идеи 1 063 человека (71,29 %), и 5 % затруднились ответить [12]. Вслед за подобными исследованиями, газеты сообщили о том, что «рабочая группа по подготовке концепции законопроекта о российской нации решила переименовать законопроект о российской нации в закон "Об основах государственной национальной политики"». По словам руководителя рабочей группы академика В. Тишкова, население оказалось не готово «к восприятию такого понятия, как единая нация, объединяющая все национальности» [13]. Таким образом, целью статьи является анализ соотношения этнической и гражданской идентичностей в связи со сложившейся на данный момент российской политической культурой как элемента, сочетающего в себе как сугубо политические компоненты (политические установки, электоральные ориентации и так далее), так и этнонациональные (этнические стереотипы, образ врага, национальные традиции, национальная идея и так далее).

Согласно поставленной цели, определены основные задачи статьи:

- рассмотреть теоретический конструкт самоидентификации личности с позиции обозначенной проблематики;
- на основе теоретического обзора и анализа данных социологических исследований определить соотношение этнической и гражданской идентичностей российского населения;
- провести социологическое исследование методом раздаточного анкетирования по репрезентативной выборке на тему: «Этническое самосознание и политическая культура молодежи Санкт-Петербурга»;
- на базе полученных данных определить специфику и своеобразие сущностных характеристик политической культуры сквозь призму этнической самоидентификации, выявить корреляцию в случае ее наличия;
- сформулировать выводы и обозначить перспективы дальнейшего соотношения этнической и гражданской самоидентификации российского населения в аспекте политической и этнополитической культуры Российской Федерации.

Материалы и методы

Согласно поставленной цели и задачам в работе используются такие общенаучные методы, как системный и структурно-функциональный, которые дают возможность всестороннего и целостного освещения проблемы, исторический метод, методы синтеза и анализа, а также ряд собственно социологических методов, к которым относятся эмпирико-описательные: метод наблюдения и сравнения, метод раздаточного анкетирования при проведении социологического исследования, метод вторичного анализа данных социологических опросов и статистических данных. В частности, это анализ результатов социологического мониторинга таких российских исследовательских институтов, как Всероссийский центр изучения

общественного мнения (ВЦИОМ), Аналитический центр Ю. Левады «Левада-центр», Фонд «Общественное мнение» (ФОМ) и ряд других.

Зачастую понятие самоидентификации определяют через архетипы как системы врожденных программ и установок. Данные психосоциальные поведенческие коды оказывают существенное влияние на формирование политического сознания личности и в целом обуславливают ценностную систему политической культуры и паттерны общественнополитического взаимодействия российских граждан. Это интересный подход, объясняющий традиционность и консервативность российской политической культуры, преемственность традиций, особенности русского национального характера и столь сильное воздействие фактора исторической памяти на политическое поведение людей. Ведь наличие общего глубинного слоя психики является объективной предпосылкой для успешной интеграции народов и государств как в экономической, так и в политической, и в правовой сферах жизнедеятельности. Причем данные психические паттерны могут быть как осознаны, так и не осознаны личностью, и, как следствие, самоотождествление с определенной социокультурной средой, ценностями и нормами может быть как на рациональной, так и на иррациональной основе. В итоге, если следовать социологической терминологии, самоидентификацию следует определить, как осознанное принятие определенной социальной роли с набором социальных установок, в то же время, навязанное извне и заданное от рождения.

В частности, в работе М.А. Щербакова «Модель уровней самоидентификации личности» [14] автор представляет структуру самоидентификации личности как кластерную модель, включающую семь уровней: социально-профессиональный, семейно-клановый, национально-территориальный, религиозно-идеологический, эволюционно-видовой, половой и духовный. Наиболее глубинный уровень в структуре личности, по мнению Щербакова, — духовный, который и следует считать ядерным. В соответствии с подобными классификациями самоидентификации на «луковый» лад можно говорить о множественной идентичности как о способе реализации одновременно нескольких субличностей.

Здесь уместно вспомнить подход Б. Андерсона, который рассматривал нацию как «воображаемое политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежное, ограниченное, но в то же время суверенное», где важным моментом является стремление нации к автономии (суверенность) и противопоставляется другим нациям (ограниченность), таким образом удовлетворяя потребность в самобытности. На этих свойствах выстраивается дихотомия «Мы — Они». Представление «чужой», «иной» самоидентификации как на личностном, так и на групповом уровнях. Оперируя терминами «Мы — Они», образ «Мы», то есть свои, воспринимается в качестве эталона позитивного поведения и чувствования, в то время как «Они», «чужие», — угроза сложившемуся общественному порядку. Следуя данной логике, может быть сформирован некий образ врага, который определяется как сформировавшийся в общественном сознании социальнополитический миф, негативная оценочная характеристика «другого», накладывающаяся на государства, народы, социальные группы, и отдельные личности, передаваемая из поколения в поколение посредством исторической памяти [15].

Таким образом, в системе самоидентификации важны значимые для личности демаркационные линии, поддерживаемые государством с помощью легитимной символической власти [16] и реализуемые в повседневных практиках [17]. Так, если перейти на государственный уровень, задача политики идентичности заключается в том, чтобы «навязать людям определенные стереотипы мышления о себе самих, своей нации, стране, мире» [18]. Характер этнической идентичности зависит от государственной идеологии, а также различных идеологем, создаваемых политической элитой. Трансляция подобных установок осуществляется, в первую очередь, с помощью средств массовой информации через определенную подачу материала.

Также стоит качестве ≪МИН замедленного действия» отметить В националистической риторики в программах политических партий, доступ этнической группы к распределению и перераспределению ресурсов, территориальные проблемы и споры, уровень доверия власти всех уровней. Естественно, что подобного рода риторика партий радикального толка типа «Бей жидов — спасай Россию» актуализируется, когда в обществе существует дискриминация, то есть лишения, ущемления прав малых этнических групп, либо возникает ограничение ресурсов (так называемые статусные конфликты). Этносоциологи обращают внимание на то, что рост современного государства и масштабов его проникновения в гражданское общество хотя само по себе и не создает этническую идентичность и солидарность, тем не менее является мощным стимулом для политизации и активизации этничности.

Результаты и обсуждение

В последнее время все чаще встречаются научные работы, в том числе и диссертации, такое направление социально-политических и культурологических исследований, как этнополитическую культуру. В некоторых из них обозначенный феномен рассматривается как данность, не требующая доказательств. В качестве аргумента, подтверждающего существование этнополитической культуры, приводят «этническое голосование», которое определяется как склонность людей из конкретной этнической группы голосовать за кандидатов и/или партии, причисляющих себя к данной группе, либо выражающих ее интересы. Этническое самосознание является довольно мощным инструментом в политической риторике, ощущаемое как чувство сопричастности, принадлежности к определенной этнической группе, своему народу. Здесь показательны лозунги предвыборных кампаний известного политика В.В. Жириновского, ратующего за интересы конкретного этноса в зависимости от своего местоположения в ходе избирательной программы. Действительно, существует этническая неоднородность в голосовании, однако же, если смотреть более глубоко, то обнаруживается не этнический фактор, а фактор личной выгоды, «опирающийся» скорее на фактор языка. «Свой» — «Чужой» на базе этнического самосознания становятся размытыми понятиями вследствие разных политических ориентаций и установок: зачастую «Свой» более ориентирован на выгодного «Чужого». В результате можно говорить о моноэтнической идентичности, не совпадающей с официальной этнопринадлежностью вследствие ассимиляционных процессов.

Итак, политическая культура России формируется в сложных условиях построения новой политической системы российского полиэтнического общества и характеризуется своей чрезвычайно высокой степенью неоднородности. Под политической культурой традиционно понимается совокупность типичных для данного конкретного общества или социальных групп политических представлений, ценностных ориентаций, установок и политического поведения, обусловленных историческим опытом, социальной памятью общества.

Когда же речь заходит о социологическом анализе политической культуры, то здесь можно выделить следующие индикаторы:

- когнитивные ориентации (виды знания о политической системе, ее ролях и их исполнителях), которые в целом определяются политической образованностью (способностью к политическому мышлению), а именно: политической компетентностью, интересом к политике, свободой в распространении политической информации;
- аффективные ориентации (предпочтения, те чувства, которые порождает политическая система): оценка действий правительства, вызывающих общественный резонанс (в том числе событий внешнеполитических), уровень доверия основным политическим институтам, степень удовлетворенности существующей политической системой, степень уверенности в завтрашнем дне, политическое искусство как специфическая форма политического сознания, как показатель нравственной основы политической культуры элиты и общества в целом;

• поведенческие ориентации: электоральная активность, степень взаимодействия с политическими партиями, политическими и общественными организациями, уровень протестного поведения как показатель удовлетворенности политической ситуацией, сложившейся в обществе [19].

Все эти условно разделенные на три группы ориентации находятся в постоянном взаимодействии друг с другом и взаимообуславливают друг друга. И государственная политика напрямую влияет на формирование данных ориентаций. Государство сегодня регулирует различные формы экономической и социальной деятельности своих граждан. Кроме того, государственная политика обуславливает реальные модели участия различных групп населения в управлении и принятии политических решений, правила использования и статуса языков в школьном и вузовском обучении, в делопроизводстве, в СМИ и прочем [19].

В конфликтологии и социологии конфликта в данном аспекте используется понятие социальной напряженности, под которой понимается специфическая форма социальной неудовлетворенности выражающаяся реальности предконфликтного характера, определенными социальными группами теми или иными сферами своей жизнедеятельности. напряженность связывается co следующими явлениями: дезинтеграция, отсутствие солидарности взаимодействующих групп, девиация, аномия, утрата социальной идентичности, ценностных ориентиров, депривация и фрустрация основных потребностей личности или социальной группы, и другие. Рассуждая об этнической самоидентификации, представляется вполне естественным ее анализ в непосредственной и связи с гражданской. Как уже упоминалось, характеризуется многослойностью, вследствие чего и в ракурсе этнической, и гражданской идентичностей следует говорить дополнительно об идеологической, региональной и цивилизационной идентичностях.

Многие исследователи дискутируют о связи и/или тождестве «российской» и «русской» идентичностей. Представляется, что данные идентичности весьма органично дополняют друг друга. Следуя классическим определениям нации и этноса, под национальной идентичностью можно понимать российскую, а в контексте рассматриваемой проблемы, — общероссийскую, а русскую идентичность как этническую. Так, нацию традиционно рассматривают в двух плоскостях. С позиции первого подхода нация либо тождественна понятию «этнос», либо представляет собой высший тип существования этноса, который достигается в ходе его исторического развития. С позиции второго подхода, нация определяется как согражданство, как коллективный суверенитет, основанный на общем политическом участии. Здесь нация трактуется как новый тип государственности, как политическая общность. Как раз данный подход и видится наиболее оптимальным для определения общероссийской идентичности.

Если же обратиться к данным социологических исследований, то их результаты свидетельствуют о том, что этническая самоидентификация более актуализирована, чем гражданская: гордость за принадлежность к своей национальности присуща большей доле респондентов, чем гордость за свою Родину Россию [20]. Данные результаты подтверждаются и проведенным авторским исследованием методом анкетирования по репрезентативной выборке 368 человек среди молодежи Санкт-Петербурга от 18 до 30 лет в апреле 2019 года.

Изначально респондентам задавался вопрос «Кто я...», на который требовалось ответить шесть раз. В итоге этническая идентичность оказалась на последнем восьмом месте. Те, кто ее сочли значимой частью своей личностной идентичности, упоминали ее только с четвертого раза. «Кто я — ...»: профессиональная идентичность — 16.7 %; «Человек» — 8.2 %; гендерная идентичность — 7.7 %; семейная идентичность — 5.8 %; «Личность» — 5.3 %; «Гражданин» — 4 %; «Друг» — 2.4 %; этническая идентичность (четвертый раз) — 1.4 %. Также в ответах на данный вопрос была выявлена весьма высокая самооценка респондентов, где они определяли себя как «добрый», «веселый», «сильный», «хозяин своей жизни», «умный», «достойный», «красивый», «герой», «удивительная», «прекрасная», «королева» и так далее. К негативным

можно причислить лишь несколько характеристик, таких как «второстепенный персонаж», «твердолобый», «медлительный», «беспомощный», «нищий».

Измерить степень политической включенности молодежи можно по ряду индикаторов, одним из первых является уровень интереса к политике в целом, что представляет собой, как уже говорилось выше, когнитивный аспект политической культуры. В современном научном дискурсе существуют различные мнения по поводу тенденций изменения степени включенности молодежи в политическую жизнь общества. Одни ученые утверждают, что уровень интереса к политике обусловлен индивидуалистическими позициями и наблюдается существенное снижение интереса к политике. Другие, наоборот, говорят о позитивных тенденциях возрастания интереса молодых людей к политическим событиям, когда происходит обсуждение острых общественных вопросов, интересы молодых людей смещаются от личных и материально-бытовых к общественно-политическим, а также повышается уровень нонконформизма и все чаще проявляется желание самостоятельно определять свою судьбу. В соответствии с полученными данными нашего исследования, молодые люди действительно не очень интересуются политикой. И это нормально, ведь, по оценкам экспертов, до 24 лет в молодежной среде доминируют две ценностные ориентации: ориентации на межличностные коммуникации и ориентации на карьеру. Политическая образованность непосредственно не отвечает ни тем, ни другим потребностям, если не брать в расчет частные случаи (рисунок 1).

Ответы	График	≣ 🚭	%
Очень интересуюсь			3.17
Не очень интересуюсь			42.86
Достаточно интересуюсь			33.33
Совсем не интересуюсь			20.63

Рисунок 1. Интересуетесь ли Вы политикой?

Важно отметить выявленную в ходе исследования корреляцию самоидентификации «петербуржец» с полным отсутствием интереса к политике. Интересно, что если личностная самоидентификация у подавляющей части респондентов однозначно положительная, то представление об этносе, к которому респондент себя причисляет, в большей степени негативное. Так, на вопрос: «Если бы Вас попросили стереотипно описать представителя Вашей этнической группы (русского, украинца, белоруса, казаха, татарина, бурята и так далее), как бы Вы это сделали?», были получены следующие ответы:

- грубый, замкнутый, подверженный стереотипам, недоверчивый, не толерантный;
- пьяный, неухоженный, необразованный и так далее;
- любит выпить, покричать;
- плохой английский язык, славянская внешность, христианин;
- это человек, яро увлеченный политикой, обвиняющий во всем американцев и верующий очень поверхностно;
 - угрюмый, серый, ущемлённый, с желанием выжить и что-то поменять;
 - необразованный быдлан;
- закрытый, неулыбчивый (хмурый), отчаявшийся, бедный, глупый, с устаревшими взглядами на жизнь, упрямый;
- русский раскрасневшийся мужчина лет 40 с русыми волосами, и с животом, что-то доказывающий, стуча кулаком по столу;
 - пьющий народ со стадным инстинктом.

Из положительных характеристик респонденты смогли назвать следующие:

- щедрость, гостеприимство, терпеливость;
- открыт, добродушен, с ленцой, умен;
- человек с широкой душой, способный творить великие дела, но рискующий сорваться в пользу низменных потребностей.

Данные ответы — скорее закономерность, так как многократно воспроизводились на практических занятиях по социологии со студентами. Забываются и русская смекалка, и русская широкая душа, и величие русской культуры, и так далее, но пьянство и угрюмость (неулыбчивость) вспоминаются сразу же. Возникает вопрос: хочется ли молодому человеку причислять себя к такому образу? Ощущать с ним единение? Вопрос скорее риторический. Хотя по ответам на следующий вопрос не всё так однозначно, и 26 % опрошенных чувствуют гордость за принадлежность к своему народу, а 33 % ощущают спокойную уверенность. Чувства, вызываемые принадлежностью к своей стране, не столь позитивны, и 19,5 % расстроены и огорчены по этому поводу, а 20 % респондентов ощущают обиду и стыд.

Ответы	График	≣ 🚭 🌣 🖺	%
своему народу			
Восхищение			0
Гордость			26.1
Спокойную уверенность		3	33.3
Ущемленность, униженность	I.		2.3
Обиду			0
Стыд			0
Огорчение, расстройство	I		2.3
Никаких чувств не вызывает		3	30.
воей стране			
Восхищение			0
ордость			9.7
Спокойную уверенность		1	17.0
/щемленность, униженность	•		4.8
биду	_		9.7
тыд			9.7
)горчение, расстройство		1	19.5
Никаких чувств не вызывает		2	26.8

Рисунок 2. Чувства, которые вызывают у респондентов принадлежность к своему народу и своей стране

Далее респондентам было предложено проранжировать факторы, формирующие их политическую культуру. В итоге 1-е место заняла «личная заинтересованность в политике» молодых людей, 2-е место — «система образования и воспитания», 3-е место — «государственная политика», 4-е место — «семья», 5-е место — «личный позитивный или негативный опыт», 6-е место — «геополитический фактор (положение государства в мире)», 7-е место — «деятельность партий и общественных организаций», 8-е место — СМИ, 9-е место — «материальное благополучие», 10-е место — «национальные традиции (+ мифы и стереотипы)», 11-е место — «исторический опыт (фактор социальной памяти)», 12-е место — «религия». Что также свидетельствует о малой значимости этнической самоидентификации у современной молодежи для формирования их политической культуры.

Таким образом, говорить о формировании единой общероссийской идентичности в российских условиях политико-культурной фрагментарности, полиэтничности и поликонфессиональности не представляется возможным. Целый ряд исследователей совершенно справедливо отмечают духовную составляющую этнической идентичности как базу, как стержень, как мощнейшую основу всего конструкта. Поэтому рассматривать создание российской наднациональной и надэтнической идентичности без опоры на духовность, религиозные ценности и традиции — это строить дом без фундамента. Подобный опыт уже не так давно имел место в истории России, и чем он закончился — общеизвестно.

Если опять-таки обратиться к результатам социологических исследований, то, по субъективным оценкам респондентов, такие регионы, как Чечня и Дагестан, несмотря на наличие общих предметов национальной гордости (например, завоевание призовых мест на Олимпийских играх), скорее не относятся к России. Можно также отметить чрезвычайную политизированность международных конкурсов и соревнований, и их неотъемлемую роль в конструировании идентичности, потому что именно во время просмотра футбольных матчей, Олимпийских соревнований, Евровидения и так далее мы особенно остро чувствуем потребность в самоидентификации и «болеем за наших» — русских, украинцев, белорусов и так далее. Таким образом, подобные мероприятия являются весьма удобной практикой формирования и закрепления национальной идентичности.

Однако же нельзя не согласиться с мнением В.В. Носкова о том, что как минимум надо говорить о региональных различиях «российской идентичности», так как «невозможно представить, например, что поморы Русского Севера и казаки Кубани являются носителями совершенно одинаковой идентичности» [21]. И исследования в различных регионах России показывают ярко выраженное преобладание региональной идентичности над общероссийской. При этом «региональные идентичности строятся, как правило, на контрасте с другими, на противопоставлении им, приобретая таким образом немалый конфронтационный потенциал» [21].

В социально-политическом научном дискурсе весьма нередки негативные оценки того факта, что самый многочисленный этнос России (82 %) не имеет своей государственности, отличной от общероссийской, как, например, она есть у чеченцев, ингушей, дагестанцев, бурятов и так далее. Исследование, которое провел аналитический Центр Ю. Левады в июнеавгусте 2019 года, зафиксировало, что лозунг «Россия для русских» сегодня разделяется 71 % опрошенных респондентов» [22], в то время как в 2016 году их было 52 % (14 % — полностью, 38 % — в «разумных пределах») [23]. Более того, социологический анализ характеристик этнического сознания русских изобилует выражениями «моральная и интеллектуальная депрессия», «изоляционизм», «рост подозрительности и агрессии» и другими. Хотя, если рассмотреть конкретные факторы, которые привели к некоторому возрастанию этнофобий, то мы поймем, что это прежде всего опасения людей за свою безопасность. Национализм в этом случае выступает не как ущербность, а скорее как естественное стремление к самосохранению нации в условиях системного общественного кризиса [24].

Здесь вспоминаются слова Солженицына: «Нет, не "имперской нацией", но по вековому ходу событий — и по государствообразующей роли, и по перемежному географическому расселению — русские в России стали народом объемлющим, как бы протканной основой многонационального ковра, — не частое этническое явление» [25]. Русских нельзя «загнать» в конкретную обособленную территорию по причине отсутствия такой потребности, так как русский человек (и здесь «русскость» понимается исключительно как самоощущение) чувствует четкую идентификацию с Россией в целом. Русский — это сын России-матушки, но не «россиянин» вследствие политической перегруженности термина. Поэтому российская идентичность как таковая имеет право на существование, но не как замена этнической, а как ее дополнение. Известный социолог М.К. Горшков считает, что «в настоящее время в России доминирует и сохраняет свою устойчивость ценностно-нормативная система, стержнем

которой является особая роль государства в ипостаси державы. Державное понимание общества и державная версия патриотизма характерны для подавляющей части российского населения, что в массовом сознании отражается через общность взглядов на основополагающие нормы и ценности» [26].

Выводы

Подводя итог, на базе проведенного теоретического и эмпирического исследования можно сделать следующие выводы.

- Этническое самосознание в сфере политической культуры отступает перед гражданской идентичностью, которую также можно определить как национальную. Следовательно, можно и нужно говорить о территориальной, региональной специфике политической культуры, но не об этнической.
- Выбор того или иного кандидата в этническом голосовании определяется политической риторикой, нежели этнической принадлежностью, что обуславливает значимость фактора языка, а не собственно этничности.
- «Свой» «Чужой» на базе этнического самосознания размытые понятия вследствие разных политических ориентаций и установок: зачастую «Свой» более ориентирован на выгодного «Чужого», что свидетельствует о наличии моноэтнической идентичности, не совпадающей с официальной этнопринадлежностью (как следствие ассимиляции).

Хочется верить, что социологические и социально-политические исследования, обнаруживающие неготовность населения к неким конструктам извне взамен формирования национальной идеи, которая сегодня в основном сводится к попытке консолидации общества на основе чувства гордости за победу в Великой Отечественной войне и полет в космос, зададут ориентиры дальнейшего развития государственной политики в сфере этнополитического сознания. Уже сегодня наблюдается поворот власти к духовной составляющей этнической самоидентификации населения нашей большой страны, ведь без учета этнопсихологических аспектов культуры народов, живущих бок о бок друг с другом, без исторической памяти, без понимания особенностей национального характера невозможно познать другого, а, значит, и невозможно познать себя.

Один еврей, который проживает в России на протяжении уже многих десятилетий и воспринимает ее как свою родину, как-то рассказал, как к нему обратился его русский коллега с недоумением, что никогда не встречал «настоящих» евреев — с пейсами в ермолке, умеющими танцевать мицву и так далее. На что ему еврей ответил: «Так и я тогда никогда не встречал "настоящего" русского». В идее стать Иванами, родства не помнящими, нет никакой привлекательности ни для населения России, ни для управленческого аппарата. И все попытки навязывания сверху неких единых шаблонов вызовут лишь сопротивление и возмущение.

Библиографический список

- [1] Малахов В.С. Зачем России мультикультурализм // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова Москва: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 48–60.
- [2] Дробижева Л.М. Динамика российской гражданской идентичности в полиэтническом пространстве России // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сборник материалов / Отв. ред. М.Ю. Мартынова. Москва; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 11—14.
- [3] Дробижева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник. 2008. № 7. С. 214–228.

- [4] Арутюнян Ю.В. Об этнических компонентах российской идентичности // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 38–44.
- [5] Сикевич З.В. Этнический фактор в политических процессах современной России. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет, 1996. 58 с.
- [6] Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2009. № 2. С. 3–17.
- [7] Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности: монография. –Москва: Смысл, 1998. 386 с.
- [8] Хотинец В.Ю. Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. 124 с.
- [9] Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. 240 с.
- [10] Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. Москва: Наука, 2003. 764 с.
- [11] Рыжова С.В. Содержание и динамика этнической идентичности в России // Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Издание 2-е и дополненное. Москва: ИЭА РАН, 2018. С. 119–135.
- [12] Шелин С. Государство назначит себе нацию [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rosbalt.ru/blogs/2016/11/03/1564590.html (дата обращения: 02.10.2019).
- [13] Законопроект о российской нации переименовали из-за «неготовности общества» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rosbalt.ru/russia/2017/03/07/1596797.html (дата обращения: 03.10.2019).
- [14] Щербаков М.А. Модель уровней самоидентификации личности [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ipd.ru/articles/ident_article.shtml (дата обращения: 22.10.2019).
- [15] Халлисте О.В. Конструирование «образа врага» как конфликтоген в этническом противостоянии // Альманах факультета конфликтологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. − 2012. − № 1. − С. 40–51.
- [16] Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 680 с.
- [17] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва: Медиум, 1995. 323 с.
- [18] Брубейкер Р. Этничность без групп. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.-408 с.
- [19] Семенов В.А., Халлисте О.В. Конфликтологический мониторинг этнических аспектов политической культуры современного российского общества // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. − 2013. − Т. 4, № 40. − С. 113–123.
- [20] Иванова С.Ю., Шульга М.М. «Русская этническая» и «российская» идентичность: соотношение понятий // Вестник Южного научного центра РАН. 2010. Т. 6, № 4. С. 96–104.
- [21] Носков В.В. «Российская идентичность» против «русской идеи» // Реальность этноса. Роль образования в формировании этнической и гражданской идентичности: Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург: Астерион, 2006. 471 с.
- [22] Ксенофобские настроения в России растут второй год подряд [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.levada.ru/2019/09/18/ksenofobskie-nastroeniya-v-rossii-rastut-vtoroj-god-podryad/ (дата обращения: 31.10.2019)
- [23] Интолерантность и ксенофобия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.levada.ru/2016/10/11/intolerantnost-i-ksenofobiya/ (дата обращения: 31.10.2019).

- [24] Родионова Е.В., Савин С.Д. Этносоциальные проблемы в зеркале российской социологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Социология. 2016. № 1. С. 111–126.
- [25] Солженицын А.И. Россия в обвале. Москва: Русский путь, 2006. 208 с.
- [26] Горшков М.К. О гармонизации межэтнических отношений в пореформенной России: контекстуальный подход // Гуманитарий Юга России. 2017. № 2. С. 14–25.

References

- [1] Malakhov, V.S. (2002). Does Russia need multiculturalism? In V.S. Malakhov & V.A. Tishkov (Eds.), *Multiculturalism and the transformation of post-soviet societies* (pp. 48–60). Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS.
- [2] Drobizheva, L.M. (2019). Dynamics of the Russian civil identity in the multiethnic space of Russia. In M.Yu. Martynova (Ed.), *Materials of the XIII Congress of anthropologists and ethnologists of Russia* (pp. 11–14). Moscow; Kazan: IEA RAS, KFU, Institute of History named after S. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan.
- [3] Drobizheva, L.M. (2008). National and civil and ethnic identity: problems of positive compatibility. *Russia Reforms*, 7, 214–228.
- [4] Arutyunyan, Yu.V. (2009). About Ethnic Components of the Russian Identity. *Sociological Researches*, 6, 38–44.
- [5] Sikevich, Z.V. (1996). *Ethnic factor in political processes of modern Russia*. Saint-Petersburg: St. Petersburg University.
- [6] Stefanenko, T.G. (2009). Ethnic identity: from ethnology to social psychology. *The Moscow University Psychology Bulletin*, 2, 3–17.
- [7] Soldatova, G.U. (1998). Psychology of Interethnic Tension. Moscow: Smysl.
- [8] Khotinets, V.Yu. (2002). *Ethnic Identity and Tolerance*. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo Universiteta.
- [9] Khotinets, V.Yu. (2010). Ethnic Self-awareness. St. Petersburg: Aleteyya.
- [10] Guboglo, M.N. (2003). Identification of identity: ethno-sociological essays. Moscow: Nauka.
- [11] Ryzhova, S.V. (2018). Contents and dynamics of ethnic identity in Russia. In V.A. Tishkov, V.V. Stepanov (Eds.), *Ethnic and religious variety of Russia* (pp. 119–135). Moscow: IEA RAS.
- [12] Shelin, S. (2016). *The State will appoint a nation*. Retrieved from http://www.rosbalt.ru/blogs/2016/11/03/1564590.html.
- [13] The bill on the Russian nation was renamed because of the "unpreparedness of society". Retrieved from http://www.rosbalt.ru/russia/2017/03/07/1596797.html.
- [14] Shcherbakov, M.A. (2001). *Model of levels of personal self-identification*. Retrieved from http://www.ipd.ru/articles/ident_article.shtml.
- [15] Halliste, O.V. (2012). Constructing the "image of enemy" as a conflictogen in ethnic confrontation. Almanac of the faculty of conflictology of the St. Petersburg Humanitarian University of trade unions, 1, 40–51.
- [16] Bourdieu, P. (2004). Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. In: Western Economic Sociology: Reader of the Contemporary Classics. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN).
- [17] Berger, P., & Lukman, T. (1995). The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge. Moscow: Medium.
- [18] Brubaker, R. (2012). Ethnicity without groups. Moscow: Higher School of Economics.
- [19] Semenov, V.A., & Halliste, O.V. (2013). Conflictological Monitoring of Ethnic Aspects of Political Culture in Contemporary Russia's Society. *The Humanities and Social Studies in the Far East*, 4(40), 113–123.
- [20] Ivanova, S.U., & Shulga, M.M. (2010). "Russian ethnic" and "Russia's" identity: relationship between the concepts. *Bulletin of the Southern Scientific Center of RAS*, 6, 96–104.

- [21] Noskov, V.V. (2006.) "Russian identity" against the "Russian idea". In *The reality of the ethnic group. The role of education in the formation of ethnic and civic identity: Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference*. St. Petersburg: Asterion.
- [22] Xenophobic sentiment in Russia is growing for the second year in a row (2019). Retrieved from https://www.levada.ru/2019/09/18/ksenofobskie-nastroeniya-v-rossii-rastut-vtoroj-god-podryad/.
- [23] Tolerance and xenophobia. (2016). Retrieved from http://www.levada.ru/2016/10/11/intolerantnost-i-ksenofobiya/.
- [24] Rodionova, E.V., & Savin, S.D. (2012). Ethnic and social problems in the context of sociology. *Vestnik of St. Petersburg University. Series 12. Sociology*, 1, 111–126.
- [25] Solzhenitsyn, A.I. (2006). Russia in collapse. Moscow: Russkiy put.
- [26] Gorshkov, M.K. (2017). On the Harmonization of Interethnic Relations in Post-Reform Russia: a Contextual Approach. *The Humanitarian of the South of Russia*, 6(2), 14–25.

Получена / Submitted: 21/12/2019 Доработана / Revised: 02/02/2020

Принята к публикации / Accepted: 08/02/2020

УДК 316.7+352.93

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ: ОПЫТ ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Алена Анатольевна Попкова¹

¹Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье представлен анализ практики реализации деятельности по социокультурному развитию территории Голышмановского района, в рамках которой происходит институализация проектных инициатив населения в фонд местного сообщества. Проведенные социологические исследования позволили выделить ряд количественных и качественных результатов, достижению которых способствовало развитие проектной деятельности на территории района. Обоснована необходимость создания института поддержки местных инициатив в форме фонда местного сообщества, функционирование которого обеспечивается только при условии наличия успешных практик реализации проектной деятельности, инициативная команда которой готова взять на себя функции по поддержке местных инициатив в разрезе информационно-методической помощи и сопровождения разработки и реализации проекта на территории. В статье выявляются и систематизируются условия внутренней и внешней среды, способствующие становлению и развитию данной институциональной формы поддержки инициатив. Представленный опыт может быть тиражирован и реализован в сельских территориях, имеющих проектные инициативы, направленные на социокультурное развитие территории.

Ключевые слова: социальное проектирование, местное сообщество, активность, фонд местного сообщества, социокультурное развитие территории.

Socio-Cultural Development of Territories: Experience of Institutionalization of Population Activity

Alena A. Popkova¹

¹Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

Abstract. This article presents an analysis of the practice of implementation of activities for socio-cultural development of the Golyshmanovsky district, in which the institutionalization of project initiatives of the population in the Fund of the local community. The conducted sociological researches allowed to allocate a number of quantitative and qualitative results which achievement was promoted by development of project activity in the territory of the area. The necessity of creation of Institute of support of local initiatives in the form of Fund of local community which functioning is provided only on condition of existence of successful practices of implementation of project activity which initiative team is ready to assume functions on support of local initiatives in the context of information and methodical help and support of development and implementation of the project in the territory is proved. The article identifies and systematizes the conditions of internal and external environment that contribute to the formation and development of this institutional form of support for initiatives. The presented experience can be replicated and implemented in rural areas with project initiatives aimed at socio-cultural development of the territory.

Keywords: social design, local community, activity, local community Foundation, socio-cultural development of the territory.

Введение

Различные аспекты социокультурного развития территорий в последнее время стали актуализироваться в исследованиях зарубежных и российских ученых, практиков [1–4]. Поиск новых векторов развития территорий городов и сел, где качество жизни населения

существенно снижено, привел к необходимости вовлечения различных ресурсов, базовым из которых являются само население, его социокультурные компетенции, которые становятся в настоящее время и базисом предпринимательской активности, и основой формирования новых социальных коммуникаций внутри территории, приводящих к формированию и развитию местных сообществ, и ресурсом продвижения территории для привлечения финансовых, инфраструктурных, инвестиционных, экономических средств и инструментов развития. Назревшая необходимость работы с местным сообществом, его потенциалом потребовала формирования технологии, способствующей конструированию этого потенциала, часто заключенного в идеях и образах, в конкретную деятельность по развитию территорий. Данной технологией стала проектная деятельность. Именно проектирование способствовало трансформации идей и образов деятельности в конкретные механизмы ее реализации, ориентированность на результат.

Существенным толчком к развитию данной технологии стала система грантовой поддержки активно развивающейся в Российской Федерации в последние годы. Грантовые программы Фонда президентских грантов, «Эффективная филантропия», «Музей без границ» Благотворительного фонда Владимира Потанина, «Культурная мозаика малых городов и сел» Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко направлены на поддержание инициатив населения по развитию территории по различным направлениям, но больше всего по направлению социокультурного развития [5–8]. Социокультурное развитие территории — это тот базис, который позволяет формировать среду для качественного развития местного сообщества, вовлечение его ресурсов для сохранения и развития культуры, и не столько в ее традиционном понимании, сколько культуры места, культуры быта, культуры совместного проживания, культуры событий территории.

Опыт проектной деятельности, реализуемый на территориях городов и сел, показал, что успешно реализованный социокультурный проект формирует успешную практику, образец деятельности в сознании населения и влечет за собой возникновение социокультурных инициатив, их разрастание, трансформацию в кластер социокультурной активности. Многоочаговость социокультурных инициатив на территориях успешной реализации проекта требует информационно-методического обеспечения, выполнение чаще всего берет на себя команда реализованного проекта, становясь центром притяжения, центром социокультурного развития. Таким образом, современная практика социокультурного развития территории требует осознания институализации центров социокультурного развития территорий в условиях активизации проектной деятельности.

Исходя из вышеизложенного, целью статьи является анализ процесса институализации практики проектной деятельности в центры социокультурного развития территории.

Материалы и методы

Материалами к исследованию выступили экспертные материалы Фонда Елены и Геннадия Тимченко по программе «Культурная мозаика малых городов и сел», проекты Голышмановского района «Центр поддержки гражданских инициатив «Со-Дружество», «Сибирская карусель», отчеты мониторингов реализации проекта, отчетные материалы стратегических сессий.

Для достижения цели исследования были использованы методы системного анализа, формально-логический, социологические методы — интервью и фокус-группа в рамках проводимых стратегических сессий по проекту, SWOT-анализ. В социологических исследованиях приняли участие представители органов местного самоуправления Голышмановского района, главы сельских поселений Голышмановского района, представители учреждений культуры и искусства, молодежной политики, образования, активные граждане (всего 41 человек). Исследование проводилось в период 2017—2019 годов.

Результаты и обсуждение

Исследование практики проектной деятельности на территории Голышмановского района начало развиваться в 2011 году, но большинство проектов носили эпизодический характер, реализовывались образовательными учреждениями и учреждениями молодежной политики. Переломным моментом в активизации проектной деятельности, направленной на социокультурное развитие территории, стал проект «Центр поддержки гражданских инициатив «Со–Дружество», поддержанный в рамках конкурса «Культурная мозаика малых городов и сел в Уральском федеральном округе» в 2015 году (таблица 1).

Таблица 1. Анализ результатов реализации проекта «Центр поддержки гражданских инициатив «Со-Дружество» в Голышмановском районе в 2015 году

Было	Стало
Люди села разобщены	В 15 поселениях люди объединились, и активно действует 29 проектных команд. Жители сел участвуют в проведении мероприятий, подготовленных в рамках проектов на своих территориях и соседских территориях: «Праздник пирога», «Земляновская ярмарка», «Широкая масленица», «День варенья», «Праздник Рождества Иоанна Предтечи», «Не забывай свою малую родину, береги ее» и другие
Слаба активность граждан при проведении общественных мероприятий и решении проблем местного значения В малых селах отсутствует занятость граждан, в том числе и молодежи	Лидеры 29 проектных команд объединили вокруг общего дела 377 человек, в том числе молодежь — 287 человек. Их совместными стараниями уже реализованы 24 проекта с участием 8 927 жителей и гостей Голышмановского района На участие в фестивале заявилось 70 мастеров народного творчества по 9 направлениям с изделиями декоративно-прикладного творчества
Низкий уровень трудоустройства в селе, в том числе и молодежи Утрачены народные традиции и культурные связи	В рамках конкурса появились 7 агроусадеб по следующим направлениям: с приусадебным участком, с личным подворьем, этническая агроусадьба Появился летний календарь событийных мероприятий: «Праздник пирога», «Праздник Рождества Иоанна Предтечи», «Кузьминки», «Ильинская мозаика», «День варенья», «Праздник меда», «Земляновская ярмарка» и общерайонный Шарохинский фестиваль, на котором были представлены 22 обряда на площадках «Сибирское поселение», «Малая площадь», «Большая
	площадь»; 6 игрищ — «Капканы», «Ручеек», «Тесто», «Капуста», «Шапки», «Валенок»; 12 игр — испытание на силу; хороводы

В ходе реализации проекта в 2015 году сформировалась проектная активность населения в Голышмановском районе, сформировались социокультурные результаты, которые повлекли за собой формирование комплексного проекта «Сибирская карусель», задачей которого являлась активизация и консолидация жителей Голышмановского района с целью развития территории средствами культуры. Данный проект также был поддержан в рамках программы «Культурная мозаика: партнерская сеть» [9].

В результате реализации проекта «Сибирская карусель» сформировались потребности в методической помощи для инициативных групп граждан Голышмановского района. Для оказания информационно-методической помощи и продвижения проектов началась работа по трансформации Центра поддержки гражданских инициатив «Со-Дружество» в Фонд местного сообщества «Наше время» (рисунок 1). Реализация данного проекта создала условия для аккумуляции гражданской активности в районе, формирования ее организационных оснований, и, как следствие, регистрации организации как юридического лица, имеющего гражданские права, цели деятельности и обязанности.

Рисунок 1. Институализация проектных инициатив жителей Голышмановского района в фонд местного сообшества

В ходе исследования, проведенного в рамках стратегической сессии «От проектов к Фонду: объединение и развитие ресурсов», проведенной в начале 2018 года, были определены следующие базисные характеристики создания и функционирования Фонда:

- Фонд «Наше время» формирует портфель проектов территории: возникшая в 2011 году проектная деятельность активизировала местное сообщество, и с 2014 года начала формироваться сеть проектов, акций, событий, которые объединили идеи активных жителей всего района. Это потребовало систематизации проектной деятельности, методической помощи активным гражданам по написанию проектов, продвижению проектов инициативных команд на новый уровень, позволяющий привлекать всевозможные ресурсы для развития территории;
- Фонд «Наше время» это команда: активные жители, руководители проектов за время активной проектной деятельности привлекались к взаимодействию, сотрудничеству, обмену опытом между собой через участие в методических обучающих семинарах, подготовке и проведению мероприятий, работе с населением. В результате этого в процессе создания перед Фондом не встала задача набрать и вырастить команду, имеющаяся команда трансформировала свою неформальную деятельность в формализованную структуру Фонда, наполняя ее опытом, идеями, жизнью и перспективами развития;
- Фонд «Наше время» это основа социокультурного развития Голышмановского района: Фонд стал реальным фондом местного сообщества, он появился не как чужеродное явление, навязанное отдельными гражданами или заинтересованными должностными лицами, а как плод совместной деятельности всех жителей района. Фонд воспринимаем, принимаем и поддерживается жителями, органами местного самоуправления, муниципальными учреждениями, бизнесом как площадка, которая аккумулирует творческие, молодежные, социальные, властно-политические ресурсы, которые направлены на территориальное и социально-экономическое развитие района [9; 10].

В рамках стратегической сессии была проведена фокус-группа, на которой определились угрозы, возможности, сильные и слабые стороны функционирования фонда «Наше время», сформировалась матрица SWOT-анализа (таблица 2), были проранжированы результаты по значимости для деятельности Фонда [11].

Таблица 2. SWOT-анализ деятельности Фонда «Наше время»

Угрозы	Возможности
Отсутствие механизма передачи средств (бюджетных) Низкая благотворительная активность бизнеса Люди устанут от праздников Низкая инвестиционная привлекательность Недостаточность мест для развития туризма Однообразность декоративно-прикладного творчества Недостаточно проработана нормативно-правовая база по общественно полезным услугам Нет места фонда в стратегии развития территории Не будет развиваться туристическая привлекательность, появление новых объектов Смена власти	Бизнес занимается поддержкой проектов (подарки и услуги) на местном уровне Поддержка благотворительного фонда развития города Тюмени и консультации научного руководителя Конкурсы грантов (проведение, участие на районном, региональном, российском уровнях) Территория многонациональная Активные жители Структурированное сообщество Развитие предпринимательства Усть-Ламенский форпост Развитие инфраструктуры Сайт, портал, СМИ Рост мастеров, возможность для профессионального роста Программа поддержки социально-ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) Поддержка со стороны органов местного самоуправления
	Вход в реестр поставщиков общественно полезных услуг
Слабые стороны	Сильные стороны
Нет грантовой истории фонда Нет устойчивого финансового потока Не расширяется, не структурируется целевая аудитория Не определены конкретная роль и место фонда в стратегии развития территории Осуществление администрирования большого количества мероприятий Нет системы повышения квалификации передачи знаний, опыта команды через выезды на другие территории Слабая функциональная структура Нет системы управления фондом Нет франдрайзинга, стратегии развития, программ деятельности Неполное использование «портфеля» ресурсов Сильная ориентировка на личностный фактор Члены попечительского совета не привлекают ресурсы; не работают над имиджем фонда Нет паспорта развития фонда Есть районная программа поддержки СОНКО, но без финансовой поддержки	Обучение населения Хороший опыт работы с инициативными группами Уникальность Имеется опыт проведения конкурсов Составлен паспорт развития территории, определены потенциалы сельских поселений Идет укрепление и расширение имиджа фонда Доверие населения Взаимодействие и поддержка власти Опыт работы с бизнесом Фонд — это единственный действующий муниципальный ресурсный центр Успешный опыт администрирования проектов и программ Знание и удовлетворение потребностей населения Работа в социальных сетях Квалифицированная команда (заинтересованная, способная действовать) Имеются ресурсы, инициативы, идеи Фонд как юридическое лицо Есть понимание целевых ориентиров Портфель проектов Реальное объединение всех активов Сильная ориентировка на личность Обучение, участие в семинарах приносят положительный результат Создан реальный фонд местного сообщества, то есть общество + власть + некоммерческая организация Развитие волонтерства Уникальность, так как в сельских территориях мало таких фондов Узнаваемость за пределами своего района Фонд предлагает продукт, соответствующий запросам населения Есть программа развития туризма в районе

После выделения угроз и возможностей, слабых и сильных сторон участники стратегической сессии в рамках фокус-группы проранжировали представленные результаты SWOT-анализа и выделили пять наиболее существенных характеристик в каждой группе для определения стратегических приоритетов деятельности Фонда (таблица 3).

Таблица 3. Соотношение сильных и слабых сторон, возможностей и угроз [12]

	0	Т
	O	*
	1. Активные жители, объединившиеся	1. Активность снизится, люди устанут
	в инициативные группы	от праздников (однообразие)
	2. Программа поддержки СОНКО (в	2. Ограниченность ресурсов местного
	том числе участие в президентском	бизнеса
	гранте)	3. Нет механизма передачи средств
	3. «Сайт» — интернет-портал района	бюджета Фонду
	4. Развитие предпринимательства, в	4. Декоративно-прикладное творчество
	том числе туризма	не развивается как условная
	5. Бизнес занимается	предпринимательская деятельность
	благотворительностью	5. Смена руководства района
S	O2 + S3 — расширение,	Т3, 5 + S2, 4, 5 — продолжать
1. Доверие населению	систематизация портфеля проектов с	развивать систему взаимодействия
2. Поддержка органами	использованием ресурсов программ	муниципальных программ Фонда и
местного самоуправления	O1 + (S4 + S1) — поддержка	органов местного самоуправления
3. Портфель проекта	активности структурированного	T1 + S1, 3, 4 — расширение портфеля
4. Конкурсы поддержки	сообщества в конкурсах	проектов: диверсифицировать по
гражданских инициатив	O5 + S5 — использование командного	целевым группам, по направлениям,
5. Команда (численность,	потенциала в работе с бизнес-	услугам
вовлеченность,	сообществом	T4 + S5 — (обучение населения)
деятельность, развитие	O3 + S1, 5, 4 — использование	общественная активность как условие
ответственности)	интернет-портала для продвижения	бизнеса
'	Фонда	
W	O2, 5 + W1, 4, 3 — вовлекая бизнес,	T2 + W3 — не работать со всем
1. Нет стабильного	участвуя в конкурсах, работать на	бизнесом, работать точечно
финансового потока	увеличение и устойчивость	•
2. Нет системы управления	финансового потока	
3. Работа с бизнесом слабая	O2 + W2, 4 — в рамках программ	
4. Грантовая история слабая	поддержки СОНКО укрепляем	
5. Роль и место Фонда в	профессионализм команды фонда	
развитии территории не	O3, 4 + W5 — создание рабочих мест	
всем ясна,	для развития туристической	
малоузнаваемость	индустрии	

Таким образом, в результате проведенного исследования были выделены следующие стратегические направления совершенствования деятельности Фонда как центра социокультурного развития:

- необходимо расширять портфель проектов Фонда за счет участия в конкурсах и программах регионального и федерального уровней;
- активнее развивать взаимодействие с бизнес-сообществом, в том числе за счет личных и профессиональных контактов членов команды Фонда;
- осуществлять поиск и развитие механизмов обеспечения устойчивости финансового потока в Фонд (через программы поддержки СОНКО, привлечение бизнеса, проекты для участия в различных конкурсах, в том числе конкурс на президентский грант);
- развивать имидж Фонда как площадки, аккумулирующей все ресурсы местного сообщества для развития территории Голышмановского района, используя ресурсы сети Интернет;
- повышать профессионализм команды, развивать компетенции населения, с целью коммерциализации результатов их деятельности (товаров, услуг, сувенирной продукции).

Соответственно, обобщая результаты исследования, можно отметить, что на сегодняшний день стратегической целю деятельности Фонда является формирование условий для развития социальной и экономической активности населения.

Для реализации деятельности Фонда как центра социокультурного развития на территории Голышмановского района необходимо обеспечивать решение следующих задач:

- поддержка действующих и создание новых групп развития креативных индустрий (творчество, услуги, продукты);
- формирование условий для развития предпринимательской деятельности для обеспечения занятости населения, в том числе в туристической индустрии;
- развитие системы интегрированных площадок для продвижения/развития форм социальной активности.

Данные цели реализуются на территории через ряд мероприятий, инициирование и реализацию которых обеспечивает Фонд развития местного сообщества:

- конкурсы проектов, заседания экспертного совета, открытые защиты проектов;
- семинары, консультации, стажировки, обмен опытом;
- работа муниципального ресурсного центра;
- мониторинги, опросы (для выявления новых номинаций районных конкурсов);
- наставничество (опытные инициативные группы берут шефство над новыми);
- клуб мастеров народного творчества;
- продвижение товаров, работ и услуг местных мастеров;
- фестиваль, календарь событий;
- формирование имиджа Фонда через СМИ и интернет-ресурсы;
- продвижение фонда, территории, разработка брендбука.

Для полноценной реализации роли Фонда как центра социокультурного развития необходимо разработать комплексную стратегию развития, включающую в себя маркетинговую стратегию, стратегию фанлрайзинга и так далее.

Выволы

В результате проведенного исследования определено следующее:

- наличие социокультурных инициатив населения является потенциалом, но не ресурсом социокультурного развития территории;
- трансформация потенциала в ресурс происходит в основном в ходе осуществления проектной деятельности, которая способствует развитию местного сообщества;
- результативная проектная деятельность по реализации инициатив местного сообщества способствует развитию очагов социокультурной активности на территории;
- очаговая социокультурная активность преобразуется в деятельность при условии информационно-методической поддержки, оказание которой обеспечивается в условиях развития институциональных форм работы команды, имеющей успешный опыт реализации проекта и проявляющих активность в решении вопросов развития территории;
- одной из форм институализации работы команды является создание фонда местного сообщества, который, с одной стороны, аккумулирует ресурсы местной власти, бизнеса и активных граждан, а с другой обеспечивает поддержку местных инициатив;
- на сегодняшний день сформирован хороший функциональный задел проектной деятельности в Голышмановском районе в ходе работы Фонда, который должен и будет развиваться, для этого есть и ресурсы, и потенциал на территориях сельских поселений;
- команда Фонда очень сильная, члены команды выстроили партнерские отношения, имеют авторитет и влияние среди жителей, постепенно развивают свои навыки;
 - Фонд стремится стать площадкой развития форм активности местного сообщества;

• одной из ключевых задач работы Фонда является создание условий как для социальной активности жителей, так и для их занятости, в том числе через развитие туристической отрасли, прикладного творчества, креативных индустрий, коммерциализации, производимых товаров и услуг.

Библиографический список

- [1] Коновалова Е., Кузьмин А. Влияние инициатив в сфере культуры на развитие местных сообществ: обзор зарубежных публикаций [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rusregions.com/wp-content/uploads/2018/12/Presentation_Kuzmin.pdf (дата обращения: 12.11.2019).
- [2] Культура на периферии. Политика децентрализации в культурных проектах Франции [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cultmosaic.ru/content-load-/Kultura_na_periferii.pdf (дата обращения: 11.11.2019).
- [3] Центры социокультурного развития территорий: модели, практики, технологии работы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://amcult.ru/storage/editor/case_UK.pdf (дата обращения: 12.11.2019).
- [4] Сельская жизнь по-американски [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cultmosaic.ru/info/selskaya-zhizn-po-amerikanski/ (дата обращения: 08.11.2019).
- [5] Искусство созидать: культурные практики как инструмент развития территорий и местных сообществ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cultmosaic.ru/info/iskusstvo-sozidat-sbornik-keysov/ (дата обращения: 07.11.2019).
- [6] Социокультурные проекты как двигатель развития малых городов и сёл. Презентация Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://frmsp.ru/wp-content/uploads/2018/02/Prezentatsiya_FT_Monogoroda_s-konkursami.pdf (дата обращения: 11.11.2019).
- [7] Культурная мозаика, 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://timchenkofoundation.org/wp-content/uploads/2018/03/culture_mosaic_2015_broshura.pdf (дата обращения: 8.11.2019).
- [8] Отчет о деятельности Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко за 2018 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://timchenkofoundation.org/novosti/godovoj-otchet-2018/ (дата обращения: 11.11.2019).
- [9] Ресурсный центр Голышмановского городского округа Тюменской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://admtyumen.ru/files/upload/.pdf (дата обращения: 01.11.2019).
- [10] Голышмановцы учились создавать бренды, логотипы и сувениры, передающие особенности и колорит территорий округа [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://golvestnik.ru/?p=31118 (дата обращения: 19.09.2019).
- [11] В округе будет воплощаться соцпроект «Современная жизнь народного творчества: опыт территорий» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://golvestnik.ru/?p=29883 (дата обращения: 19.09.2019).
- [12] Итоги стратегической сессии проекта «Сибирская карусель» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kimc.ms/detyam/wunderkind/?SHOWALL_1=1&SIZEN_1=20 (дата обращения: 11.11.2019).

References

[1] Konovalova, E., & Kuzmin, A. Influence of cultural initiatives on the development of local communities: review of foreign publications. Retrieved from http://rusregions.com/wp-content/uploads/2018/12/Presentation_Kuzmin.pdf.

- [2] Culture on the periphery. The policy of decentralization in cultural projects in France. Retrieved from http://cultmosaic.ru/content-load-/Kultura_na_periferii.pdf.
- [3] Centers of socio-cultural development of territories: models, practices, technologies of work Retrieved from http://amcult.ru/storage/editor/case_UK.pdf.
- [4] Rural life in the American way. Retrieved from http://cultmosaic.ru/info/selskaya-zhizn-po-amerikanski/.
- [5] The Art of creating: cultural practices as a tool for the development of territories and local communities. Retrieved from http://cultmosaic.ru/info/iskusstvo-sozidat-sbornik-keysov/.
- [6] Socio-Cultural projects as an engine for the development of small towns and villages. Presentation of the Charitable Foundation of Elena and Gennady Timchenko. Retrieved from https://frmsp.ru/wp-content/uploads/2018/02/Prezentatsiya_FT_Monogoroda_s-konkursami.pdf.
- [7] Cultural mosaic. (2015). Retrieved from http://timchenkofoundation.org/wp-content/uploads/2018/03/culture_mosaic_2015_broshura.pdf.
- [8] Report on the activities of the Elena and Gennady Timchenko Charitable Foundation for 2018. Retrieved from http://timchenkofoundation.org/novosti/godovoj-otchet-2018/.
- [9] Resource center golyshmanovsky urban district of Tyumen region. Retrieved from https://admtyumen.ru/files/upload/.pdf.
- [10] Golyshmanovtsy learned to create brands, logos and Souvenirs, transmitting the features and color of the district. Retrieved from https://golvestnik.ru/?p=31118.
- [11] The district will implement the social project "Modern life of folk art: the experience of territories". Retrieved from https://golvestnik.ru/?p=29883.
- [12] Results of the strategic session of the Siberian carousel project. Retrieved from https://kimc.ms/detyam/wunderkind/?SHOWALL_1=1&SIZEN_1=20.

Получена / Submitted: 29/12/2019 Доработана / Revised: 01/02/2020

Принята к публикации / Accepted: 09/02/2020

УДК 316.343

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ НАМЕРЕНИЯ МОЛОДЕЖИ НОВОГО РАБОЧЕГО КЛАССА

Вера Владимировна Гаврилюк¹, Олег Леонидович Сотков², Анна Дмитриевна Кондратьева²

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей образовательных намерений молодежи нового рабочего класса и их реализации. На основе теоретического анализа и результатов эмпирического исследования выявлены закономерности профессионального выбора, влияния системы школьного обучения и родительской семьи на выбор рабочей молодежью уровня образования. Обозначено, что подготовка рабочих кадров в условиях перехода к цифровой экономике требует формирования устойчивой группы профессионалов, соответствия профессионального образования запросу рынков труда и субъектов образования. Эмпирический материал статьи основан на социологической информации, собранной в 2018 году на территории Уральского Федерального округа на основе количественных и качественных методов. Был проведен массовый опрос по репрезентативной выборке, опрос экспертов, а также биографическое интервью. Результаты исследования показали, что профессионально состоявшимся можно с уверенностью называть только каждого пятого молодого рабочего, именно они и составят ядро нового рабочего класса. При этом более половины нового поколения рабочего класса считают свои образовательные траектории завершенными, намерены остаться в профессии, следовательно, можно утверждать об устойчивости рассматриваемого социального класса — нового рабочего класса.

Ключевые слова: новый рабочий класс, рабочая молодёжь, образовательные намерения, профессиональный выбор.

Vocational Education and Educational Intentions of New Working-Class Youth

Vera V. Gavriliuk¹, Oleg L. Sotkov², Anna D. Kondratieva²

Abstract. The research is focused on the investigation of the new working-class youth educational intentions specificity and their implementation. Based on the theoretical analysis and the results of the empirical study, patterns of professional choice, the influence of a school system and a parental family on the choice of educational level by working youth have been revealed. It is indicated that the training of workers in the transition towards a digital economy requires the formation of a stable group of professionals, compliance of vocational education with the demand of labor markets and educational institutions. The empirical part of the project was implemented in the cities and countryside of the Ural Federal District in 2018. The study included quantitative and qualitative methods such as a mass survey of a representative sample, an expert survey, and a biographical interview. The results of the study have shown that only one in five young workers can be called professionally successful, and they will form the core of the new working class. Moreover, more than a half of the new generation of the working class consider their educational paths completed, intend to remain in the profession, therefore, it can be argued about the stability of the social class under study — the new working class.

Keywords: new working class, working youth, educational intentions, professional choice.

¹Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

²Центр перспективных исследований и инновационных разработок, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

¹Department of Marketing and Municipal Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

²Center for Advanced Research and Innovation, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

Введение

Эпоха глобализации, всеобщее повышение престижности высшего образования обостряют проблемы подготовки рабочих кадров. Современные исследователи выделяют ряд ключевых проблем в подготовке рабочих кадров для нового уклада российской экономики: обеспечение преемственности при переходе молодежи от обучения к профессиональному труду; повышение качества преподавания в образовательных организациях и обучения на предприятиях. Нерешенными являются и проблемы профессиональной ориентации, недостаточно оперативно и не в полном объеме распространяется информация о современных профессиях. До сих пор актуальна проблема создания нормативно-правового поля сотрудничества бизнеса и профессионального образования, а также повышение культуры их взаимодействия. Решение этих проблем может принципиально изменить отношение молодежи к обучению по образовательным программам среднего профессионального образования (СПО), осознанному выбору профессии и закреплению (а, следовательно, и росту профессиональной квалификации) рабочих кадров.

Современная работающая молодежь чаще всего работает не по той специальности, по которой проходила обучение. Несовпадение образования полученной профессии и реальной занятости молодежи превращается в закономерность, завершив образование, получив профессию, молодежь на рабочем месте переучивается или «добирает» профессиональные компетенции, непредусмотренные в процессе институционального систематического образования [1]. Образовательные намерения работающей молодежи подтверждают устойчивость ценности образования в молодежной среде: почти половина из них имеет образовательные планы, хотят получить другую квалификацию или повысить имеющуюся.

Анализ эмпирических данных показывает, что сегодня следует пересмотреть устойчивый миф о доминирующем влиянии образования родителя на отношение детей (и молодежи) к образованию. Ни уровень образования детей в семьях, различающихся по уровню образования, ни даже более высокий образовательный уровень родителя не влияют на оценки и отношение к образованию современной рабочей молодежи. Ценность школьных знаний как основы для продолжения образования, выбора и получения профессии практически не осознается. Основная цель работы заключается в апробации результатов исследования жизненных планов рабочей молодежи и их реализации в отношении образования, в том числе профессионального. Выполнение исследовательских задач основано на теоретических и эмпирических методах исследования.

Материалы и методы

Методология исследования связана с использованием классового и стратификационного анализа современного российского общества. В проекте применялись теоретические и эмпирические методы социологического исследования. В ходе исследования применялись эмпирические методы: массовый опрос, опрос экспертов и биографическое интервью. В качестве объекта массового опроса выбрана молодежь нового рабочего класса в возрасте от 15 до 29 лет, проживающая на территории УрФО. Обоснована необходимость использования целевой многоступенчатой выборки по четырем объективным критериям: возраст (три возрастные группы, соответствующие периодизации возрастных когорт в официальной статистике РФ: 15–19; 20–24; 25–29 лет); пол; место жительства (город/село в соотношении 80/20 % в соответствии с распределением населения в УрФО); сфера занятости (реальный сектор экономики/сервис).

Расчет выборочной совокупности показал необходимость опроса 1 500 респондентов: по 500 человек в каждой из выделенных возрастных групп в соответствии со статистическими данными по остальным трем признакам (опрошено 1 534 респондента). Для количественного исследования отобраны три города (Екатеринбург, Тюмень, Курган) и типичные сельские

поселения в этих областях. Определен необходимый минимум для опроса экспертов в количестве 100 респондентов. В ходе биографического интервью опрошены 31 информант в соответствии с выбранными характеристиками объекта. Инструментарий и технологии опросов разработаны коллективом по реализации проекта «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса в современной России» при участии авторов статьи.

В нашем эмпирическом исследовании мы пытались выявить, насколько данные трансформации оказывают влияние на реальное жизненное самоопределение молодежи, на их жизненные шансы. Анализ реального уровня образования этой части населения чрезвычайно важен для выявления не только «общего портрета» класса, но и в последующем — выявления жизненных стратегий рабочей молодежи.

Результаты и обсуждение

Проблема социальной структуры современной России на сегодняшний день является дискуссионной в социологическом сообществе. Очевидно, что новые социально-экономические реалии порождают формирование новых больших социальных групп, одной из которых является средний класс. Именно проблемы среднего класса на протяжении последних десятилетий привлекали наибольшее внимание исследователей. Вместе с тем наиболее многочисленные социальные группы населения — наемные работники современной России — переместились на периферию исследовательского интереса. Только в последние несколько лет стали появляться работы, посвященные положению и статусу наемных работников, проблемам рабочего класса. При этом рабочие по-прежнему рассматриваются как наемные работники в сфере материального производства, то есть как традиционный промышленный рабочий класс [2—4].

В нашем проекте мы исходили из гипотезы о формировании сегодня нового рабочего класса (НРК), который принципиально отличается как от советского рабочего класса, так и не является возрождением дореволюционного российского пролетариата. Новый рабочий класс в экономическом, социально-политическом и социокультурном аспектах — другой, по сравнению с традиционным, процесс его формирования не закончен, общепринятого определения пока нет. Поэтому мы используем определение понятия нового рабочего класса, сложившееся в ходе теоретического анализа современных западных и российских концепций. «Под новым рабочим классом современной России мы понимаем группу наемных работников, занятых во всех сферах материального производства и сервиса, содержание и характер труда которых рутинизированы, сегментированы; не участвующих в управлении и не имеющих прав собственности на предприятие (организацию), в которой они трудятся. Как правило, это работники без высшего образования. Власть и контроль в организации — им не принадлежат, степень их свободы, полномочия в организационных структурах — ограничена, практически они не влияют планирование, организацию и контроль труда. Ключевым отличием нового рабочего класса становится не его место в системе государственных властных отношений приближенность к источникам централизованного распределения всех ресурсов, а отношение к собственности и участие в управлении на конкретном предприятии» [5].

Социальное положение нового российского рабочего класса принципиально отличается от статуса советского рабочего класса. В советское время рабочий класс позиционировался как «ведущая сила общества», источник всех прогрессивных общественных преобразований и даже критерий общественной морали, а сегодня рабочий класс превращается в реальную социальную группу наемных работников, подвергающийся всем формам эксплуатации и отчуждения и имеющих право бороться с работодателями за улучшение условий своего существования. Обоснование этого подхода изложено в первой и второй главах коллективной монографии «Молодежь нового рабочего класса современной России» [5].

В настоящей статье рассматривается вопрос о роли образования в жизненных планах, представлении о жизненном успехе молодежи нового рабочего класса. В современном

общественном сознании укрепляется миф о доступности высшего профессионального образования для всех социальных слоев современной России. Для этого есть серьезные основания. Действительно, по оценкам исследований в разных регионах страны и на общероссийских выборках, подтверждается, что более 80% выпускников средних школ хотят продолжать свое образование именно в высшей школе. Учитывая демографический спад последних десятилетий, число поступающих в вузы сегодня приближается к числу выпускников средней школы. Однако, как отмечают Д.Л. Константиновский и Е.С. Попова, доступность вузов для выходцев из разных социальных групп остается неравномерной. В их исследовании приводятся данные за 1963–2013 года, характеризующие доступность высшего образования для разных социальных групп и классов.

Приведенная статистика убедительно доказывает, что шансы всех групп росли с годами, но оставались различными для разных социальных групп [6]. По-прежнему высшее образование (ВО) доступно практически всем выходцам из семей руководителей (более 90 % становятся студентами), абсолютное большинство детей специалистов продолжают свое образование в вузах (85 %), практически столько же детей из семей малого бизнеса сегодня имеют возможность для получения этого уровня образования. А вот школьники из рабочего класса и села, удвоив свои жизненные шансы с 30 % в 1963 году до 60 % в 2013 году все-таки остаются самой «слабой» группой в пополнении студенчества. Неравенство жизненных шансов на фоне расширяющихся возможностей сохраняется, хотя и есть незначительная тенденция к их сокращению. Пятьдесят лет назад разрыв между рабочими и специалистами, руководителями в доступе к высшему образованию составлял 50 %, а сегодня он сократился до 30 % [6]. Следовательно, молодежь из рабочей среды по-прежнему имеет все основания повторить жизненный путь своих родителей.

Исследования образовательно-профессиональных траекторий молодых рабочих в современной России позволило Е.Д. Вознесенской и Г.А. Чередниченко выделить три базовые модели: «горизонтальная», «прогрессирующая» и «вертикальная». «Самая распространенная модель — «горизонтальная» (около 60 % опрошенных) — характеризуется невысоким уровнем школьного образования, в основном в объеме неполной средней школы, обучением рабочей специальности в профессиональном училище и на рабочем месте. Они не мотивированы к активному профессиональному продвижению и повышению уровня образования, но и не ориентированы на выход из профессии. Ведущие потребности — в стабильности, гарантированной занятости, социальных льготах и хорошем заработке. Это самые стабильные рабочие кадры» [7].

Вторая группа рабочих, принадлежащая к «прогрессирующей» траектории, меньше первой (27 %), характеризуется большим объемом школьного капитала и более интенсивным накоплением образовательно-профессиональных ресурсов. В этой группе также доминируют молодые люди рабочего происхождения, но среди представителей этой траектории больше молодежи с достаточно высоким квалификационным разрядам. Однако дальнейший профессиональный рост большинства представителей «прогрессирующей» траектории оказывается ограниченным технологическими возможностями производств. В итоге данная траектория частично формирует «стабильных» рабочих, а частично — тех «транзитных», которые реализуют потребность в профессиональном росте путем учебы без отрыва от производства в вузах и учреждениях СПО. «Вертикальная» траектория наблюдается у меньшей части молодых рабочих (16 % опрошенных) [7]. «Типичным для этой модели остается социальное происхождение из рабочих семей... Молодежь, представляющая эту траекторию, формирует сектор наиболее квалифицированной рабочей силы. Большой объем общеобразовательного ресурса стимулирует образовательные амбиции, которые реализуются через получение высшего образования без отрыва от производства. По большей части такая стратегия направлена на выход из профессии рабочего и продвижение к позициям ИТР на своем предприятии, что не означает ухода из промышленной сферы» [7].

Реформы профессионального образования, новые принципы образовательной политики не могут не отразиться на подготовке рабочих кадров. Эти тенденции во многом совпадают с основными трендами развитых западных стран [8–10]. Молодёжь УрФО в целом имеет достаточно высокий уровень образования, среди работающей молодежи большое количество выпускников профессиональной средней и высшей школы [11]. Однако в Курганской, Свердловской и Тюменской области в 2015 году примерно каждый пятый представитель работающей молодежи имел образование «не выше начального». Уровень НПО, тем не менее, является признаком профессионально подготовленной молодежи, позволяющей ее представителям состояться на рынках труда. По сравнению с 2010 годом, к 2015 году намечается тенденция некоторого сокращения среднего уровня образования за счет увеличения доли высшего. По всем субъектам УрФО заметна тенденция увеличения доли экономически активной молодежи, получившей высшее образование. По данным нашего эмпирического исследования, большинство рабочей молодежи имеет профессиональное образование (таблица 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Имеете ли Вы профессиональное образование в той сфере, где сейчас работаете?» (в %, по группам респондентов)

Группы молодежи НРК	Среднее профессиональное образование	Незаконченное высшее образование	Высшее образование	Учатся сейчас по этой профессии	Собираются получить образование по той профессии, по которой сейчас работают	Не имеют профессиональног о образования в этой сфере и не собираются его получать	Итого
		По ге	ндерным	группам		•	
Мужчины	47,2	9,1	8,3	7,9	7,1	20,4	100,0
Женщины	ны 30,9		9,0	9,8	5,6	33,3	100,0
		По во	зрастным	группам	I		
15-19 лет	23,1	23,1 9,5 3,4 16,2 11,3 36,5		36,5	100,0		
20–24 года	42,1	13,9	10,4	7,4	4,1 22,1		100,0
25-29 лет	51,7	7,4	12,2	3,1	3,7	21,9	100,0
	Групп	ы респонд	ентов по	сфере де	ятельности		
Промышленность	48,3	7,9	9,4	7,4	7,6	19,4	100,0
Сфера услуг	31,5	12,1	8,1	10,1	5,2	33,0	100,0
Группы респондентов по территории проживания							
Город	36,0	11,4	8,4	9,8	7,0	27,4	100,0
Село	49,0	6,6	9,6	5,8	4,1	24,9	100,0
В целом по массиву опрошенных	39,1	10,2	8,7	8,9	6,3	26,8	100,0

Наличие профессионального образования и его уровень необходимо сопоставить с данными о соответствии профиля полученной специальности со сферой занятости и должностью. Так, среди городской молодежи НРК 76,2 % указали, что имеют профессиональное образование в той сфере, где сейчас работают, а среди сельской молодежи таковых оказалось 23,8 %. Оценки экспертов по этому вопросу не противоречат оценкам рабочей молодежи: по их наблюдениям, чуть больше 30 % занятых не имеют сегодня профессионального образования, соответствующего профилю работы. При этом очень важен факт, что примерно одинаковое число работников имеют образование на уровне СПО и ВО (на уровне 42–45 %). Совпадение сферы деятельности и образовательного направления — важнейшее условие успешной профессиональной деятельности. Но и эти данные не являются основанием для утверждения о достаточной квалификации молодежи нового рабочего класса

и успешности деятельности системы подготовки рабочих кадров. Достаточно сравнить их с ответами на вопрос «Где Вы получили профессию, по которой сейчас работаете?».

Распределение ответов респондентов подтверждает общую закономерность о несовпадении образования (полученной профессии) и реальной занятости молодежи. Половина опрошенных рабочих (51,2 %) указали, что получили профессию в училище, колледже, вузе; 47,4 % — на рабочем месте. Таким образом, завершив образование, получив профессию, молодежь на рабочем месте переучивается или «добирает» профессиональные компетенции, не предусмотренные в процессе институционального систематического образования. Вероятно, в силу большей ограниченности рынков труда и меньшего разнообразия предлагаемых на нем профессий, среди сельской молодежи процент совпадений профессиональной подготовки и работы — больше, только 33,6 % обучались своей нынешней работе прямо на рабочем месте. Можно предположить и наличие большого разрыва между профильностью профессионального образования и выполняемой работой в сфере сервиса, где доля работников с высшим образованием среди рабочих выше, чем в промышленности и реальном секторе экономики [1].

Массовизация высшего образования привела не столько к дифференциации учебных заведений, разделению их на «хорошие» и «плохие», сколько к осознанию факта, что разные вузы выдают разную «продукцию». В одних учебных заведениях происходят социализация и приращение человеческого капитала, а в других — социализация и производство «свидетельств о пребывании». Последние и являются поставщиком кадров НРК для системы обслуживания, социального сервиса. Для работодателя наличие диплома о высшем образовании в этом случае является сигналом о завершенной социализации работника, его социальной компетентности, наличии навыков коммуникации и достаточной адаптивности.

В современных российских исследованиях отмечается парадоксальный факт: россияне в большинстве своем довольны качеством полученного ими конкретного образования, однако в целом недовольны качеством отечественного образования как общего, так и профессионального. Вот некоторые примеры оценки профессионального образования нашими информантами:

Егор, 29 лет, менеджер по лизингу: «Ни разу не пожалел... только из-за таких классных одногруппников и замечательных преподавателей стоило там учиться» (ВО, религиоведение).

Евгений, 26 лет, повар: «Профессиональные дисциплины я очень любил — база тогда уже хорошая была: плиты там хорошие, я таких раньше и не видал! И педагоги классные были — многому научили, потом, когда работать начал, многому ещё научился. Но основные знания, которые сейчас использую на работе, получены в техникуме» (СПО, работает по полученной специальности).

Дмитрий, 21 год, техник по радионавигации: «Преподаватели были большие специалисты, они ездят на космодром на Байконур и учат людей там как правильно работать, у нас были академики, ученые. Преподавательский состав был очень сильный» (СПО, сейчас ВО по специальности заочно).

Александр, 28 лет, менеджер по продажам автомобилей: «В вузах нет практики от слова "совсем", в том числе и производственной — это никому не нужная фикция, поэтому всё чаще наблюдается тенденция среди руководителей предприятий по развитию определенных компетенций у своих сотрудников для возможного роста по карьерной лестнице внутри своего предприятия» (неоконченное техническое ВО).

Противоречивость оценок профессионального образования может быть вызвана (и практически совпадает) с мотивацией выбора профессии, образовательного учреждения. По данным нашего исследования, менее 40 % молодежи осуществили свой выбор осознанно, не под влиянием внешних обстоятельств, а исходя из собственных представлений о профессии и желании заниматься ею (рисунок 1). Несмотря на явные противоречия, недостатки в работе

современной профессиональной школы, ценность профессионального образования и образования вообще сохраняется в общественном сознании, более 60 % респондентов уверены, что без профессионального образования сегодня невозможно добиться успеха в жизни (рисунок 2).

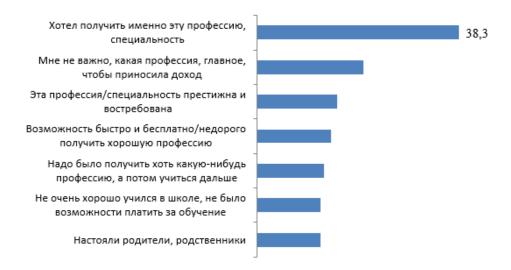

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос «Если у вас есть профессиональное образование, то почему Вы выбрали именно эту профессию, специальность?» (в % по массиву опрошенных, варианты ответов ранжированы в порядке убывания)

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, какой уровень образования необходим сегодня, чтобы достичь успеха в жизни?» (в % по массиву опрошенных, ранжировано по мере уменьшения доли ответов)

Вот как описывает роль образования в социальной мобильности, в достижении жизненного успеха один из наших информантов:

Антон, 26 лет, рабочий сцены: «Образование сегодня — это площадка, с которой ты сможешь достичь успеха. Если раньше была концепция лестницы: образование — это первая ступень, семья — вторая ступень в том, что помогает тебе дойти до успеха, то сейчас скорее обучение и семья — площадка под твоими ногами, которая дает тебе возможность допрыгнуть, дотянуться до успеха».

Мнения экспертов о роли высшего образования, его влиянии на жизненный успех рабочей молодежи гораздо пессимистичней. Только 31,5 % из них связывают представление о

жизненном успехе с высоким уровнем образования. Большая часть полагает, что «для достойной жизни достаточно иметь надежную профессию» и еще четверть опрошенных экспертов вообще не усматривает прямой связи между этими понятиями. 24,1 % экспертов согласны с тем, что «уровень образования не имеет значения, важно устроиться на хорошую работу». Возможно, жизненный опыт и практика взаимоотношений с рабочей молодежью позволяет экспертам увидеть реальные возможности молодежи НРК в социальной мобильности, адекватно оценивать ее каналы.

Образовательные намерения работающей молодежи подтверждают устойчивость ценности образования в молодежной среде. Почти половина наших респондентов имеет образовательные планы, они не считают свое образование завершенным и хотят получить другую квалификацию или повысить имеющуюся. Если сравнить, 50,8 % опрошенных, не имеющих намерений дальнейшей учебы в учреждениях профессионального образования, с данными по уровню образования и мотивации выбора профессии, то окажется, что более половины рабочей молодежи сегодня правильно выбрали свой жизненный путь и, по существу, составляют основу, стабильную часть нового рабочего класса.

Ожидаемым результатом является большая устойчивость в группе промышленных рабочих: 54,7 против 47,7 % в группе сервиса считают свое образование завершенным. Особенно показательно это по отношению к высшему образованию. Так, среди промышленных рабочих 15,6 % хотят получить высшее образование, не связанное с их нынешней работой, а среди работников сервисной сферы таких — 24,6 %. При этом надо учесть, что уровень образованности в сервисе выше, чем у рабочих реального сектора экономики. Многие сотрудники сервиса, уже имея высшее образование, оказываются на рабочих местах не по профилю обучения. Здесь возможная мотивация получения высшего образования связана с большим разбросом: от возможности получить образование по профилю работы и сделать карьеру в этой сфере, до неудовлетворенности ни своей настоящей работой, ни перспективами роста в ней, ни необходимостью получить другую профессию.

Существенных гендерных различий по этому вопросу не выявлено, а вот возраст респондентов оказывает на образовательные планы молодежи наибольшее влияние. Здесь важными представляются результаты мотивации роста в той профессии, которой респонденты заняты в настоящее время. Во всех возрастных группах есть такие респонденты (в группе 15—19 лет таковых 22,4 %; в группе 20—24 года — 20,1 %, в группе 25—29 лет — 12,8 %), которые намерены получить высшее образование по профилю своей нынешней работы. Еще некоторая часть (3,9, 3,6 и 3,1 % по этим возрастным группам) хотят получить профессию в колледже. Столь низкий процент, на наш взгляд, объясняется тем, что большая часть респондентов уже имеет образование на уровне СПО. Таким образом, профессионально состоявшимися можно с уверенностью называть только каждого пятого молодого рабочего, именно они и составят ядро нового рабочего класса. Учитывая, что более половины опрошенных считают свои образовательные траектории завершенными, намерены остаться в профессии, можно утверждать об устойчивости рассматриваемого социального класса — нового рабочего класса.

Ценность школьных знаний как основы для продолжения образования, выбора и получения профессии практически не осознавалась по оценкам респондентов. По результатам биографического интервью, почти все информанты признались, что в средней школе они учились весьма средне, в основном на тройки, и по некоторым предметам имели четверки. Абсолютное большинство информантов не отличались на уровне средней школы ни прилежанием, ни особыми успехами в овладении учебной программой. Большинство из них признавалось, что учились они либо средне, либо вообще плохо. Школьная программа им была неинтересна, в числе любимых предметов назывались дисциплины, которые им просто «нравились». При этом только несколько человек мотивировали свое отношение к учебе плохими отношениями с одноклассниками, напротив, практически все говорили о прекрасных отношениях, о совместном времяпрепровождении, школьной дружбе и веселой жизни в этот

период. Гораздо чаще встречался мотив отторжения школьного обучения из-за конфликтов с учителями, недовольства ими. На вопрос о школьных предметах, которые им нравились в школе, называли разные гуманитарные и естественные предметы, но никто из них не планировал свое профессиональное будущее в связи с этими дисциплинами.

Как правило, мотивация такого выбора была связана либо просто с интересом к данной сфере, либо с «хорошим» учителем. Никто из информантов не признал, что не справлялся со школьной программой, но практически все признавали свое нежелание учиться, «лень», отсутствие мотивации на школьные успехи, «дворовой» занятостью, подростковыми компаниями. Косвенным показателем более глубоких причин отсутствия успешности школьного обучения, чем те, что называли большинство респондентов, служит анализ семейного образовательного статуса. Как правило, информанты из семей, где хотя бы один из родителей имел высшее образование, описывали свое отношение к школьному обучению и выбору учреждения для профессионального обучения в категориях личностной ответственности, выражали сожаление о незавершенном образовании или неправильном начальном профессиональном выборе. Молодежь из семей с низким образовательным статусом личный опыт связывала только с внешними причинами: «плохими» учителями, затруднениями материального характера в получении профессионального образования, «бессмысленностью» для достижения жизненного успеха в современной России хорошего качественного образования.

Еще одним подтверждением этого вывода служат серьезные затруднения в ответах на вопросы о каких-то достижениях информантов в школьные годы. Большинство информантов из традиционного рабочего класса утверждали, что школу они не любили, считали школьное образование, во многом, ненужным: «Оно ничего не дает для жизни». Будучи взрослыми, работающими людьми из сегодняшнего опыта они не видят причину своего нынешнего положения в собственном отношении к образованию, как к общему, так и профессиональному. Никто из них не сказал, что хотел бы изменить в своем прошлом свое отношение к учебе, образованию, что хотел бы лучше учиться в школе, получить более престижную специальность, получить более высокое образование. Таким образом, оценивая свои стартовые позиции в образовательной траектории, информанты ни в содержании образования, ни в укреплении социальных связей не видели в своем школьном опыте фундамента ни будущей профессиональной идентичности, ни перспектив личностного роста. Результаты нашего исследования соответствуют данным других социологических проектов по оценке российского образования, его качества и престижности: «Образование вообще не выполняет роль социального лифта. Социальное положение и престиж человека в нашем обществе определяется владением деньгами и другими материальными ценностями; обладанием властью, связями с нужными людьми» [12].

Выводы

Несмотря на декларируемое устойчивое положительное отношение к образованию, уважительное отношение к образованным людям, сохраняющееся в новом поколении, личностная значимость образования невелика. Сохранение в общественном сознании факта престижности, ценности образования никак не влияет на личные жизненные планы, даже на профессиональный выбор молодежи нового рабочего класса. В личностном самоопределении представители этого класса ориентируются на другие ценности, среди которых образование далеко не в приоритете.

Однако надежды на профессиональное образование как надежный жизненный фундамент, несмотря на личный, в том числе негативный, опыт, сохраняются у большей части молодежи нового рабочего класса. Вместе с тем, расширение роли образования в жизненных планах рабочей молодежи вряд ли можно с уверенностью прогнозировать, хотя декларативно престиж образования, образованности сохраняется в общественном сознании.

Профессионально состоявшимися можно с уверенностью называть только каждого пятого молодого рабочего, именно они и составят ядро нового рабочего класса. При этом более половины нового поколения рабочего класса считают свои образовательные траектории завершенными, намерены остаться в профессии, следовательно, можно утверждать об устойчивости рассматриваемого социального класса — нового рабочего класса.

Благодарности

Статья выполнена при поддержке гранта РНФ № 17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса современной России».

Библиографический список

- [1] Гаврилюк В.В. Профессиональное самоопределение молодежи нового рабочего класса // Экономика. Социология. Политика. 2019. № 1. С. 43–49.
- [2] Забелин К.Л. Рабочий класс и современное общество (теоретические, мировоззренческие и методологические подходы к изучению проблемы // Власть. − 2011. − № 1. − С. 8–12.
- [3] Каравай А.В. Человеческий капитал потомственных российских рабочих // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 6. С. 107–124.
- [4] Митягина Е.В. Ресурсность российских рабочих: противоречия индустриальной и информационной модернизации // Петербургская социология сегодня. Сборник научных трудов. 2014. № 5. С. 72–106.
- [5] Гаврилюк Т.В., Гаврилюк В.В., Бочаров В.Ю., Маленков В.В., Грошева Л.И., Кондратьева А.Д. Молодёжь нового рабочего класса современной России. Молодёжь нового рабочего класса современной России: коллективная монография. Москва: ФЛИНТА, 2019. 392 с.
- [6] Константиновский Д.Л., Попова Е.С. Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 37-48.
- [7] Чередниченко Г., Вознесенская Е. Высшее образование в профессиональных траекториях молодых рабочих // Вопросы образования. 2013. № 4. С. 40–58.
- [8] Степанов А.А. Государственная политика в сфере подготовки рабочих кадров: основные тренды и приоритетные направления // Вестник СГСЭУ. 2018. Т. 2, № 71. С. 105–108.
- [9] Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Рабочая молодежь России: количественное и качественное измерения. Москва: ЦСИ, 2013. 277 с.
- [10] Пахомова Е.А., Овчинников В.А., Пальянов М.П, Лаптев И.Д., Бибик В.Л., Морозова М.В. Взаимосвязь профессионального образования и занятости молодежи в Западной Европе и России // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2014. Т. 3, № 15. С. 6—13.
- [11] Бочаров В.Ю., Гаврилюк В.В., Гильтман М.А. Современное положение молодежи «нового рабочего класса» на рынке труда УРФО // Уровень жизни населения регионов России. 2018. Т. 4, № 210. С. 42–54.
- [12] Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 80-х середина 2010-х годов) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. Москва: ЦСП и М., 2016. 367 с.

References

- [1] Gavriliuk, V.V. (2019). New working-class youth professional self-determination. *News from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, 1, 43–49.
- [2] Zabelin, K.L. (2011). The working class and modern society (theoretical, philosophical and methodological approaches to the study of the problem. *Power*, 1, 8–12.

- [3] Karavay, A.V. (2016). The human capital of hereditary Russian workers. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 6, 107–124.
- [4] Mityagina, E.V. (2014). The Resource of Russian Workers: Contradictions of Industrial and Information Modernization. *Petersburg Sociology Today*, 5, 72–106.
- [5] Gavrilyuk, T.V., Gavrilyuk, V.V., Bocharov, V.Yu., Malenkov, V.V., Grosheva, L.I., & Kondratyeva, A.D. (2019). *The new working class youth of modern Russia*. Moscow: FLINTA.
- [6] Konstantinovsky, D.L., & Popova, E.S. (2015). Youth, the labor market and the expansion of higher education. *Sociological Studies*, 11, 37–48.
- [7] Cherednichenko, G., & Voznesenskaya, E. (2013). Higher education in the professional trajectories of young workers. *Issues of Education*, 4, 40–58.
- [8] Stepanov, A.A. (2018). State policy in the field of workers' training: main trends and priority areas. *Bulletin of SSESU*, 2(71), 105–108.
- [9] Konstantinovsky, D.L., Voznesenskaya, E.D., & Cherednichenko, G.A. (2013). *The working youth of Russia: quantitative and qualitative measurements*. Moscow: CSI.
- [10] Pakhomova, E.A., Ovchinnikov, V.A., Palyanov, M.P., Laptev, I.D. Bibik, V.L., & Morozova, M.V. (2014). The relationship of vocational education and youth employment in Western Europe and Russia. *Vocational Education in Russia and Abroad*, 3(15), 6–13.
- [11] Bocharov, V.Yu., Gavrilyuk, V.V, & Giltman, M.A. (2018). The current situation of young people of the "new working class" in the labor market of the Ural Federal District. *Living Standards of the Population of the Regions of Russia*, 4(210), 42–54.
- [12] Toshchenko, J.T. (Ed.) (2016). *The life world of Russians: 25 years later (late 80s mid 2010s)*. Moscow: TsSP and M.

Получена / Submitted: 12/01/2020 Доработана / Revised: 03/02/2020

Принята к публикации / Accepted: 10/02/2020

УДК 316.628-053.9

ПЕРСПЕКТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧАСТИЯ В УПРАВЛЕНИИ РАЗВИТИЕМ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ГЕРОНТООБРАЗОВАНИЯ В РФ

Геннадий Геннадьевич Сорокин¹

¹Кафедра бизнес-информатики и математики, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме повышения образовательного уровня старшего поколения россиян. Автор подчёркивает важность развития программ образования геронтов в связи с реализацией в стране пенсионной реформы. В работе обосновывается целесообразность привлечения ресурсов уже функционирующих в России проектов неформального образования пожилых граждан для решения актуальных государственных задач. Приводятся аргументы необходимости участия государства в процессах функционирования и развития национальной сети проектов геронтообразования РФ. Даётся обзор моделей взаимодействия государства с национальными системами геронтообразования, сформировавшихся за рубежом. Определяется модель, оптимальная для сложившихся в России социально-экономических и культурных условий. Выводы автора опираются на анализ научных публикаций, отражающих состояние образования пожилых граждан в РФ и мире, а также на результаты собственных многолетних исследований. Статья содержит рекомендации по выработке мер реализации потенциала национальной системы проектов геронтообразования РФ как инструмента социального управления, которые могут быть полезны органам государственной власти различного уровня.

Ключевые слова: образование пожилых людей, социология образования, социология управления, демографическое старение.

Prospects for the State Participation in Managing the Development of the National Elderly Citizens Education System in the Russian Federation

Gennady G. Sorokin¹

¹Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the problem of elderly people education in Russia. The author notes the importance of developing educational programs for geronts in connection with the implementation of the pension reform. The article substantiates the feasibility of attracting non-formal education projects for senior citizens to solve pressing state problems. The arguments of state participation in the development of the national network of geront education are given. The article gives an overview of the interaction models between the state and the national system of geront education which formed in different countries. The optimal model for Russian socio-economic and cultural conditions is determined. The author's conclusions are based on an analysis of scientific publications reflecting the state of education of senior citizens in the Russian Federation and the world, as well as on the results of his own research. The article provides recommendations on the realization the potential of senior citizens education projects as an instrument of social management. The material of the article may be useful to government bodies of various levels.

Keywords: education of the elderly, sociology of education, demographic aging.

Введение

Повышение нижней границы пенсионного возраста в Российской Федерации уже в ближайшее время послужит причиной значительного увеличения на рынке труда лиц в возрасте старше 55 лет. Но при этом следует также ожидать и роста безработицы в данной категории субъектов

экономики. Низкая квалификация и отсутствие доступа к актуальному образованию значительно ограничивает список вакансий, на которые могут претендовать пожилые соискатели. Их шансы в предстоящей конкурентной борьбе с молодыми, но низкоквалифицированными мигрантами заведомо невысоки [1]. Обозначенная проблема оказываются напрямую связанной с проблемой повышения образовательного уровня старшего поколения россиян. Данный факт в полной мере осознаётся как научными кругами, так и руководством страны [2; 3].

В настоящее время министерством труда и социальной защиты РФ разрабатываются программы повышения квалификации старшего поколения россиян, на реализацию которых предполагается выделять 5 миллиардов рублей в год [4]. Учитывая масштабы описанной проблемы, логично использовать для её решения все возможные средства. В частности, наряду с формированием новых институтов, целесообразно задействовать ресурсы уже сложившихся структур, ориентированных на массовое образование граждан третьего возраста. К числу таких структур можно отнести учреждения неформального образования старшего поколения.

Главной целью данной статьи является научное и эмпирическое обоснование целесообразности участия органов государственной власти в процессах функционирования и развития национальной системы геронтообразования $P\Phi$, её ориентации на решение актуальных государственных задач.

Материалы и методы

Теоретической базой представленной статьи являются публикации зарубежных авторов, исследующих текущее состояние, проблемы и перспективы развития проектов неформального образования пожилых граждан (Х. Мискес, Д. Баттерсби, Э. Бобольц-Лутц, Ф. Гленденнинг, Ф. Диттманн-Коли, О-Ф. Боллнов, П. Ветцель, С. Миллер, К.Х. Вунш), а также их российских коллег (О.В. Агапова, Э.Е. Чеканова, Л.И. Савинов, В.Д. Парубина О.В. Архипова, З.Н. Сафина, Н.П. Литвинова, Г.А. Ключарев, Т.М. Кононыгина).

Основным исследовательским методом выступал метод анализа документов. На основании изучения печатных интернет-источников автором сформирован И информационный массив, характеризующий деятельность более российских образовательных проектов для представителей старшего поколения. Выводы, представленные в статье, строятся на основе сопоставления таких характеристик проектов, как тип организации-учредителя, основное направление работы, финансовая и кадровая база, форма реализации проекта, пропускная способность.

Проекты геронтообразования реализуются в России с начала 90-х годов прошлого века. В настоящее время на постоянной основе функционирует более 250 проектов, обучение в граждан. 2 000 которых ежегодно проходит около Совокупность геронтообразования на сегодняшний день является ведущим агентом повышения образовательного уровня геронтов в РФ [5]. Российское геронтообразование решает, главным образом, задачи просвещения, социальной адаптации и социальной инклюзии старшего поколения. Но, основываясь на собственных многолетних исследованиях и на анализе работ других авторов, мы можем утверждать, что национальная система геронтообразования может также взять на себя часть нагрузки по повышению профессиональной квалификации граждан старшего возраста. Так, на базе уже функционирующих учреждений геронтообразования вполне могли бы быть реализованы следующие категорий образовательных программ:

- краткосрочные профессиональные курсы, предполагающие государственную аттестацию (курсы охранников, продавцов, лифтёров и другие);
- профессиональные курсы без государственной аттестации (курсы сиделок, нянь, сотрудников call-центров, кондукторов общественного транспорта и так далее);

- программы, нацеленные на формирование знаний и навыков, повышающих шансы на трудоустройство (курсы компьютерной грамотности, иностранного языка, делового общения);
- программы, содействующие процессу поиска работы (программы профориентации; курсы, раскрывающие юридические аспекты трудоустройства; психологические курсы, формирующие установки и поведение, необходимое для поиска работы).

Результаты и обсуждение

Полноценная реализация потенциала геронтообразования в направлении содействия экономической активности пожилых россиян возможна только в случае активного участия государства в процессах его функционирования и развития, выработки государственной стратегии и механизмов управления национальной системой неформального образования геронтов. К сожалению, в настоящее время геронтообразование в России функционирует и развивается практически независимо от государства и не является объектом государственного управления. Отчасти такая ситуация объясняется тем, что проекты геронтообразования в РФ традиционно создаются энтузиастами, их существование предполагает абсолютную автономность и самодостаточность: от поиска средств на реализацию образовательных мероприятий — до определения целей и задач функционирования проекта. Неудивительно, что эти цели и задачи зачастую никак не ориентируются на решение злободневных государственных проблем.

Но более веской причиной отсутствия контроля процессов функционирования и развития геронтообразования в России со стороны государства, на наш взгляд, является недооценка органами власти потенциала проектов неформального образования геронтов, и, соответственно, отсутствие интереса государственных структур к установлению какого-либо управляющего воздействия над их деятельностью.

Рассуждения о том, как должны быть выстроены взаимоотношения государства с национальной системой геронтообразования, целесообразно начать с анализа ситуации, которая сложилась к настоящему моменту. Изучение финансовой базы проектов геронтообразования показывает, что в России именно органы государственной власти являются главными учредителями и спонсорами проектов неформального обучения геронтов. Это объясняется тем, что пожилые граждане являются самой многочисленной и самой активной частью российского электората. Поддержка специализированных образовательных проектов нередко выступает частью предвыборных программ государственных чиновников, а, точнее, политических партий, которые они представляют. На рисунке 1 представлено соотношение проектов геронтообразования, функционирующих при поддержке разных учредителей, а также соотношение количества участников данных проектов.

Эмпирические данные свидетельствуют, что органы государственной власти на протяжении всей истории российского геронтообразования никогда не курировали более 4 % образовательных проектов. Но при этом, реализовывающиеся с их поддержкой образовательные программы оказывались самыми масштабными по охвату слушателей. Проекты, поддерживаемые органами власти, демонстрируют самую высокую пропускную способность, а также самые быстрые темпы роста данного показателя (таблица 1).

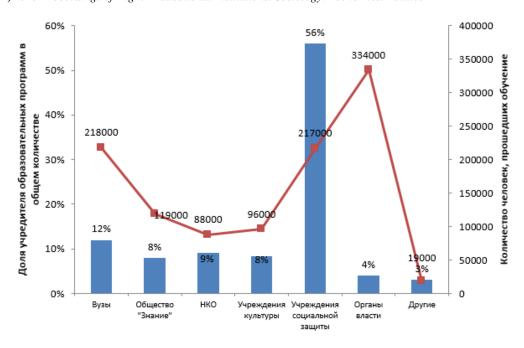

Рисунок 1. Сопоставление долей организаций-учредителей программ геронтообразования в РФ с количеством слушателей, прошедших курс обучения с 1991 по 2017 года

Таблица 1. Пропускная способность учредителей проектов геронтообразования по данным на 2011 и 2017 год

Vina vivra vi /avavaan vina avira	Количество слушателей, обученных за 1 год				
Учредитель/спонсор проекта	1990–2011 года	2012–2017 года			
Вузы	399	649			
Общество «Знание»	196	531			
НКО	188	349			
Учреждения культуры	255	429			
Учреждения социальной защиты	112	138			
Органы власти	1 878	2 982			

Поскольку финансовая поддержка проектов вне всяких сомнений является важнейшим фактором их деятельности, можно констатировать, что в РФ государство уже, в некоторой степени, является субъектом управления институтом геронтообразования. Его масштабы значительны и охватывают почти треть обучающихся пожилых. Но эффект от данного управленческого механизма минимален. Это объясняется следующими обстоятельствами. Вопервых, чаще всего поддержка проектов рассматривается не в контексте финансовых а в контексте социальной ответственности и гуманитарной Финансирование не преследует определённых целей, управленческая задача состоит в том, чтобы обеспечить выживание конкретного социального проекта. Во-вторых, у органов власти, поддерживающих программы геронтообразования, нет общей стратегии. В-третьих, практически всегда финансовая поддержка адресована отдельным «подшефным» проектам, результаты такой управленческой меры не оказывают влияние на функционирование всей сети геронтообразования. Таким образом, сегодня в России у государства не сформировалось опредёлённой позиции относительно взаимодействия с национальной системой проектов неформального образования пожилых, но «неосознанно» государство поддерживает значительный сегмент отечественного геронтообразования.

Учреждениями геронтообразования РФ накоплен большой и уникальный опыт обучения пожилых граждан в специфических социально-экономических и культурных условиях страны [6]. Специализированные образовательные проекты обладают значительной кадровой

и материальной базой. Всё это позволяет чрезвычайно высоко оценить потенциал национальной сети геронтообразования РФ как инструмента решения актуальных государственных задач. Для реализации данного потенциала требуется выработка общих принципов взаимодействия государства с совокупностью функционирующих в стране практик образования геронтов, формирование модели взаимодействия государства и национальной системы геронтообразования. Во многих зарубежных странах, где проекты геронтообразования реализуются не одно десятилетие, а сам феномен образования в пожилом возрасте не воспринимается как нечто экзотическое, такие модели уже сформировались. Проведённые нами исследования позволяют сделать вывод о существовании следующих моделей взаимодействия государства и национальной системы геронтообразования. Их название можно условно связать со странами, для которых данные модели характерны. Ниже представлена их краткая характеристика.

Модель Южной Кореи. В этой стране государство берёт под свой контроль все вопросы, связанные с образованием старшего поколения, включая финансирование проектов. Данная позиция государства зафиксирована в законодательстве. Центры непрерывного образования открыты почти в каждом населённом пункте. Ежегодно в них участвует более 40 000 слушателей. Образовательные программы в основном нацелены на восполнение пробелов в базовом уровне образования пожилых граждан, а также на их просвещение. В некоторых специализированных учреждениях учащимся даже присваивается магистерская степень [7]. В рамках данной модели государство поддерживает развитие национальной системы геронтообразования не только на уровне законодательства. Оно принимает активное и непосредственное участие в реализации практик обучения лиц третьего возраста.

Модель Великобритании. В Соединённом Королевстве на базе 850 университетов третьего возраста ежегодно обучается около 300 000 человек [8]. Обычно образовательные проекты возникают по индивидуальной инициативе в пределах локального сообщества. Университеты третьего возраста являются самодостаточными и самоорганизующимися структурами. Bce организационные вопросы (содержание занятий, привлечение преподавателей, аренда помещений и тому подобное) решает управляющий комитет. Данный орган формируется из учащихся на выборной основе. Функции преподавателей зачастую выполняют сами учащиеся, а занятия могут проходить даже в частных домах. Университеты функционируют исключительно за счёт средств слушателей. В Великобритании существует патронатная организация «Траст третьего возраста», консолидирующая все британские проекты геронтообразования. Траст состоит из представителей университетов всех регионов страны. Он определяет руководящие принципы и практики, которых рекомендуется придерживаться университетам третьего возраста. Главными задачами траста является открытие новых образовательных учреждений, освещение в СМИ деятельности образовательных центров, разработка методической литературы и образовательных онлайнкурсов [8]. Таким образом, система геронтообразования Соединённого Королевства абсолютно независима от государства и другого внешнего субъекта управления. Она является самоорганизующейся и самоуправляемой структурой.

Модель континентальной Европы. Данный тип взаимодействия характерен для большинства стран Западной Европы. Государственная политика в отношении геронтообразования здесь неоднозначна. С одной стороны, в законодательствах представлены нормативные акты, направленные на поддержку образовательной активности геронтов. С другой стороны, здесь нет практики непосредственной и систематической поддержки образовательных проектов со стороны государства. Политика европейских стран, в отношении образования старшего поколения — это результат взаимодействия политики в отношении пожилых и политики по образованию взрослых [9].

В то же время, нельзя не отметить, что сегодня программы образования старшего поколения в Европе не только активно развиваются, но и определяют мировые тенденции

геронтообразования. Успехи европейских стран во многом объясняются высокой социальной активностью их граждан. Пожилые европейцы зачастую самостоятельно решают все вопросы по организации и реализации образовательных проектов [10]. Возможности государства по управлению национальными системами геронтообразования являются здесь существенно ограниченными, так как образовательные проекты не зависят от государственных институтов. Но госструктуры могут предоставлять избирательную финансовую поддержку отдельным категориям проектов и, таким образом, влиять на различные характеристики национальных систем геронтообразования.

В большинстве случаев финансируется только две категории образовательных проектов: проекты, в которых образование является своеобразной гуманитарной помощью, и проекты, ориентированные на решение актуальных социальных задач. В качестве примера проектов первого рода можно привести летние школы «Пенсия и будущее», открытые в Голландии на базе народных университетов при поддержке Министерства благополучия, здоровья и культуры [7]. Примером проектов второго рода могут служить образовательные мероприятия, нацеленные на повышение информационной культуры и компьютерной грамотности геронтов, которые реализовывались в конце 90-х годов прошлого века в ФРГ по инициативе Федерального Министерства по делам женщин, семьи, пожилых и молодёжи [8].

Таким образом, для модели континентальной Европы характерно взаимодействие государственных институтов и систем геронтообразования по принципу «не мешай». Государство формирует нормативную базу, устраняющую все препятствия для развития в стране программ образования старшего поколения, но непосредственно в этот процесс не вмешивается [11]. При этом органы государственной власти имеют возможность использовать потенциал национальных систем геронтообразования для решения задач социального управления путём стимулирования отдельных направлений их деятельности.

Различия, которые обнаруживаются в представленных выше моделях взаимодействия государства с национальными системами геронтообразования, вовсе не являются основанием для критики какой-либо из моделей. Каждая из них является оптимальной для конкретных социокультурных и экономических реалий. Учитывая невысокую социальную активность пожилых россиян, можно констатировать, что модель Великобритании в условиях нашей страны вряд ли имеет будущее. Южнокорейская модель также не в полной мере подходит России, так как предполагает разработку национальной системы геронтообразования «с нуля». Принимая во внимание достижения и современное состояние отечественной системы геронтообразования, такой подход нельзя признать рациональным.

Мы считаем, что модель континентальной Европы является наиболее близкой для российской действительности. Национальная система геронтообразования РФ схожа по своей организации с западноевропейскими системами. Она функционирует как сетевая структура независимо от государства или какого-либо другого субъекта управления [12]. В связи с этим при выработке государственной политики управленческого воздействия на российскую систему геронтообразования, целесообразно в первую очередь учесть опыт европейских стран. Существенным различием является то обстоятельство, что в странах континентальной Европы государство, хотя и в не явной форме, но оказывает управленческое воздействие на национальные сети геронтообразования. В нашей же стране фактически можно говорить о существовании сети проектов образования пожилых граждан как потенциального объекта социального управления, для которого отсутствует управляющий субъект.

Выводы

Итак, в условиях интеграции в производственно-экономическую сферу российского общества всё большего числа пожилых граждан чрезвычайную значимость приобретает задача повышения образовательного уровня старшего поколения россиян. В комплексе мероприятий,

предпринимаемым государством для её решения, целесообразно задействовать ресурсы уже функционирующих проектов неформального образования геронтов.

В России сегодня имеется ряд причин, обуславливающих целесообразность принятия на себя государством функций управления национальной сетью геронтообразования:

- в РФ уже сложилась сеть геронтообразования. Она функционирует и динамично расширяется, охватывает все регионы страны и вовлекает в себя всё большее число граждан. Это практически готовый инструмент социального управления, который не требуется создавать «с нуля», достаточно только научиться реализовывать его потенциал;
- при адекватном управленческом воздействии на систему геронтообразования (её отдельные элементы) она может превратиться в инструмент решения широкого круга злободневных для российского общества проблем;
- подавляющее большинство специализированных образовательных проектов в нашей стране реализуется на базе учреждений, в той или иной степени контролируемых государством (вузы, культурные центры, учреждения соцзащиты и так далее) или функционирует при поддержке региональных и муниципальных властей. Таким образом, в России государство имеет возможность воздействовать на значительный сегмент сети геронтообразования, задействуя при этом только административный ресурс.

Для ориентации национальной системы геронтообразования на актуальные задачи социального управления необходимо формирование чёткой модели взаимодействия государства с совокупностью функционирующих в стране образовательных проектов. Наиболее близкой к российской действительности является западноевропейская модель взаимодействия, в соответствии с которой, государство изыскивает различные механизмы стимулирования тенденций саморазвития национальной сети геронтообразования, ориентируя процессы её функционирования и развития в определённом направлении. Участие процессах функционирования государства И развития национальной геронтообразования положительно скажется не только на количественных показателях специализированных образовательных проектов, но также существенно повысит их качество, экономическую и социальную эффективность.

Библиографический список

- [1] Eakin T., Witten T.M. Mechanics of population aging and survival // Biogerontology. 2018. Vol. 19, No. 3–4. P. 251–269.
- [2] Соловьев А.К. Социальные последствия повышения пенсионного возраста // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 23–31.
- [3] Савинов Л.И., Бистяйкина Д.А., Соловьева Т.В. Постарение населения и формирование потребности населения в социальных услугах // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. − 2018. − № 8(46). − С. 98–106.
- [4] Гусенко М. А вас просим остаться // Российская газета. Неделя. 2018. Т. 133, № 7596. С. 10.
- [5] Сорокин Г.Г., Фокина Е.Н. Геронтообразование. Институциональный анализ // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2019. № 1. С. 9–16.
- [6] Kromolicka B. Elderly people in the system of academic education // Lifelong learning Proceedings of International Conference. St. Petersburg: Pushkin LSU, 2015. 340 p.
- [7] Кононыгина Т.М. Герагогика: пособие для тех, кто занимается образованием пожилых людей. Орел: Красная строка, 2006. 168 с.
- [8] Миллер С. Образование пожилых людей в Великобритании // Активное долголетие: актуальные тенденции в социальной политике и практике: материалы международной научно-практической конференции. Туймазы: ГУП РБ РИК «Туймазинский вестник», 2015. 238 с.

- [9] Халицкий Е. Обучающая геронтология. Философия обучения пожилых людей // Новые знания. -2000. № 3. C. 46-48.
- [10] Ветцель П. Развитие компьютерного образования пожилых в Мерзебурге // Компьютерное образование пожилых: опыт Европы: сборник материалов / Сост. П. Ветцель. Санкт-Петербург: А.В.К.–Тимошка, 2002. С. 5–13.
- [11] Вунш К.Х. Компьютерная группа самопомощи и Интернет-кафе «50 и старше» // Компьютерное образование пожилых: опыт Европы: сборник материалов / Сост. П. Ветцель. Санкт-Петербург: А.В.К.–Тимошка, 2002. С. 38–42.
- [12] Ferguson N. The square and the tower: Networks and power, from the Freemasons to Facebook. New York: Penguin Press, 2017. 563 p.

References

- [1] Eakin, T., & Witten, T.M. (2018). Mechanics of population aging and survival. *Biogerontology*, 19(3–4), 251–269.
- [2] Soloviev, A.K. (2019). Social consequences of raising the retirement age. *Sociological Studies*, 3, 23–31.
- [3] Savinov, L.I., Bistyaykina, D.A., & Solovieva, T.V. (2018). Aging of the population and the formation of the needs of the population in social services. *News of Higher Educational Institutions. Volga Region. Social Sciences*, 8(46), 98–106.
- [4] Gusenko, M. (2018). And we ask you to stay. Russian Newspaper, 133(7596), 10.
- [5] Sorokin, G.G., & Fokina, E.N. (2019). Education of the elderly. Institutional analysis. *News of Higher Educational Institutions. Sociology. Economy. Politics*, 1, 9–16.
- [6] Kromolicka, B. (2015). *Elderly people in the system of academic education*. St. Petersburg: Pushkin LSU.
- [7] Kononygina, T.M. (2006). Geragogika: A manual for those involved in the education of the elderly. Orel: Krasnaya stroka.
- [8] Miller, S. (2015). Education of the elderly in the UK. In *Active longevity: current trends in social policy and practice: proceedings of an international scientific and practical conference* (pp. 112-120). Tuymazy: State Unitary Enterprise RB RIC Tuymazinsky Bulletin.
- [9] Halitsky, E. (2000). Educational gerontology. The philosophy of teaching the elderly. *New Knowledge*, 3, 46–48.
- [10] Wetzel, P. (2002). Development of computer education of the elderly in Merseburg. In P. Wetzel (Ed.), *Computer education of the elderly: the experience of Europe: collection of materials* (pp. 5–13). St. Petersburg: A.V.K.–Timoshka.
- [11] Wunsch, K.Kh. (2002). Computer self-help group and Internet cafe "50 and older". In P. Wetzel (Ed.), *Computer education of the elderly: the experience of Europe: collection of materials* (pp. 38–42). St. Petersburg: A.V.K.–Timoshka.
- [12] Ferguson, N. (2017). The square and the tower: Networks and power, from the Freemasons to Facebook. New York: Penguin Press.

Получена / Submitted: 27/12/2019 Доработана / Revised: 02/02/2020

Принята к публикации / Accepted: 09/02/2020

УДК 316.4

МОТИВАЦИОННЫЕ КОМПОНЕНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАБОТЫ КОМПАНИИ НА МЕЖДУНАРОДНОМ РЫНКЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Дарья Александровна Лукашевская¹

¹Кафедра социологии знания, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В последние годы много предприятий сертифицируют свои системы управления на соответствие требованиям стандарта ISO9001:2000 с целью повышения качества своей продукции и выхода ее на международный рынок. Но, несмотря на это, их продукция не способна вытеснить с отечественного рынка импортную и очень трудно продвигается на рынки других стран. Решающую роль здесь играет не только качество продукции, но и ее цена. Для решения данной проблемы необходимо повышать уровень производительности труда, и за счет этого уменьшать цену продукции. Повлиять на производительность труда можно путем применения новых технологий, однако не последняя роль принадлежит персоналу. Чтобы Россия осталась индустриальной страной, нужно инвестировать не только в новейшие технологии и современное оборудование, а и в промышленный персонал. Иначе на рынке труда ситуация не только не будет улучшаться в сторону полноценного кадрового обеспечения промышленности, а наоборот — предприятия будут вынуждены работать не на полную мощность только из-за отсутствия высококвалифицированных работников. Многие промышленные предприятия России уже сегодня почувствовали недостаток квалифицированного персонала.

Ключевые слова: мотивационные потребности, мотивация работников, стимулирование трудовой деятельности, конкурентоспособность работников, микроклимат в коллективе.

Motivational Components of Strategic Security of Company Work in The International Market: Sociological Aspect

Daria A. Lukashevskaia¹

¹Department of Knowledge Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. In recent years, many enterprises have been certifying their management systems for compliance with the requirements of the ISO9001: 2000 standard in order to improve the quality of their products and enter the international market. But, despite this, their products are not able to displace imported products from the domestic market and are very difficult to market in other countries. The decisive role here is played not only by the quality of the products, but also by their price. To solve this problem, it is necessary to increase the level of labor productivity, and thereby reduce the price of products. It is possible to influence labor productivity through the use of new technologies, but not the least role is played by personnel. For Russia to remain an industrial country, it is necessary to invest not only in the latest technologies and modern equipment, but also in industrial personnel. Otherwise, the situation on the labor market will not only not improve towards full-fledged staffing of the industry, but on the contrary, enterprises will not be forced to work at full capacity just because of the lack of highly qualified workers. Many industrial enterprises in Russia today already felt the lack of qualified personnel.

Keywords: motivational needs, motivation of employees, stimulation of labor activity, competitiveness of employees, microclimate in the team.

Введение

Экономические преобразования в нашей стране не будут успешными, если в корне не изменить систему управления на промышленных предприятиях, а именно систему управления

персоналом. Ведь предприятие как работодатель должно быть привлекательным для своих потенциальных сотрудников. Только тогда у населения может возникнуть желание получать образование с целью дальнейшей работы на предприятиях. Современная наука уже придумала, в чем может состоять привлекательность предприятия для реальных и потенциальных работников, — это мотивация своих сотрудников как процесс побуждения к деятельности для достижения личных целей персонала и целей организации. Мотивация через выявление и удовлетворение потребностей каждого отдельного работника [1; 2].

Хоть в мотивации важен индивидуальный подход к каждому работнику, должна быть внедрена определенная система в целом. Серьезно к этому вопросу подошла Международная организация по стандартизации (ISO), которая в основу многих стандартов по управлению положила системно-целевой подход к управлению организацией [3].

Системно-целевой подход в управлении оправдал себя на практике. Примером стало внедрение систем управления качеством согласно требованиям международного стандарта ISO 9001 «Система менеджмента качества. Требования», систем управления окружающей средой в соответствии с требованиями стандарта ISO 14001 и систем управления безопасностью и здоровьем работающего персонала согласно требованиям стандарта BS OHSAS 18001. Есть предприятия, внедрившие интегрированные системы управления. Так, в одной организации могут функционировать система управления качеством и система окружающей Достаточно убедительным управления средой. подтверждением результативности интегрированных систем управления можно считать сертификат соответствия [4]. Известно. что добровольная сертификация систем **управления** инструмент независимой, максимально рассматривается как объективной соответствия этих систем требованиям международных стандартов [5; 6].

Цель исследования заключается в теоретическом обосновании и предоставлении практических рекомендаций по разработке и внедрению системы мотивации персонала предприятия и осуществления мотивационного мониторинга.

Материалы и методы

Прежде чем разрабатывать систему мотивации работников, нужно обратить внимание на уже существующие и признанные системы управления. Прежде всего, это система управления качеством. Цель внедрения требований стандарта ISO 9001 — получение конечного продукта, который бы соответствовал требованиям потребителя, но объектом управления, в первую очередь, становятся работники. Поэтому, с точки зрения практики, особое место в реализации требований этого стандарта занимает один из принципов менеджмента — привлечение работников, которые профессионально выполняют свои обязанности и способны достигать цели организации, а именно — производить продукцию надлежащего качества [7].

Хотя в стандарте речь идет о работниках, которые влияют на качество продукции, подразумевается весь штатный состав предприятия, поскольку свой вклад в качество продукции делают все без исключения работники [8]. Качество продукции зависит от нескольких факторов: от уровня организации работ и стратегического и оперативного планирования; от качества разработанной регламентирующей документации; от организации рабочих мест; от качества обслуживания технологического оборудования; от уровня метрологического обеспечения; от качества закупленной продукции для обеспечения производственного процесса; от микроклимата в коллективе и так далее [9]. Однако следует отметить, что требования, которые выдвигает стандарт к персоналу, очень ограничены.

Современные теории управления персоналом рассматривают целый ряд специальных направлений, от которых зависит результативность деятельности персонала. Это, например, отбор и адаптация персонала, карьера и мотивация. Стандарт ISO 9001 не содержит требование мотивировать сотрудников на достижение целей по качеству. И специалисты по качеству справедливо считают, что даже профессионально разработанная система управления

качеством не будет работать, если персонал не мотивирован, поэтому начали брать на вооружение теории мотивации и увязывать их с системой управления качеством. Такой подход на сегодня является перспективным, поскольку система качества, построенная в соответствии с требованиями стандарта ISO 9001, может быть началом для построения и внедрения системы мотивации работников. Особенно, когда речь идет о целевом управлении.

Чтобы побудить работников достигать цели организации, необходимо выявить их потребности мотивационные И измерить степень удовлетворенности этих потребностей [10; 11]. Для использования этого рассмотрим возможность такого инструментария, как мотивационный профиль, что определяется через выявление отношения работников к мотивационным факторам, среди которых фактор материального характера является лишь одним из двенадцати. Перечень двенадцати факторов мотивации представлен в таблине 1.

Мотивационный фактор	Степень удовлетворенности
Высокая заработная плата и материальное поощрение	
Комфортные физические условия труда	
Структурирование работы	
Социальные контакты: на уровне легкого общения с широким кругом людей	
Устойчивые взаимоотношения: тесные отношения с небольшим кругом людей	
Признание заслуг	
Стремление к достижениям	
Власть и влиятельность	
Разнообразие и изменения	
Креативность	
Самосовершенствование	
Интересная и полезная работа	

Таблица 1. Факторы мотивации работников организации

Сама технология выявления этих факторов для каждого работника связана со специальным тестированием. Когда работник отвечает на вопросы теста, он выражает свое мнение по поводу того, какой из этих факторов для него является более значимым, чем другой, через количество баллов [12]. Тест был сконструирован таким образом, чтобы поощрять откровенность респондентов. Необходимость сопоставить 132 утверждения и постоянные повторения предполагают, что даже те, кто на начальном этапе заполнения профиля пытаются дать наиболее выигрышный для себя ответ, в дальнейшем открывают свои настоящие мысли [7]. Для следующего этапа нужно измерить степень удовлетворенности потребностей работников по каждому фактору. Для этого респонденту предлагается заполнить таблицу 2, в третьей колонке которой работник должен определить степень удовлетворенности каждым из двенадцати факторов по шкале от 0 до 1 с шагом 0,1. Значение 0 — соответствует определению вполне удовлетворен, а 1 — вполне доволен.

Таблица 2. Квалиметрические значения значимости факторов и их удовлетворенности

Номер фактора	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Значимость фактора	0,7	0,3	0,3	0,7	0,4	0,9	0,9	0,7	0,9	0,8	1,0	0,8
Степень удовлетворенности		1,0	1,0	1,0	1,0	0,7	0,7	1,0	0,5	0,5	0,6	0,9

Для дальнейшего анализа было необходимо баллы, полученные во время специального тестирования, также перевести на шкалу от 0 до 1. Для этого максимальный балл принимается за 1, а другие определяются через отношение к нему. Таким образом, в таблицу 2 сводятся все результаты опроса. Первая строка таблицы 2 — это номера факторов согласно таблице 1; вторая строка — результаты первого опроса, сведенные к десятичной дроби; третья строка — результаты второго опроса. Далее значение из таблицы 2 необходимо перенести на диаграмму,

которая поделена на четыре квадрата (таблица 3). По вертикальной шкале диаграммы нанесены значения мотивационных факторов, а по горизонтальной — удовлетворенность ими. В первом квадрате значения фактора и удовлетворенность находятся в пределах от 0 до 0,5. Во втором — значение фактора лежит в диапазоне от 0,6 до 1, а значение удовлетворенности — от 0 до 0,5. В третьем квадрате значения фактора и удовлетворенности в пределах от 0,6 до 1. И, наконец, в четвертом значение фактора находится в пределах от 0 до 0,5, а удовлетворенности — от 0,6 до 1.

	II квад	рат			III квадрат						
	1,0						11				
HINS	0,9					9		6,7			
Bal	0,8					10				12	
Могивационные требования	0,7					1				8	4
тре	0,6										
ыe	0,5										
	0,4										5
ОИЈ	0,3										2,3
Bal	0,2										
ТИ	0,1										
Mc		0,1	0,2	0,3	0,4	0,5	0,6	0,7	0,8	0,9	1,0
		I квадрат IV квадрат									
		Удов	Удовлетворение выявленных потребностей								

Таблица 3. Диаграмма мотивационного профиля работника

Результаты и обсуждение

Из приведенной таблицы 3 видно, что для мотивирования опрошенного работника прежде всего необходимо обратить внимание на факторы 9 (разнообразие и перемены), 10 (креативность) и 1 (высокая заработная плата и материальное поощрение), так как они находятся во втором квадрате диаграммы, что свидетельствует об их высокой значимости и низкой удовлетворенности. Не следует игнорировать и фактор 11 (самосовершенствование), поскольку он находится в третьем квадрате на грани со вторым.

Вообще трудно определить на все случаи жизни, какие меры должен предпринять руководитель, чтобы повлиять на определенный мотивационный фактор того или иного работника, или какие меры внедрить на предприятии, чтобы удовлетворить мотивационные потребности основной части работников. Однако мы хотим предложить определенный алгоритм. Для этого необходимо рассмотреть возможность использования бюллетеня стимулов. В бюллетене стимулов мы имеем краткую информацию по определенному кругу вопросов, а именно применение стимулов для удовлетворения мотивационных потребностей работников на предприятии. Бюллетень стимулов представлен в таблице 4, где приведены стимулы по мотивационным факторам.

Если через некоторое время снова провести опрос, то мотивационный профиль этого же работника будет иметь другой вид. Ведь у каждого человека после удовлетворения одних потребностей возникают другие. Но удовлетворенность этих потребностей может быть на уровне 0.1, а может быть на уровне 0.8. И это принципиальная разница.

Чтобы отслеживать состояние мотивации работников, автор предлагает использовать мотивационный потенциал, который характеризует готовность работника к максимальной трудовой отдаче, развитию конкурентоспособности, реализации в работе приобретенных знаний, способностей, умений, навыков и отражает степень удовлетворенности мотивационных потребностей работника. Чем выше значение мотивационного потенциала, тем большая удовлетворенность мотивационных потребностей работающих. Чем больше

удовлетворенность мотивационных потребностей работающих, тем эффективнее для предприятия может быть работа таких работников.

Таблица 4. Бюллетень стимулов

Название фактора	Стимулы
Высокий заработок	Если работник нуждается в материальном вознаграждении, то его нужно давать.
	Но вознаграждение должно быть выплачено за определенную работу,
	определенные достижения, то есть вознаграждение — это прямой результат
	усилий работника. Также необходимо продумать, какие принять меры, если
	прямые обязанности будут выполняться некачественно. В случае, где
	мотивацией являются деньги, лучший способ — это их не дать. Для
	удовлетворения этого мотивационного фактора на предприятии должен быть
	выработан подход к формированию заработной платы, обосновано количество и
	разновидность доплат и надбавок
Разнообразие и изменения	Система управления качеством сама по себе предполагает постоянные
	изменения, направленные на ее улучшение. Поэтому желание к изменениям у
	такого работника, через обучение, тоже следует направлять. Нужно постоянно
	задавать вопрос, что он считает необходимым изменить в организации работы и,
	если это эффективно, дать ему возможность и помочь это сделать. Если не
	эффективно, то приостановить его действия, но при этом дать понять, что все его
	предложения по изменениям в организации работы будут рассматриваться.
	Кроме того, само по себе установление и достижение целей в области качества
IC	на предприятии влечет за собой разнообразие и изменения
Креативность	Стандарт ISO 9001 предусматривает, что организация должна определить
	действия, позволяющие устранять причины потенциальных несоответствий с
	целью предотвращения их возникновения. Меры предосторожности — вот поле
	деятельности для креативного работника. В случае, если человек подает
	неприемлемое предложение, его нужно отклонить очень осторожно, чтобы не
	подавить желание эти предложения подавать. Процедура подачи предложений, их рассмотрения и внедрения должна быть четко установлена. Для
	окончательной мотивации желательно внедрение принятых предложений
	сопровождать материальными вознаграждениями
Самосовершенствование	У таких работников всегда будет необходимость учиться. А задача руководителя
Самосовершенетвование	— использовать это с пользой для организации, то есть направлять на обучение
	с целью достижения целей предприятия. Кроме того, такие работники могут
	составлять кадровый резерв. Ведь стремление к самосовершенствованию может
	удовлетворяться карьерным и профессиональным ростом. В целом же по
	предприятию следует разработать и внедрять программу карьерного и
	профессионального роста сотрудников
	I T - T Poota vorpjammen

Чтобы определить мотивационный потенциал работника (М), необходимо добавить работнику все значения степени удовлетворенности (С), которые зафиксированы в таблице 2. То есть мотивационный потенциал через степень удовлетворенности мотивационных потребностей определяется из формулы:

$$M = C1 + C2 + C3.... + C12$$
 (1)

Мотивационный потенциал предприятия (М) можно определить следующим образом: добавить все значения мотивационных потенциалов работников и разделить эту сумму на их количество. Безусловно, в вопросах мотивации должен быть индивидуальный подход к каждому работнику, но мотивационный потенциал предприятия характеризует в целом работу руководства в вопросах управления персоналом. Значение степени удовлетворенности находится в пределах от 0 до 1 с шагом 0,1. Следовательно, значением мотивационного потенциала будет число с точностью до одного знака после запятой. Если принять во внимание, что все опросы построены на двенадцати факторах мотивации и предположить, что

во всех факторах удовлетворенность максимальна, то есть равна единице, то максимальное значение мотивационного потенциала будет равно двенадцати.

Как уже отмечалось, под влиянием определенных событий у человека постоянно меняются потребности. И чтобы не проводить каждый раз такой сложный первый опрос, можно только определить мотивационный потенциал работника. Если его значение не изменилось, то в предыдущем опросе нет нужды. А если оно снизилось, то сразу возникает необходимость провести опрос полностью и определить, что именно нуждается в удовлетворенности. Так, через мотивационный потенциал можно отслеживать состояние в коллективе предприятия по мотивации работников, то есть осуществлять мотивационный мониторинг. Проведение вышеописанного тестирования и мотивационного мониторинга с применением мотивационного потенциала создает определенную систему мотивации, которая показана в таблице 5.

Таблица 5. Система мотивации работника

№ п/п	Факторы					
1.1	Выявление мотивационных потребностей работника через его соотношения двенадцати					
	мотивационных факторов (Тест «Мотивационный профиль»)					
1.2	Измерение удовлетворенности потребностей работника по двенадцати факторам мотивации (Тест					
	«Степень удовлетворенности»)					
1.3	Определение мотивационного потенциала работника					
1.4	Определение потребностей работника, которые должны в первую очередь удовлетворяться					
	(Диаграмма мотивационного профиля работника)					
1.5	Внедрение определенных мер по мотивации опрошенного работника					
1.6	Измерение удовлетворенности потребностей работника по двенадцати факторам мотивации (Тест					
	«Степень удовлетворенности»)					
1.7	Определение мотивационного потенциала работника					
	Через некоторое время					
2.1	Измерение удовлетворенности потребностей работника по двенадцати факторам мотивации (Тест					
	«Степень удовлетворенности»)					
2.2	Определение мотивационного потенциала работника					
Если з	Если значение мотивационного потенциала уменьшилось по сравнению с пунктом 1.7, то необходимо					
приступ	пить к выполнению пункта 1.1, если же нет, то через некоторое время нужно снова выполнить пункт					
2.1.						

В таблице 5 показана система мотивации одного работника. Бесспорно, мотивация должна быть адресной. И есть ряд причин, которые заставляют руководство предприятия подходить к системе мотивации обобщенно, то есть внедрять мероприятия по мотивации, направленные на всех работников одинаково.

Индивидуально можно мотивировать только отдельных работников, которые занимают ключевые посты или являются прекрасными специалистами в своем деле. Иначе нужно будет создать целое подразделение, сотрудники которого все рабочее время будут заняты тестированием по каждому работнику, что приведет к нежелательным последствиям. Да и работодатели не пойдут на такие шаги, поскольку создание каждого нового рабочего места должно быть обоснованным и экономически целесообразным [13].

Проведенные опросы показали, что в каждом отдельном подразделении работники могут быть недовольны работой по одинаковым причинам. Значение мотивационных потенциалов каждого работника в отдельно взятом подразделении, в основном, очень близки. И, в первую очередь, эти значения зависят от руководителя подразделения. Поэтому к работникам одного подразделения можно применять одинаковые меры по мотивации, проведя соответствующую работу с руководителем этого подразделения. Как известно, стандарт ISO 9001 требует, чтобы высшее руководство анализировало действующую в организации систему управления качеством и ее процессы. Для того, чтобы управлять качеством процесса, необходимо уметь измерять его результативность. Помимо этого, с определенной периодичностью нужно

анализировать и систему мотивации. Анализировать результативность любой системы можно по определенным критериям. Для анализа результативности системы мотивации можно использовать мотивационный потенциал. Входными данными для анализа в таком случае будет значение мотивационных потенциалов подразделений и предприятия, а выходными — мероприятия, направленные на улучшения в системе управления персоналом в целом на предприятии или в отдельных подразделениях. Такие меры должны осуществляться не однократно, а систематически; и не просто с определенной периодичностью, а и с определенной целью. Поэтому предложенная система мотивации работников базируется на системно-целевом подходе согласно стандарта ISO9001: 2000.

Выводы

Развивая традиционные методы аттестации и мотивации персонала с учетом современных подходов для обеспечения предприятий квалифицированными кадрами, необходимо строить механизм последовательного повышения мотивационного потенциала работников на основе выявления их мотивационных потребностей. Недостаточно иметь квалифицированных специалистов, надо заинтересовать их эффективно реализовывать свой потенциал.

Необходимо признавать, что разнообразие потребностей имеет право на существование. Поэтому первым шагом в выбранном направлении должно быть диагностирование уровня удовлетворенности мотивационных потребностей работников. Для решения этой задачи автор предлагает использовать, с одной стороны, 12-ти факторную модель мотивации Мартина, с другой стороны, квалиметрическую модель степени реализации этих факторов на предприятии через выявление удовлетворенности мотивационных потребностей сотрудников по этим 12-ти факторам.

На основе квалиметрической модели степени реализации мотивационных потребностей осуществляется измерение мотивационного потенциала каждого отдельного работника, подразделения или предприятия в целом, значение которого является показателем для руководства предприятия готовности сотрудников достигать цели организации и качественно выполнять свои обязанности. Значение мотивационного потенциала может использоваться как критерий оценки результативности системы мотивации, на основе которого могут приниматься управленческие решения.

Библиографический список

- [1] Корзенко Н.И., Тимакова Т.В. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности в управлении персоналом // Вестник Челябинского Государственного Университета. 2015. Т. 1, № 356. С. 124—126.
- [2] Горшкова О.Н. Система трудовой мотивации работников организации // Вестник Челябинского Государственного Университета. 2001. № 18. С. 168–173.
- [3] Скворцов В.Н., Маклакова Е.А. Трудовая мотивация работников в современных условиях // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. -2013.-T. 6, № 1.-C. 54–68.
- [4] Озерникова Т.Г. Мотивация и конкурентоспособность работников: проблемы взаимосвязи // Известия Байкальского государственного университета. 2005. № 1. С. 71–75.
- [5] Shelygov A.V. Change management. Moscow: OOO "Izdatel'stvo ITRK", 2018. 160 c.
- [6] Шелыгов А.В. Совершенствование стратегии бизнес-коммуникаций организации на основе CRM // Мировая экономика в новых условиях развития: готовность к ответу на вызовы Материалы международной научно-практической конференции (26–27 ноября 2019) / Сост. Е.В. Афанасьева, С.И. Союстова. Москва: Московский политехнический университет, 2019. С. 519–528.

- [7] Юдина С.В. Мотивация интеллектуальных работников // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2012. № 3. С. 82–89.
- [8] Скрипникова Г.В., Ширманова Г.С. Трудовая мотивация и ее влияние на качество жизни работников // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 1–3, № 59. С. 248–252.
- [9] Захаров А.Н. Проблемы мотивации и производительности труда работников сельского хозяйства // Вестник НГИЭИ. 2013. Т. 7, № 26. С. 51–62.
- [10] Чеха В.В. Механизмы инвестиций в сферу образования: проблемы и решения // Вопросы образования. 2011. № 1. С. 43.
- [11] Чепурко Г.В., Пелипенко А.А. Мотивация работников на предприятии // KANT. -2013. Т. 1, № 7. С. 49-51.
- [12] Шихатов П.И. Мотивация работников как элемент механизма экономического развития предприятия // Вестник Международного института экономики и права. 2015. Т. 1, № 18. С. 32–35.
- [13] Бабаева З.Г. Мотивация работников на предприятиях // European Research. -2015.-T.4, Noteques 5.-C.62-67.

References

- [1] Korzenko, N.I., & Timakova, T.V. (2015). Motivation and stimulation of labor activity in personnel management. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 1(356), 124–126.
- [2] Gorshkova, O.N. (2001). The system of labor motivation of employees of the organization. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 18, 168–173.
- [3] Skvortsov, V.N., & Maklakova, E.A. (2013). Labor motivation of workers in modern conditions. *Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin*, 6(1), 54–68.
- [4] Ozernikova, T.G. (2005). Motivation and competitiveness of employees: problems of interconnection. *Bulletin of the Baikal State University*, 1, 71–75.
- [5] Shelygov, A.V. (2018). Change Management. Moscow: OOO "Izdatel'stvo ITRK".
- [6] Shelygov, A.V. (2019). Improving the organization's business communications strategy based on CRM. In E.V. Afanasyeva, S.I. Soyustova (Eds.), *The world economy in the new conditions of development: preparedness to respond to challenges Materials of the international scientific-practical conference* (pp. 519-528). Moscow: Moscow Polytechnic University.
- [7] Yudina, S.V. (2012). Motivation of intellectual workers. *Bulletin of Perm University. Series: Economics*, 3, 82–89.
- [8] Skripnikova, G.V., & Shirmanova, G.S. (2014). Labor motivation and its impact on the quality of life of workers. *Bulletin of the Kemerovo State University*, 1-3(59), 248–252.
- [9] Zakharov, A.N. (2013). Problems of motivation and labor productivity of agricultural workers. *Bulletin of NIIEI*, 7(26), 51–62.
- [10] Chekha, V.V. (2011). Mechanisms for investing in education: problems and solutions. *Education Issues*, 1, 43.
- [11] Chepurko, G.V., & Pelipenko, A.A. (2013). Motivation of employees in the enterprise. *KANT*, 1(7), 49–51.
- [12] Shikhatov, P.I. (2015). Motivation of workers as an element of the mechanism of economic development of the enterprise. *Bulletin of the International Institute of Economics and Law*, 1(18), 32–35.
- [13] Babaeva, Z.G. (2015). Motivation of employees in enterprises. *European Research*, 4(5), 62–67.

Получена / Submitted: 28/12/2019 Доработана / Revised: 03/02/2020

Принята к публикации / Accepted: 10/02/2020

Подписано в печать 23.03.2020. Формат 60х90 1/8. Уч.-изд. л. 9,18. Усл. печ. л. 14,63. Тираж 500. Заказ № 1861 Центр развития публикационной активности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тюменский индустриальный университет». 625000, Тюмень, ул. Володарского, 38. Типография библиотечно-издательского комплекса ТИУ 625039, Тюмень, ул. Киевская, 52.